

Савитри

От переводчика

«Савитри» начиналась как повествовательная поэма умеренной длины, содержание которой основывалось на легенде, рассказанной в «Махабхарате». Постепенно насыщая содержание поэмы своим собственным духовным видением, Шри Ауробиндо превращает «Савитри» в масштабное эпическое произведение. Он поясняет: «Я использовал поэму как средство для духовного восхождения: начинал её писать, находясь на определенном ментальном уровне, а когда достигал более высокого уровня, то переписывал её... Фактически, я считал «Савитри» не завершенной поэмой, но полем эксперимента, который позволяет увидеть, насколько далеко может продвинуться поэтическое творчество, основанное на меняющемся собственном йогическом сознании писателя...».

Вкратце говоря, «Савитри» приобрела нынешний образ, пройдя через три главные фазы.

1. До 1920 года Шри Ауробиндо создал несколько черновиков повествовательной поэмы, пересказывая изначальным образом историю Савитри и Сатьявана. Последняя версия состояла по плану из восьми книг в двух частях, причем книги не были разделены на отдельные песни.
2. В 1930 году он преобразовал повествовательную поэму в эпическую. Долгое время он концентрировался на описании Йоги Ашвапати, предваряющей рождение Савитри. К 1945 году он создал новую первую часть, содержащую три книги и множество песней.
3. В третьей фазе помимо переделки для публикации первой части он переработал и расширил большинство книг, написанных в первый период. Он добавил книгу о Йоге Савитри, создав в общей сложности 12 книг и 49 песней, и завершил части вторую и третью.

Таким образом, процесс написания поэмы продолжался до 1950 года, то есть вплоть до его смерти. Изначально поэма была достаточно короткой и не требовала разделения её на книги и песни. Разделы были отделены друг от друга только пустой строкой. В дальнейшем поэма пересоздавалась несколько раз. Некоторые книги были переработаны неоднократно. К другим Шри Ауробиндо едва прикасался. В окончательном варианте «Савитри» содержит 23837 строк.

Следует добавить, что для понимания поэмы необходимо также располагать знаниями и терминологией, характерными для литературы Индии. Чтобы облегчить это понимание, текст поэмы на русском языке снабжен сносками с примечаниями переводчика, раскрывающими смысл упоминающихся в поэме пассажей и слов.

Отдельно нужно остановиться на имени одного из главных персонажей поэмы – на имени Ашвапати.

«Ашвапати – переводится как Господь или Бог Лошади (в поэме - человеческий отец Савитри), Бог Тапаси, концентрированная энергия духовного стремления помочь нам подняться из смертного состояния к бессмертным планам».

Мы знаем, что в Ведах образ Лошади символизирует энергию. У всех нас есть Лошадь внутри нас, и обычно мы не полностью контролируем её. Ашвапати – бог, мастер своих энергий, и он может направлять их на осуществление своих целей и стремлений. В беседах с учениками Шри Ауробиндо говорит: «Ашвапати, отец Савитри – это Бог Энергий... Ашвапати – Йогин, который ищет средства, чтобы вывести мир из неведения».

«Ашвапати – это Шри Ауробиндо?»

Вот что пишет Шрадхаван, которая много лет ведет в Ауровиле «Дом Савитри» и занятия, раскрывающие смысл этой поэмы: «В комментариях к поэме уже стало почти

обычным явлением считать, что Йога Ашвапати, о которой рассказывается в Первой части поэмы, видится всеми как духовная автобиография самого Шри Ауробиндо. Так же как последователи Йоги и любящие поэму идентифицируют Савитри с Матерью. Шри Ауробиндо идентифицируется с Ашвапати – этим великим воплощением концентрированной энергии, йогическим устремлением к освобождению нашего мира... Тем не менее, я думаю, что нам следует избегать слишком буквально делать такую идентификацию... Ашвапати - аспект Шри Ауробиндо, а эта поэма является продуктом сознания Шри Ауробиндо, основанном не на воображении, а на его духовном опыте, и очень многое соотносится с тем, что касается Ашвапати в поэме, и тем, что открыл Шри Ауробиндо в своей собственной садхане».

О.Шеховцова

Часть 1

Книга первая КНИГА НАЧАЛ

Песнь первая РАССВЕТА ЗНАК

- Это был час до пробуждения Богов.
Путь преграждая божьему Явлению,
Огромный Ночи дух - несчастья предвестник,
Единственный во мраке Её храма вечности,
5. Лежал без всякого движенья, распростираясь на краю Безмолвья.
Была почти неразличима, непроницаема, темна
Пучина Бесконечности бесплотной
Во мрачных знаках слепого созерцанья Ночи;
Бездонное Ничто заполонило мир.
10. Вдруг пробудившаяся сила «я», сошедшая на нет
Меж первым и последним своим Небытием,
Взывая к сумрачному лону - истоку своему,
Из таинства непостижимого рождения
И медленного умирания проснулась
15. И страстно захотела достигнуть завершения в пустом Ничто.
Там, в темноте первопричины сущего всего,
Обличье Неизвестного немое и непроявленное в форме,
Которое извечно повторяет несознательное действие
И бесконечно продлевает слепую волю,
20. Баюкало вселенскую дремоту незнающей ответов Силы,
Чей творческий порыв, разбуженный, зажечь способен солнца
И жизни наши в сомнамбулическом кружении нести.
Наперекор гигантскому, пустому трансу этого Пространства,
Его оцепененью, хаосу без мысли и без жизни,
25. Как тень, кружащая в бездушной Пустоте,
Отброшенная вновь в бездумные виденья,
Земля вращалась в одиночестве, покинутой в пустынных безднах,
Забыв свой дух, свою судьбу забыв.
Бесстрастны были небеса, безлики, тихи и пустынные.
30. Затем в непостижимой темноте зашевелилось что-то;
В той тьме движенье смутное, невероятная Идея,

- Настойчивое нечто, безо всякой цели, неудовлетворенное,
Желающее быть, но как того достичь не знающее вовсе,
Дразнило Несознание, чтоб Неведенье рассеять.
35. Та судорога, что пришла, оставила дрожащий след,
Неутоленному и старому желанью место предоставив,
Чтобы оно смогло в тиши безлунного подвала подсознания,
Поднять свою главу и свет искать, отсутствующий там,
Закрытые глаза пропавшей памяти напяречь пытаясь,
40. Как тот, кто ищет «я» свое былое,
Но лишь встречает одни останки своего желания.
И было это так, как если б во глубине Ничто,
В самом ядре его предельного распада,
Скрывалась некая себя непомнящая сущность;
45. Живой она осталась в убитом и погребенном прошлом,
Приговоренной, чтоб восстановить усилие и боль,
Ожив в еще одной вселенной несбывшихся надежд.
Сознание без формы возжелало света,
А провидение пустое стремилось к отдаленным изменениям.
50. Как будто детский пальчик, коснувшийся щеки,
Напомнил о постоянной потребности в еде
Вселенской Матери, внимание к ребенку потерявшей;
Простор угрюмый охватило страстное желание младенца.
Вот, незаметно где-то была пробита брешь:
55. Трепещущего цвета линия одна, большая,
Как смутная улыбка, влекущая заброшенное сердце,
Тревожила далекий край туманного сна жизни.
С другого края беспредельности прибыв,
Глаз божества проглядывал из тех немых глубин;
60. Посланником разведки солнца казался он
Средь плотного вселенского покоя,
Скучающего мира и оцепенения застоя;
Пришел искать он дух покинутый и одинокий,
Упавший слишком низко, чтобы вспомнить забытое блаженство.
65. И вклиниваясь в космос, лишенный мысли,
Его послание вползло сквозь тишь глухую,
Взывая к приключению сознания и к радости,
И, покорив разочарованную душу той Природы,
Принудило добиться вновь согласия осязать и видеть.
70. Так мысль была посеяна в беззвучной Пустоте,
И чувство рождено в глубинах темноты,
И в сердце Времени затрепетала память,
Как если б душу, что давно мертва, подталкивали к жизни:
Но то забвение, которое приходит вслед падению,
75. Покрыло пятнами исписанные сплошь таблички прошлого,
И нужно было всё разрушенное вновь восстановить,
И скрупулезно проработать старый опыт ещё раз.
Всё можно сделать, если есть прикосновение бога.
Надежда проскользнула там, где не осмеливалась быть,
80. Среди покинутого безразличья Ночи.
И как просящий во враждебном мире,
Осиротелый, изгнанный отыскивать пристанище,
С изяществом опасным, инстинктивным,

- Как странствующее чудо без собственного дома,
85. В укромный закоулок неба пришел
Неясный зов неспешного чудесного движенья.
Настойчивая дрожь творящего прикосновенья
Сдавила тот покой инертный, чёрный,
И красота, и чудо разбередили божьи небеса.
90. Блуждающая кисть неяркого чарующего света,
Что озарила блеклый край мгновенья,
Скрепила рамой золотой с мерцающим на ней шарниром
Врата мечтаний, приоткрытые у тайны на границе.
Один сверкающий просвет, раскрывший спрятанную суть,
95. Заставил различить завуалированную необъятность мира.
Тьма пала, соскользнув, словно спадающий покров
С лежащего под нею тела бога.
Затем сквозь бледный крошечный разрыв, казавшийся сначала
Едва достаточным для струйки крохотной, от солнц идущей,
100. Излилось откровение и пламя.
Короткий вечный знак вновь свыше проявился.
Чарующая сила из миров недостижимых,
Послание бессмертного неведомого Света,
Радужное, с сияньем лучезарным невидимого Бога,
105. Пылающее на трепетной границе этого творенья, -
Рассвет создал свеченье изумительных оттенков,
Посеяв семена великолепия в те часы.
И воссияло божество - мгновенья посетитель.
На тонком крае жизни Видение на миг остановилось,
110. И наклонилось, над погружённым в думы и изогнутым дугою лбом земли.
Передавая сложную для понимания красоту и счастье
Мистического смысла иероглифами цвета,
Оно писало строки несущего значение мифа,
Рассказывая о величии рассветов духа
115. Сверкавшим шифром, начертанным на небе в качестве листа.
Почти в тот час раскрыто было откровение,
Откуда наши мысли и надежды нисходят этими сигнальными огнями;
И одинокое великолепье незримой цели
Было почти заброшено на темень Пустоты бездушной.
120. Свободные Просторы ещё раз нарушил звук шагов;
Безбрежья центр, Лик блаженного покоя
Бессмертные приподнял веки, которые распахивают небеса;
И очертание чьё-то из блаженств далеких приблизилось.
Посланица от вечности к грядущим измененьям,
125. Богиня, знающая Всё, склонила голову свою над ширью,
Охватывающей звёзд маршруты, предопределённые судьбой,
И обнаружила пространства, пригодные для ног своих.
Разок она взглянула на солнце за своей спиной,
Затем с вниманием к работе вечной приступила.
130. Земля вплотную ощутила ход Вечности:
Ухо Природы, пробудившись, услышало шаги Богини,
И ширь земная к ней обратила свой безграничный взгляд -
Была посеяна в глубинах запечатанных Ее улыбка светлая,
И, вот, она зажгла огнем безмолвие миров.
135. Всё стало неким посвященьем, ритуалом.

- Вибрирующей связью меж небом и землей стал воздух;
Ширококрылый гимн священнических труб
Возник и опустился на алтарь холмов;
Ветви дерев в молитве обратились к откровениям небес.
140. И здесь, где стороной неведение обходит бездны в полусне,
Которые лежат в немой груди земли, сомненьями окутанной,
Здесь, где никто не знает наперед последствий ход,
А Истина поставила свой трон на призрачном фундаменте сомнений этих,
На этом поле тяжкого труда мучительном и ненадёжном,
145. Простёртая под неким широчайшим неподвзятым взглядом,
Как беспристрастная свидетельница радостей людских и бед,
Земля в смирении несла дающий пробужденье луч.
Здесь слабый свет видения, пророчества
Как чудо воссиял в обычных формах, лишённых всякой цели;
150. Затем божественное откровенье, истаяв в мире смертном,
Став лишним и умолкнув, отстранилось.
Не полностью исчезло жаркое стремление его,
Перед Присутствием и Силой преклонение святое,
Предвиденье чудесного рождения, что должно прийти -
155. Такое совершенное не может быть у смертью ограниченных сердец.
Совсем недолго свет бога может в этом мире пребывать:
И, озаряющая образ человека, красота души
Очерчивала страсть свою и таинство Материи личины
И рассыпала вечность в мгновеньях Времени.
160. И, вот, когда душа приблизилась к рождения порогу,
Что разделяет время смертных с Безвременьем,
А искра божества, утратившая в тайнике Материи
Свой блеск, исчезла в неосознающих планах,
Весь этот преходящий жар магического пламени
165. Тотчас растаял в атмосфере, привыкшей к свету.
Послание иссякло, и посланник убыл.
Тот одинокий Зов, та необщительная Сила -
Назад Она убрала в некий дальний тайный мир
Небесного луча цветное чудо:
170. Богиня отвела свой взгляд от мира смертных.
Богатство красоты, естественное для богов,
Едва ли сможет утвердиться в глазах того, чей век недолог;
Таинственное слишком для космических владений
Божественное тело Славы было удалено с небес:
175. Диковина и чудо – Она покинула сей мир.
И стал обычный свет земного дня.
Освободившись от отсрочки на усталость,
Вновь шум быстротекущей Жизни,
Кругами стал расходиться в исканиях Её слепых.
180. Все кинулись к своим обыденным делам;
Те тысячи людей на всей земле
Повиновались импульсам непредсказуемых мгновений.
И человек – здесь главный - с его изменчивым умом,
Единственный, кто пристально глядит в сокрытый лик грядущего,
185. Взвалил на плечи ношу своей судьбы.

Савитри тоже пробудилась среди тех людских племен,

- Которые примкнуть спешили к чудесной песне Глашатая небес
И, соблазнившись красотой видимых путей,
Излили громко свою долю эфемерного восторга.
190. Сродни той вечности, откуда вышла,
Она участия не принимала в восторгах этих;
Не отзывался Гость внутри нее, обретший тело -
Могущественный странник в мире человеческом молчал.
Зов этот, что пробуждает в человеке скачки воображенья
195. И страстный переменчивый мотив погони,
Иллюзию желанья, окрашенную дрожью,
Явился в её сердце сладкозвучной чуждой нотой.
Не для Савитри было посланье Времени в мгновеньях света.
Внутри нее было страдание богов,
200. На время в нашу человеческую форму заключенных,
Бессмертье, побежденное материальной смертью.
Бескрайняя Природы радость однажды ей уже принадлежала,
Но не смогла она надолго удержать её небесно-золотистый цвет
Или оставить жить её на этой хрупкой земной основе.
205. Движение малое в глубокой бездне Времени,
Непрочную ничтожность жизни, отрицающую силу,
И широту осознающую и гордую вместе с блаженством
Она в отлитый образ человека привнесла с собой, добавила
Восторг невозмутимый, что соединяет душу одного со всеми,
210. Прибавила ключ к пламенным дверям восторга.
Земли крупица, которая нуждается в живице слез и радости,
Отвергла благо вечного восторга:
Свой цветоцвет любви, судьбы она отдала,
Что был вручен ей - безграничья дочери.
215. Напрасной оказалась сейчас эта прекраснейшая жертва.
Своей божественности драгоценной щедрость,
Саму себя, всё, чем была, она вручила людям в услуженье,
Надеясь существо свое возвышенное в них вживить
И приспособить к жизни в их телах всё то,
220. Что небеса могут естественно взрастить на смертной почве.
Непросто это - к изменению земной природы людей склонить;
Смертные с болью переносят прикосновение вечности:
Они страшатся чистой нетерпимости небес,
Атаки их эфира и огня;
225. Они ворчат на счастье беспечальное свое,
Почти что с ненавистью отвергают свет, который им приносят боги;
Они дрожат от силы их обнаженной Истины,
От свежести и мощи ничем не ограниченного Голоса небес.
Накладывая бездн закон на выси те,
230. Они пятнают грязью этой посланников небес:
Шипы природы падшей - та защита,
Что обращают смертные против спасительных рук Милости;
И Бога сыновей они встречают смертью и болью.
А слава озарений, пересекающих земную сцену,
235. Их гаснущие солнца-мысли - всё померкло от несведущих умов,
Работа предана, добро обращено во зло,
Они лишь крест воздвигли – вот их плата за величье,-
Оставив позади всего одно прославленное Имя.

- Огонь уже пришел, коснулся человеческих сердец и убыл;
240. Лишь часть людей то пламя подхватила и обратилась к высотам жизни.
Мир слишком непохожий пришла улучшить и спасти Савитри,
Его несведущую душу тяготило ее величье,
И из туманной бездны мира пришел ответ ужасный,
Как отголосок той борьбы, падения и горя.
245. Жить вместе с горем и смерти смотреть в лицо Савитри предстояло,
И участь смертная уделом стала ее Бессмертья.
Таким путем попавшая в капкан земных судеб,
Покинутая счастьем, присущим от рожденья ей,
Земное одеяние темной жизни примеряя,
250. Скрывая суть свою даже от тех, кого любила,
Свершившегося часа тяжелых испытаний ожидая,
Божественность возрастала человеческой судьбой.
Разъединило мрачное предвиденье её
От всех, кому была Савитри сияющей звездой, опорой;
255. Столь сильную опасность и такую боль делить с другими невозможно,
То горе, что должно прийти, она таила в своих израненных глубинах.
Как тот, кто наблюдает за людьми, слепыми от рожденья,
И взваливает ношу расы, не осознающей это, на себя,
Прибежище врагу давая, которого должна питать своей сердечной мукой,
260. Лицом к лицу она предстала пред неизвестными делами и судьбою,
Не ожидая помощи, пришлось ей ужас испытать, и бросить вызов, и предвидеть.
Давно пришло предсказанное, роковое утро,
С собою принеся вослед обычный будний полдень.
Природа следует вперед, могущественный избирая путь,
265. Не обращая совсем внимания на то, что разбивает жизнь иль душу;
И умерщвленных оставляя за собой, идет она вперед:
Лишь примечает это человек, и видит всё всевидящее око Бога.
Но даже в тот момент отчаянья души,
В свидании том жестоком с болью и неизбежной смертью,
270. Не вырвался из губ Савитри ни зов о помощи, ни даже стон;
Ни с кем не поделилась она тайной своей беды:
Спокойным было её лицо, и мужество безмолвной делало её.
Лишь внешнее страдало существо, усилия прилагая;
Ведь, человечность в ней была божественной наполовину:
275. Открылся дух ее всесущему и всеобъемлющему Духу,
Её природа ощутила всю Природу своею собственной.
Все жизни по отдельности несла она внутри себя;
Весь мир она в себе держала, невозмутимо отстранившись:
Единым стал благоговейный страх её с великим страхом мира,
280. А сила опиралась на космические силы,
И с ней была любовь вселенской Матери.
Но по сравнению со злом, боль приносящим основам жизни,
Её беда была всего лишь обычным рядовым явленьем,
И из страданья своего она сковала тайный, острый меч.
285. Свой одинокий ум и сердце, вобравшее в себя весь мир,
Она подняла для работы бессмертной и ни с кем не разделенной.
Вначале горя не было в ее груди опустошенной:
И на коленях изначальной земной сонливости
Инертная, раскрепощенная в забвении своем,
290. Простерлась жизнь ее, себя в ума границах не осознавая,

- Тупая и спокойная как камень и звезда.
В расщелине глубокой, в тишине меж царствами двумя
Она лежала, вдалеке от скорби, без печалей и тревог,
Ничто не говорило о горе здесь.
295. Затем пришло воспоминанье слабое, похожее на тень.
Вздыхнув, сложила руки на груди Савитри
И осознала близкую мучительную боль, глубокую и тихую,
Такую старую, вдруг ставшую естественной для места этого,
Не знающую лишь, зачем и как она здесь появилась.
300. Была ещё удалена отсюда Сила, что ум воспламеняет:
Тяжёлыми, не склонными к работе были слуги жизни,
Словно работники, не получившие еще оплату за блаженство.
И не желал гореть печальный факел чувств,
А мозг, лишённый помощи, не находил следов былого.
305. И лишь земная смутная природа хранила образ тот в себе.
Но, вот, Савитри шевельнулась, космическую тяжесть разделила жизнь ее.
И по беззвучному приказу тела
Вернулся сильный быстрокрылый дух ее
Назад, под гнет своей судьбы, одев ярмо невежества,
310. Назад, к труду и стрессу смертных дней,
Дорогу освещая сквозь виденья странных знаков,
Через моря слабеющих с рассветом снов.
Затем природы дом невидимое колебанье ощутил,
И жизни все укромные места без промедленья озарились,
315. И по часам открылись дверные створки памяти,
И к тем дверям усталой поступью все мысли устремились.
Пришли к Савитри снова Земля, Любовь и Смерть,
Что спорят вечно, и стали, окружив ее,
Как образы гигантов, сражающихся издавна в ночи:
320. Те божества, рожденные из Несознания смутного,
К борьбе и к острой и душевной боли пробудились.
И там, под тенью пламенеющего сердца,
В том мрачном центре внушающего ужас спора
Пучины безутешной страж,
325. Наследующий долгую агонию земного шара,
Подобно каменной фигуре высокой божьей Боли,
Смотрел в Пространство беспристрастным и застывшим взглядом
И видел горя вечные глубины, не замечая жизни цель.
Суровая божественность ему боль причиняла,
330. И к трону своему прикованный, он удовлетворенья ждал
От ежедневной дани слез, ею непролитых еще.
Вернулся вновь вопрос жестокий о мгновеньях жизни человеческой.
Страданий и желаний жертвоприношение,
Что предлагает бессмертному экстазу Земля,
335. Вновь стало совершаться под вечной Дланью.
Уже неспящая Савитри без ропота стерпела марш сомкнутых мгновений
И посмотрела на этот мир зеленый, улыбчивый, но сопряженный с риском,
И услышала невежественный крик живых творений.
Среди обычных звуков на повседневной сцене
340. Её душа восстала, противостоя Судьбе и Времени.
Недвижная внутри, Савитри собирала силу.
То был тот самый день, когда уйти из жизни был должен Сатьяван.

Конец Песни первой

Песнь вторая ИСХОД

- На время опустившись в мысли тайники,
Савитри ум переместился к многоликим воспоминаньям прошлого,
Ожившим вновь, и осознал, что подошли они к концу:
Воспоминанья, угасая, жили нерушимо в ней;
5. То прошло, как преходящий и исчезающий из преходящих глаз,
Тот самый призрак «я», невидимый и роковой,
Несущий будущее наше в своей груди фантомной.
По следу быстро исчезающих событий, развернутому вспять,
Неумолимо двигался поток часов.
10. На берегу таинственного этого излива,
Что населен был видами известными, исчезнувшими ныне,
И образами тонкими того, что раньше было,
Стоял свидетель-дух Савитри, обозревая Время.
Всё то, о чем она мечтала и на что надеялась, всё, что сбылось,
15. Умчалось на орлиных крыльях в Лету сквозь небеса ожившей памяти.
Как-будто в многоцветьи внутреннего жаркого рассвета
Широкие дороги и тропы милые, влекущие по жизни,
Предстали пред её как солнце чистым и фиксирующим взглядом:
От дней в стране чудесной детства
20. И юности, парящей среди лазурно-синих гор и райских рощ,
И крыльев ослепительных Любви
До радости, оцепеневшей под молчаливой тенью рока,
Когда в последнем повороте с адом состязались небеса.
Двенадцать страстных месяцев вели ко дню несчастья.
25. Нисходит полная и сверхъестественная тьма
На человека иногда, когда он начинает приближаться к Богу:
Приходит час, когда недостает всех средств его Природы;
Тогда из-под Неведения защиты вытесненный разом,
Отброшенный назад к своим элементарным изначальным нуждам,
30. Он должен скинуть, наконец, с себя свою поверхностную суть
И неприкрытой стать сущностью, что обитает внутри него:
Такая участь для Савитри выпала в тот день.
Настал момент решить, должна ли быть жизнь напрасной
Иль нужно пробудить в себе бессмертную стихию,
35. Такую свою волю, что тела судьбу отменит.
Ведь, только Дух бессмертный своею вечной силой
Ярмо, рождением наложенное бременным, может снять.
И только это «Я», что создает тот самый образ «я»,
Может стереть весь этот застывший непрерывный ряд,
40. Который соединяет бесчисленные жизни, с их именами разными,
Личины эти разные, забывшие себя,
И скрытно наблюдает в сознательных деяньях наших
За шлейфом старых забытых мыслей и поступков,
Не признавая завещаний от наших погребенных «я» -
45. Наследства тягостного наших форм, исчезнувших навек,

- Вслепую принятого телом и душой.
Был в этих наблюдениях как будто эпизод забытого рассказа:
Утеряно его начало, мотив и фабула сокрыты;
История, прожитая однажды, всё подготовила и создала
50. Судьбу, дарованную нам сейчас – дитё энергий прошлых жизней.
Вот этот стойкий ряд космических последствий,
Скрепленных прочно связями сокрытыми и неизбежными совсем,
Должна была Савитри разорвать и низвести одной лишь силою своей души,
И прошлое свое – преграду на пути к бессмертью –
55. Ей нужно было сравнять с землей и заново сформировать свою судьбу.
А диалог с Богами изначальными,
Которые встречаются на границах неизвестного,
Её души спор с воплощенным Небытием
В опасной, смутной обстановке ей нужно было выиграть:
60. С бесформенной Причиной должно было столкнуться существо её,
И всей вселенной противопоставить одно своё лишь «я».
Там, на вершине голой, где «Я» стоит перед пустым Ничто,
А жизнь теряет смысл, и у любви опоры нет,
Свое решение нужно защитить Савитри на грани смерти,
65. В пещере угасания людей о беззащитном требовании жизни заявить
И право отстоять своё быть и любить.
Необходимо изменение внести в устройство строгое Природы;
Она должна добиться освобождения от прошлого оков,
И старый счет страданья погасить,
70. И вычеркнуть из Времени соединенный длинный долг души,
Тяжелые обременения кармических Богов
И медленную месть неумолимого Закона,
Тяжелую необходимость вселенской боли
И жертву тяжкую, и результат трагический.
75. Она должна прорваться за барьер, где Время не существует вовсе,
Проникнуть глубиной мыслей в чудовищную тишь Пустоты,
Взглянуть в страдающие от одиночества глаза бессмертной Смерти
И обнаженным духом своим измерить Бесконечность ночи.
Великий миг, страданье приносящий, теперь стал ближе.
80. Словно у войска, одетого в броню и марширующего к своей судьбе,
Те дни последние и долгие прошли тяжелой поступью,
Хотя и долгие, но слишком быстротечные и слишком приближавшие конец.
Одна среди множества любимых лиц,
Одна осознающая среди сердец счастливых, неосознающих -
85. Дух, защищенный её броней, дежурство нес в те самые часы,
Прислушиваясь к потрясающим предвиденным шагам
В сокрытой красоте не свойственных для человека чаш.
Как воин на арене смолкшей, грозной,
Она стояла ради мира, не знающего ничего об этом:
90. Не ожидая помощи, Савитри сберегала Силу внутри себя;
Отсутствовали здесь глаза земных свидетелей;
Природа одинокая внизу и Боги наверху
Лишь были очевидцами того наполненного мощью спора.
Суровые холмы, стремящиеся к небу, были вокруг нее,
95. Обширные зеленые леса с их шелестом глубокомысленным,
Невнятно бормотавшие приглушенное заклинание.
Густая, пышная и красочная жизнь, сокрытая от всех, сама в себе,

- Задрапированная в монотонность насыщенно-зеленых ярких листьев,
И множество цветов веселых в пестрых солнечных лучах
100. Стеною окружили сцену судьбы её, уединенную от всех.
Там поднялась она к высотам духа своего:
Дух-гений тех немислимых безмолвий,
Что душу пропитал её своим бескрайним одиночеством,
Открыл ей чистую реальность её «я»,
105. Вплотную соединив Савитри с этим окруженьем.
То одиночество часы её людского воплощенья подняло
До уровня основы вечной, уникальной.
Сила прямых и очень скромных нужд
Уменьшила всю тяжесть повседневных человеческих забот,
110. Обременительную массу потребностей ненужных,
Оставив только тонкий и первичный слой простых физических желаний;
Земли же первобытной потрясающая первозданность,
В раздумья погрузившийся глухой массив деревьев
И в размышлении застывшее сапфировое небо,
115. И значимость формальная неспешно шествующих месяцев
Оставили обширное пространство ей для Бога и надежды.
Так её драмы прожит был сияющий пролог.
Для вечности шагов то место на земле
Установилось в одиноком томлении лесов.
120. За ним присматривали пики устремленья,
Взирающие сквозь золотистый Времени просвет.
Здесь тишина, подслушивая, ощутила слова еще невысказанные,
А часы совсем забыли о движении к печали и измененью.
С внезапностью, присущей божественным пришествиям,
125. Вновь повторяя чудо нисхожденья первого
И превращая в восхищенье вялое земное движение по кругу,
Любовь пришла к ней, затмевая мрак и смерть -
Так бог Любви нашел в ней свой совершенный храм.
С тех пор, как к небесам тянуться начало земное существо,
130. Испытывая на себе все муки долгих испытаний,
Луч Света ни одно творенье не несло еще в себе –
Луч нестерпимых испытаний Богом существа всего людского,
Направленный, как молния с небес, в пучину нашу.
На благородный род указывало всё в Савитри.
135. Небес наперсник, тесно связанный с просторами земли,
Возвышенный и скорый её юный дух-провидец,
Через миры великолепья и покоя шествуя,
Перелетал при помощи воображенья к явлениям не рождённым.
Савитри воля была яркой, без ошибок, с присущим самообладаньем;
140. А ум её, как море искренности безупречной,
Неистовый в потоке, не содержал в себе каких-то мутных волн.
Подобно динамичному мистическому танцу жрицы
Экстазов чистых и совершенных, которую ведет
И вдохновляет свод откровений Истины,
145. Той самой жрицы, что танцует у богов в пророческой пещере,
Так точно сердце тишины в руках восторга божьего
Наполнило ударами, глубокими творящими,
Ударами сей притчи о рассвете, всё тело,
Что приютом оказалось божественности скрытой

150. Иль дверью золотою храма в запредельный мир.
Бессмертья ритмы в поступи её земной царили;
Её улыбка, её взгляд будили ощущение небес
Даже в материи простой, а интенсивный их восторг
Лил щедро неземную красоту на жизни всех людей.
155. Деянием врожденным была её неограниченная жертвенность;
Великодушие такое же обширное, как море или небо,
Окуtywало своею мощью всё, что приходило,
И создавало ощущение величья мира:
Её заботливость была как солнце нежной и спокойной,
160. А страсти пыл был в равновесии как голубое небо.
Душа ее летела как будто загнанная птица,
На крыльях утомленных уносясь из штормового мира,
В стремлении достичь покоя на груди воспоминаний -
В приюте безопасной и прекрасной нежной тишины,
165. Где можно заново испытать всю жизнь в потоках сладостных блаженства,
Восстановить утерянное состояние счастья,
Вновь ощутить великолепеье атмосферы своей природы светлой
И очистить радость под её горячим и колоритным управленьем.
Неисчерпаемая бездна сострадания, алтарь безмолвия,
170. Её душевная поддержка открыли врата небес;
Любовь её была обширней всей вселенной,
И в сердце её одном мог получить прибежище весь мир.
В нём пребывало божество Любви в своем величье безграничном:
Вне атмосферы ограниченной, в неволе содержащей её «я»
175. Она смогла реально ощутить дыхание духа тонкое,
Духовное настолько, что было в силах сделать всё вокруг божественным явленьем.
Ведь, даже глуби существа её являлись тайниками света.
Она была и словом, и молчаньем в одночасье,
Материком покоя, что распространяет сам себя,
180. И океаном чистого бесстрашного огня;
Безмолвие богов и сила их принадлежали ей.
В ней бог нашел такое же безбрежие Любви, как у себя,
И здесь же он обнаружил высь небес с их тонкой теплотой,
В которой он мог двигаться, как в доме своём родном.
185. В ней встретил он свою же собственную вечность.

- И даже нить печали до той поры не прерывала её луч света.
С тех пор, как мысли взор в теле её, дыханьем скованном,
В теле, живущем на груди земной, непрочной, брэнной,
Взор тот, с симпатией открытый к счастливым звездам,
190. Где жизнь не подвергается печальным измененьям,
Припомнил красоту, которую не открывали смертью движимые веки,
И удивился земному миру слабых хрупких форм,
Влекомых парусами блистающего Времени,
Была с ней неподвластность вечных, не рождённых Сил.
195. И хоть она склонилась под тяжестью земною,
Шаги её, всё ж, были соразмерны шагам Богов.
Дыхание земли не в силах было запятнать сверкающее зеркало:
И, не затронутое пылью нашей смертной атмосферы,
Восторг небес духовный оно всё также отражало.
200. Все те, что жили в круге света Савитри, едва ли видели

- В извечных небесах её блистательного друга детства,
Спустившегося из тех царств недостижимых
Во след пришествию её, такому яркому и притягательному,-
Парящую над нею Феникс-птицу бесконечного блаженства,
205. Парящую на крыльях, что белым пламенели огнем:
Небес защитник, исполненный покоя, охранял дитя, направленное с миссией.
Богатой красками орбитой был первый срок её,
А годы те сменялись, как золотые одеяния богов;
И в счастье том безветренном на троне восседала молодость её.
210. Но радость эта не может продолжаться вечно:
Есть тьма в материи земной, что не желает,
Чтобы долго длилась излишне радостная нота.
Неотвратимая Рука была к Савитри слишком близко:
Так облаченная Бессмертьем попала в ловушку Времени.
215. Тот, кто встречает существ великих, взваливших бремя на себя, нашел её.
Определил он путь и испытанье тяжкое,
Избрав для страшной жертвы её души
Паденье, горе и смерть единственными стимулами духа, –
Бог сомневающийся этим факелом страданья
220. Открыл перед Савитри бездну мира незавершенного,
Призвав её пучину эту заполнить своим бескрайним «я».
Бог царственный, безжалостный, своим спокойным взглядом
Подчеркивающий Вечности ужасную стратегию,
Измерил затруднение могуществом Савитри
225. И вырыл ещё глубже пропасть, которую должны все люди перейти.
Внезапно атаковав начала её божественные,
Он сделал её сердце сражающимся сердцем человека,
А силу её заставил следовать по предназначенной дороге.
Как раз для этого она и приняла обличье смертное;
230. Она пришла сражаться с этой Тенью, и ей пришлось
Столкнуться лицом к лицу с загадкой существования человека
И краткою борьбою жизни в ночи Материи немой.
Смириться ей с Невежеством и смертью
Или дороги проложить в Бессмертье
235. И победить в божественной игре за человека, иль проиграть –
Выбор души её определился жребием Судьбы.
Но родилась она не для того, чтобы страдать и покоряться,
Вести вперед, освобождать была её блистательная роль.
Её соткали не из земной материи, пригодной только
240. Для деяний несерьезных, обычных Сил.
Отображение фигуры, мятущейся на полотне Судьбы,
Которую наполовину оживили для шоу преходящего,
Или фигуры, потерпевшей кораблекрушение в Желанья океане
И брошенной в водовороты игры жестокой,
245. Швыряемой по безднам Случая,
Или творение, рожденное сгибаться под тяжестью ярма -
Невольник и игрушка Времени владык, -
Иль пешка ещё одна, судьба которой быть продвинутой на шаг -
Шаг небольшой вперед, один, на неисчислимых жизней той доске
250. В той шахматной игре земной души с неумолимым Роком:
Так представляется фигура человека, изображаемая Временем.
Сознательное тело, Сила, породившая себя - она пришла на Землю.

- В загадочном явлении идущих сумерков богов,
В том тихом, странном и нелегком компромиссе
255. Природы ограниченной с Душою безграничной,
Где двигаться должно всё меж predetermined Случаем
И равнодушной слепой Необходимостью,
Души огонь не смеет подняться слишком высоко.
Но если он однажды встретит Пламя изначальное, глубокое,
260. Прикосновение это может уничтожить все сотворенные ограничения,
И земля склонится перед силой Бесконечья.
Тюрьмой является весь этот необъятный материальный мир:
В нём поперек любой дороги стоит намертво врытый, твердокаменный Закон,
И стражи серые, огромные шагают перед каждым вратами.
265. Тот серый трибунал Невежества –
Святая Инквизиция жрецов Ночи –
Сидит над приговором душе-авантюристке,
А двойственные заповеди и Кармы правило
Удерживают Бога и Титана в нас:
270. Боль с неизменной плетью, радость с платой серебром
Стоят на страже Колеса, крутящегося вхолостую.
Они в оковы заключают тот разум, что карабкается ввысь,
Печатью запечатывают сердце, распахнутое настежь;
А Смерть задерживает Жизнь, шагающую в поиске открытий.
275. Так пребывает в безопасности трон Несознания,
Пока неспешно исчезают друг за другом целые эпохи,
А Существо живое пасется за оградой священной,
И Сокол золотой не может больше в небеса взлететь.
Но, вот, поднялся кто-то и зажег огонь, не ограниченный ничем.
280. Хоть и была она осуждена той темной Силой, что ненавидит счастье,
В ужасном том суде, где жизнь должна платить за радость,
И чисто механически судья приговорил её
К мучительному испытанию бременем всех человеческих надежд,
Но, всё-ж, Савитри не склонила головы перед суровым приговором
285. И сердце беззащитное не обнажила судьбы удару.
Обычно так должна склоняться воля человека, порожденная умом,
Послушная законам прошлых лет,
Без жалоб принимающая вызов этот низших богов.
Но в ней было посеяно сверхчеловеческое семя.
290. Крылья могучие мечты не смог сложить Савитри дух,
И отказался он искать обычный путь
Или, найдя, что смыслы жизни золотые все утрачены,
С землей смириться, вычеркнутой из списка звездного,
И погасить отчаяньем черным Свет, который был дарован богом.
295. Привыкшее к началам истинным и вечным,
Савитри существо осознавало свои божественные корни
И не просило смертного непрочного освобождения от боли,
И не латало неудачу соглашением или компромиссом.
Было известно ей, какую нужно выполнить работу и что сказать:
300. Историю души своей, ещё незавершенную, записывая
Посредством дел и мыслей, начертанных в книге Природы,
Она не согласилась закрыть страницу жизни светлую
И отменить свое общение со всею вечностью
Или безвольным согласием своим скрепить

305. Баланс жестокий предстоящего обмена в мире этом.
Та сила, что трудилась в ней упорно с той поры, как сотворили землю,
В жизнь претворяя план великого мироустройства,
Осуществляя после смерти намеченные бессмертьем цели,
Отвергла с отвращением роль разочарования бесплодного,
310. В которой утрачивался смысл рождения во Времени,
И отказалась подчиниться воле случайных фактов
Иль предоставить слепому случаю высокую судьбу Савитри.
В себе самой она нашла надежное спасительное средство,
И право суверенное свое поставила она против железного закона:
315. Одна лишь её воля противостояла космическому принципу.
Восстало благородство это, чтоб колесо слепое Страшного суда остановить.
Незримый постучался в тайные сокрытые врата Савитри,
И её сила, возросшая стократно от этого удара молнии
Во глубине души, тотчас же пробудилась ото сна.
320. И вынесла она этот удар Того, кто убивает и спасает.
Став на пути внушающего страх движенья, невидимого простому зрению,
Преградой став ужасу маршрута, который изменить не в состоянии никто,
Она столкнулась с машинерией вселенной лицом к лицу;
На том пути катящегося колеса восстало сердце:
325. Гигантское вращенье приостановилось перед ним -
Так повстречали огонь души те непреклонные обычаи.
В её руках вдруг оказался магический рычаг,
Что направляет вечно волю Невыразимого сокрытого:
Молитва, дело мастера, велика идея
330. Соединить способны силу человека с трансцендентной Силой.
Тогда любое чудо становится всеобщим правилом,
Одно могучее деянье может изменить весь ход событий;
Единственная мысль при этом становится всесильной, всемогущей.
Сейчас всё кажется нам необъятным скопищем Природы механизмов;
335. Порабощенье безграничное материи законом
И предопределенья затычного цепь железная,
Природы прочные и неизменные привычки, что имитируют Закон,
Её империя, подобная искусной и ничего не осознающей машине, –
Всё это отменяет право свободной воли для человека.
340. Он кажется машиной средь машин:
При этом поршень его мозга выкачивает мыслей образы наружу,
А бьющееся сердце вырезывает образы эмоций;
И без сознания энергия как будто фабрикует душу.
Или фигура мирозданья являет признаки Случайности,
345. Привязанной к сбивающему с толку шесту Материи,
Вокруг которого Природа повторяет циклами свои шаги.
Тогда здесь появляются случайные ряды слепых событий,
Которых разум человека наделяет иллюзорным смыслом,
Иль Жизни инстинктивный поиск, что опирается на чей-то опыт,
350. Иль грандиозная работа погрязшего в невежестве ума.
Но, вот, приходит мудрость, и возникает виденье глубинное,
Тогда Природы инструмент сам коронует себя её царем;
Он ощущает свою сознательную силу и «я» свидетеля;
Душа его со стороны взирает за игрой Природы и видит высочайший Свет.
355. Так позади машины грубой, плотской Божество встает.
В огне триумфа ворвалась эта истина;

- Победа завоевана была для Бога в человеке,
И божество явило свой скрытый прежде лик.
Великая Мать Мира в Савитри тотчас же восстала:
360. Холодный мертвый поворот судьбы сменился выбором живым,
И поступь духа утвердилась над Обстоятельством.
Отбросила она бесчувственное, страшное, идущее по кругу Колесо
И тотчас же остановила безмолвный марш слепой Необходимости.
Воитель пламенный с вершин непреходящих,
365. Кому позволили взять силой закрытую мешающую дверь,
С личины Смерти сбросил маску её глухого самовластья
И разорвал границы все сознания и Времени.

Конец Песни второй

Песнь третья ЙОГА ЦАРЯ: ЙОГА ОСВОБОЖДЕНИЯ ДУШИ

- Желание вселенной явило свету бренное рождение Савитри.
Передний край извечных поисков возглавив,
Главный герой в этом таинственном спектакле,
Где Неизвестное исследует себя в различных формах
5. И ограничивает свою вечность predetermined сроком,
А Пустота слепая создает усилья, чтоб жить и видеть,
Герой-мудрец и труженик, творящий совершенство,
Внёс силу светоносную в стремленье молчаливое Земли.
Из высших сфер дух Ашвапати опустился
10. И в поле зрения людского недолговечного попал -
Был он посланцем к нам из вечности далекой.
Его рождение было символом и знаком -
Лучом, ведущим человека по неизведанным земным дорогам;
И человеческое «я» его, подобное прозрачному покрову,
15. Скрывало то Всеведущее, что за руку ведет незрячий мир.
С космическим Пространством, Временем был тесно связан он,
Земле и человеку выплачивая Бога долг,
Поскольку в праве этом был, являясь Ему сыном.
С невежеством, присущим смертным, соглашаясь,
20. Невыразимый Свет его познание несло.
Подобно силе некой Постоянства изначального,
Притянутой к мгновениям потока,
Хранил в себе он образ всех Пространств, лежащих позади мгновений этих:
Была в нем мощь, Непостижимому присущая.
25. Архивовед Реальности потусторонней знаков,
Сверхчеловеческих мечтаний охранитель -
На нем печать была могучих тех воспоминаний,
И грандиозные лучи их он лил на человеческую жизнь.
И долгим ростом были дни его навстречу Вседержителю.
30. Направленное к небу существо, питающее свои корни
Пищей из источников оккультных и духовных,
Взбиралось белыми лучами навстречу к еще невидимому Солнцу.
Его душа была как вечности посланник,

- Был ум его похожим на огонь, вздымающийся к небесам,
35. А воля - охотником, стремящимся идти по следу света.
Удару океана подобен был каждый вздох,
Каждое действие оставляло отпечаток бога,
Мгновенье каждое было как взмах могучих крыльев.
И небольшой кусочек нашей смертной жизни,
40. Которого коснулся житель тех высот,
Живого Бесконечья становился игровой площадкой.
Этот телесный внешний вид – не всё,
Форма обманчива, а личность только маска;
Силы небесные сокрытыми в глубинах человека находиться могут.
45. Его кораблик хрупкий перевозит через море лет
Обличье неизвестное Нетленного.
Дух пребывает в нас, являясь Бога пламенем,
Частицей огненной чудеснейшего Дива.
Творец он своего блаженства и красоты своей,
50. Бессмертный в нашей смертной нищете.
Этот ваятель внешних форм того же Бесконечья,
Этот завесой защищенный Обитатель, непознанный ещё,
Он – посвященный сам в свои мистерии, сокрытые вуалью, -
Идею космоса свою сам прячет в семени немом, ничтожно малом.
55. С негласной силою оккультной той Идеи,
Что свыше предопределяет действие и форму,
Он переходит от жизни к жизни, поднимаясь по ступеням,
Меня воплощенное самим собою «я» от формы к форме,
Приглядывает за иконой этой, что растёт под взглядом пристальным его,
60. И в червяке ничтожном бога он грядущего предвидит.
В конце концов, скиталец этот по дорогам Времени
К границам вечности приходит.
Задрапированный под преходящий образ человеческого рода,
Он остро ощущает собственное вещество – неумирающее «я» -
65. И тотчас же теряет своё родство со смертными людьми.
Луч вечности пронзает его сердце,
Мышление его уходит в бесконечность,
И обращается всё в нём к просторам духа.
Душа его срывает все покровы, чтобы с Божественной душой соединиться,
70. А океан Сверхжизни поглощает жизнь его.
Уже напился он из Матери миров груди;
Его структуру наполняет Сверхприрода:
Она воспринимает его духа вечную основу
Незыблемым залогом её изменчивого мира
75. И формирует образ ею нерождённых ещё сил.
Мать-созидательница вечно постигает в нём себя,
В творении этом истинных её деяний:
Её лицо проглядывает сквозь его личину, её глаза из-под него блестят;
И существо её в единстве с ним глубоким состоит.
80. Затем Божественное, бывшее сокрытым, на свет выходит.
Единство неизменное, а также динамическая Сила
Нисходят в человека, как неотъемлемые знаки Божества;
Его душа и тело получают этот превосходный отпечаток.
Жизнь человека это подготовка с неясной долгой перспективой,
85. Как круговерть тяжелого труда, надежды, мира и войны,

- Проложенная Жизнью на неизученной Материи земли.
И в восхождении своём к вершине, которой не касался ещё никто,
С огнем выискивает он сквозь полумрак гипотез
Едва знакомую сокрытую реальность, всегда теряемую всеми.
90. Он ищет что-то иль кого-то, прежде не найденного ещё,
Он ищет поклоненье идеалу, которого никто здесь не достиг,
Спиралью бесконечной взлетов и падений,
Пока в конце концов он не достигнет той гигантской выси,
С которой его Слава озарит того, кто сделал нас,
95. И мы ворвёмся в бесконечность Бога.
Мы совершим побег через границу нашей собственной природы
Под свод живого света Сверхприроды.
Сейчас всё это стало ясно Ашвапати – сыну Силы.
В нём этот высший переход положен был в основу.
100. Сам внеземной и изначальный Имманентный,
Искусством чьим является течение Природы,
Творец вселенский в этом свою руку тайно приложил,
Чтоб в скоротечность погруженную машину к деяниям небесным повернуть.
Высокое Присутствие трудилось позади двусмысленной завесы:
105. Оно ковало почву Ашвапати, чтоб вынесла она Титана вес.
И очищая полуотёсанные блоки природной силы,
Оно вмуровывало его душу в скульптурное изображение бога.
Творец материи чудесной для наших «я»,
Над сложным и высоким замыслом своим трудясь
110. В безбрежной мастерской космического мира,
Лепил ритмично части существа во Времени своём.
Внезапно чудо запредельное явилось:
То в муках родовых в оккультном лоне жизни
Его Величество, сокрытое под маской, безупречно очертило
115. Задуманную им вершину всего того, что должно быть.
Венец архитектуры всех миров,
В котором Небо и Земля таинственно переплелись, -
Божественность соединил он с планом смертным.
В тот час Провидец был рожден – блистательный гость Времени.
120. Освободился ум его от тех ограничений, что вводит небесный свод.
Грифоны - стражи Дня и Ночи - отступили,
И в своде этом, ранее закрытом, прореха вскрылась;
Вернулось к прошлым целям сознательное существо его:
Ориентиры слабой личности исчезли,
125. И остров его эго соединился с материком своим.
Преодолён был этот мир доселе жестко ограниченных созданий:
Барьеры пали, и к Неизвестному открылась жизнь.
Все соглашения прошлых пониманий были отринуты,
И, удаляя подчиненья строгое условие,
130. Был договор души с неведением Природы расторгнут.
Все мрачные запреты существа были отброшены,
И интеллекта яркая тяжелая узда разрушена,
И истина, отныне полная, нашла себе обширное небесное пространство,
И зрение небесное теперь всё видело и знало,
135. И безграничным светом стал разум, ограниченный,
И с бесконечностью отныне «я» смертное соединилось.
Его движенье с той поры напоминало полёт орла.

- Закончился период ученичества, неведеньем ведомый,
И Мудрость подняла его на уровень искусных мастеров,
140. Души небесным каменщиком сделав,
Чтоб тайный дом Бессмертия построить,
И претендентом стать божественного Вневременья:
К нему над временем свобода и власть зывали с тех высот;
Над сумерками разума и ночью жизни, освещенной несколькими звездами,
145. Божественного дня зря вставала.

- Поскольку Ашвапати утвердился в обширной сущности своей,
Движения его всё реже тормозились человеческой природой;
Так ставшее великим существо его увидело великий мир.
Бесстрашное стремленье к знанию осмелилось стереть
150. Границы безопасности, очерченные разумом, которые препятствуют
Ума полёту и погружению души вовнутрь Бесконечья.
Неспешными его деянья стали в свободной и просторной атмосфере,
Но тотчас же они и разорвали ограниченья наши мелкие земные.
Руками, подкрепленными Энергией преображенья,
155. Он ухватил без промедления, как лук титана,
Лежащие в глубокой тишине в подвале тайном запечатанном,
Те силы, что без пользы спят внутри всех нас.
Он чудо превратил в обычную работу
И сделал повседневной частью всех божественных деяний,
160. Вполне естественных для этой высоты.
Усилия, что делал он, могли бы вдребезги разбить всю силу сердца смертного,
Но совершались в царстве том они с могучей простотой,
И цели ставил он великие для повседневных дел Природы:
Сплошным потоком шли к нему дары божественного духа,
165. Поскольку были привилегией и принципом подобной жизни.
Восторг глубокий приносило очищенное восприятие мира,
А внутреннее видение это не ожидало размышлений:
Природу всю оно охватывало взглядом простым и быстрым,
В суть самую всего вокруг оно смотрело;
170. Стал Ашвапати видеть душу, не обманываясь больше формой.
И восприятие чистое его то знало в людях, что таилось неизвестным в них;
Оно улавливало суть идеи в самом уме, желание любое – в сердце;
Оно срывало серые покровы тайны с побуждений,
Которые скрывали люди все от собственного взора.
175. Он чувствовал, как жизнь, стучащая в сердцах других людей,
Вторгается в него с их горем или счастьем;
Невысказанные их надежды, гнев, любовь
Захлестывали волнами его или потоками вторгались
В ничем не замутненный океан его покоя.
180. Он слышал своих мыслей звуки, что нисходят свыше
И отражаются под сводами других умов;
Попали в поле зрения его потоки мыслей мира;
Так внутреннее «я» его приблизилось вплотную к «я» других людей
И испытало на себе всю тяжесть общих уз, родства с другими,
185. Однако оставаясь незатронутым – царем, свободным ото всех.
Магический аккорд настроил, оживляя,
Все старые земные струны в такт симфониям эфира;
Всех слуг ума и жизни в этом отклике души

- Подвигнул тот аккорд счастливыми участниками стать,
190. А нерв и плоть он превратил в те самые чувствительные струны
И записи сиянья и экстаза;
Все средства тела сделал он служителями духа.
Божественное это отправление с присущей ему изяществом и милостью
Работой той тончайшей его людскую приземленность осветило;
195. Так опыт жизненный глубинных оболочек тела
Заставил пробудиться душу, что одурманена влиянием Материи была.
В глухой стене, что закрывает нас от «я», распахнутого настержь,
В сокрытой тайне видимого сна -
Мистическом пространстве, что существует позади бессонных мыслей,
200. Открылась дверь, силою Материи воздвигнутая,
Освобождая то, что было не захвачено земными чувствами:
Мир неизведанный и полностью незримый для внешнего ума
Явился в протяжениях души, лишенных звуков.
Сидел в раздумьях в тайном этом зале Ашвапати,
205. В те страны светлые грядущего глядя,
Где стало истинною явью то, что грезилось его уму,
Где всё, что жизнь желает страстно, пододвигается вплотную.
Он видел Совершенных, живущих там в жилищах звёздных,
Несущих на себе великолепие бессмертной формы
210. И возлежащих в бережных объятьях Вечного покоя,
Блаженных в божьего экстаза сердцебиеньях.
Он жил в мистическом пространстве, где возникает мысль,
А волю кормят Силою небесной
И белым молоком достоинств Вечного питают,
215. Пока не вырастет она в подобье бога.
В сокрытых интересах, потаенных переходах
Свидетеля оккультных залов со стенами, что ум возвёл,
Открылись окна внутреннего взора.
Он овладел пространством Времени, что целостно и неделимо.
220. Подняв тяжелую завесу плоти,
Ступил он на порог, что змей-хранитель ревностно стерёг,
И вглядываться стал в мерцающие коридоры Бесконечья,
Безмолвно вслушиваясь тихим сердцем
В пришествие чего-то нового и неизвестного ещё.
225. Он созерцал пустую тишь
И слышал поступь немислимой ещё идеи
В аллеях дальних запредельного пространства.
Он слышал тайный Глас, то Слово вещее,
И видел нашу скрытую личину.
230. Все внутренние планы раскрыли двери свои хрустальные,
И жизнь его соприкоснулась с влияниями и силами, которых прежде не знала.
Пришло виденье царств, что выше наших,
Осведомленность о высших сферах и небесах,
О существах, не ограниченных короткой жизнью,
235. И оболочках, что гораздо тоньше наших смертных тел,
Структурах, слишком утончённых для восприятий материальных наших,
Деяниях, сверкающих богоподобным светом,
Движеньях, что побуждает делать сверхсознательная сила,
И радостях, что никогда не изливаются сквозь бранные тела,
240. И о пейзажах красивей земных, и о счастливых жизнях.

- Сознание блаженства, красоты
И знание, что становится предметом постиженья,
Сменили чувство, что было отделено от сердца,
И притянули в свои объятия всю Природу.
245. Ум выглянул наружу, чтобы встретить скрытые миры:
Сверкающая атмосфера непостижимыми выиграла образами всех оттенков,
В ноздрях затрепетали ароматы, идущие с небес,
Язык неторопливо ощутил мёд рая.
Слух, как канал гармонии вселенской,
250. Наполнился потоками божественных звучаний,
Стал ложем оккультных звуков, которых земля услышать неспособна.
Из тайного, сокрытого пространства, где обитает дремлющее «я»,
Неведомой, глубинной правды глас пришел,
Звучащий под вселенским сводом
255. И слышимый лишь в тишине всезнанья,
Захваченный интуитивно сердцем и тайным чувством.
Он нёс в себе безмолвную и запечатанную суть,
Он выражал запрос земли, который не был пока услышан,
И песню обещания струил ещё невоплотившихся небес,
260. Всего, что скрыто во всемогущем Сне до сей поры.
В той беспрестанной драме, Временем влекомый
В своём внимающем всему потоке, что несёт
Необъяснимое сомненье мира в бесцельном странствии,
Смех наслажденья неусыпного запузырится пеной,
265. Желание шептавшей, которое не может умереть:
Пришел плач мира о блаженстве бытия,
Великолепьи и величьи его воли к жизни,
Призыв души к рискованным приключениям в пространстве
И путешествию сквозь все волшебные столетья,
270. И во вселенной этой материальной к труду существ,
К их поиску мистического смысла жизни
И радости высокого духовного ответа,
К сердечному биению довольства жизнью
От всякой сладости ее даров,
275. К дыханью учащенному и пульсу, трепету надежды, страха,
И к вкусу боли, слёз, экстаза,
К удару острому восторга от внезапного блаженства,
К рыданию от страсти и от нескончаемого горя.
Шум приглушенный, шепот тех неслышных звуков,
280. Толпятся что вокруг наших сердец, но не найдут окошка,
Чтоб войти, в песнь превратился новую, духовную
Всего того, что так страдает, поскольку неизвестно ещё миру,
Всего того, что тщетно трудится в старании родиться,
Всей сладости, которой не вкусил ещё никто,
285. Всей красоты, которой не было дотолле.
Неслышное нашим ушам глухим и мертвым,
Многоголосье ритмов мира сплетало изумительную песнь,
К которой жизнь стремится приспособить здесь удары-рифмы,
Передвигая все пределы наши навстречу к беспредельному,
290. Настраивая жизнь конечную на бесконечность.
Ворчание глухое из пещеры подсознания раздалось -
То бормотанье было первичного невежества;

- Ответ на недовольство неразборчивое это пришел -
Был явлен свыше молнией и громовыми крыльями
295. Сверкающий раскатами Невыразимому священный гимн
И прославление сверхсознательного света.
Открыто было всё, что выразить не мог никто здесь;
Виденье и мечта стали сюжетами рассказов истины
Иль символами, что правдивей фактов,
300. Иль истинами, что в силу возвели печати сверхприроды.
Бессмертные глаза приблизились и заглянули в его глаза,
Заговорили, встав рядом с Ашвапати и существа из царств других:
Вечно живые существа, которых мертвыми зовем мы,
Которые смогли после рождения и смерти оставить славу о себе,
305. Чтоб мудрость изложить, что превосходит все слова пустые:
Добра цари и зла цари,
Что обратились к разума судейству,
Провозгласили истину святую своих позиций, противоречащих друг другу.
И всякий Бога выразителем считал лишь одного себя:
310. Так боги света и титаны тьмы
За душу Ашвапати, как за ценный приз, сражались.
И каждый час, что Времени колчан высвобождал,
Рождал песнь нового открытия
Гудением звенящей тетивы молодого эксперимента.
315. Поэмой фантастической духовной стал каждый день его,
Как если б он родился в ярком новом мире;
Нежданном другом в нём забилось приключение,
И радости вкус острый сладкий принесла опасность;
Переживанием глубоким стало каждое событие.
320. Прошли эпические встречи, нежданные высокие беседы состоялись,
Пришли советы, которые небесной речью были созданы,
А губы сокровенные нашептывали сладкие посылы,
Чтоб в сердце принести восторга зов,
Чтоб море искушений сладких похитить из прекрасных царств,
325. Из мира же блаженства – сонм неожиданных экстазов.
То было место чуда и восторга.
Всё ясно мог воспринимать его ярчайший тонкий слух;
Любой контакт пронизывал его вибрацией могуществ неизвестных.
Так осязание, разбуженное близостью к пространствам неземным,
330. Ответ давало тонким безграничьям,
А стон серебряный открывшихся ворот предвосхищал
Молниеносный взгляд, который Ашвапати бросил в невидимые царства.
Его сознание и видение его росли всегда,
И проявлялся в них простор достойный и полёт высокий;
335. Он перешел границу, что Материя разметила по праву,
И за границей этой пояс пересек, в котором мысль сменяет жизнь.
Из мира знаков он вдруг пришел
К безмолвью «я», где никакого мира нет совсем,
И за пределы посмотрел вовнутрь безличной глубины.
340. Все символические образы здесь право потеряли на жизнь,
И признаки пропали, которые могли все чувства наши распознать;
И сердце здесь не билось больше в теле,
Глаза не любовались больше здесь красотой формы.
Пришли необычайные и яркие моменты молчаливого покоя.

345. Он воспарил в пространстве, лишенном всяких знаков,
Наполненном до края аморфным содержимом,
Где мир был заключен в едином существе,
И познавалось всё лишь только в свете тождественности с ним,
И собственною самоочевидностью своею был Дух.
350. Глазами человека всматривался в мир Всевышний,
И видел он во всех творениях себя,
И узнавал свой голос собственный в возренье каждом, в каждом слове.
Единство в нём завершено, нет поисков, объятий новых,
Любовь – стремление Единого к нему Единому,
355. И красота – лишь милое отличие Его же самого,
А уникальность - его же множества реальная душа.
Все истины объединяются в одну в нём Истину,
А все понятия в себе соединяют подлинную Сущность.
В нём, познающая себя своим же собственным и бесконечным «я»,
360. Божественная мудрость чистая, беспримесная
Сидела одиноко, молчаливо, в покое вечном
Без движенья всевидящей владыкой полновластной.
В ней знанью не нужны слова, чтоб воплотить Идею;
Идея, ищущая место в беспредельном,
365. От своего бессмертия, лишенного приюта, скучая,
Не просится для отдыха в резную яркую ячейку мысли,
Чей взгляд на всё вокруг, урезанный одним окошком,
Всего лишь видит небольшую часть небес обширных Бога.
Здесь беспредельный дружит с беспредельным;
370. Пока ты в нём – ты больше всего мира,
Пока ты в нём – ты своя собственная вечность.
В уме земном не концентрировался больше Ашвапати;
Безмолвия всевидящая сила наполнила его по самый край:
Охваченный богоявлением чистым и безмолвным
375. В видении, что превосходит формы,
И в житии, что превосходить жизнь,
Приблизился он к неподвижному сознанию, которое поддерживало всё.
И глас, что может речью ум тревожить,
Стал молчаливым знанием в его душе,
380. А сила, что ощущает истину свою лишь в действе,
Была отправлена сейчас в покой беззвучный, всемогущий.
Свобода от опеки над мирами,
И перерыв короткий поиска, что радости и муки нам приносит,
Преобразил давление Природы в невозмутимую тишь Бога.
385. Единодушие глубокое сменило жизни долгий спор.
Война воззрений, что порождает мирозданье,
Сил столкновение, стремящихся к господству
С таким ужасным боем, что можно этим возжечь звезду
Иль сотворить крупинку пыли,
390. Дороги, кружащие в пространстве по своим немым овалам,
Что поиском стремлений мира вспаханы,
Отрыжки долгие потока Времени,
Мученье, заостряющее жуткой страсти силу,
Что пробуждает кипение в тупых земных наносах
395. И вырезает из этой грязи личность,
Страдание, которое питает Природы голод,

- И течка страсти, что создает пылающую боль,
Судьба, которая карает добродетель крушением надежд,
Трагедия, что разрушает длительное счастье,
400. Рыдания Любви, Богов раздоры -
Всё прекратилось в истине, которая живёт в своём особом свете.
Его душа свободной стала, свидетелем происходящего и властелином.
Не поглощенный более потоком, мгновенья оседлавшим,
В котором ум дрейфует непрерывно, как странник на плоту,
405. Спешащий от явления одного к другому,
В покое Ашвапати пребывал, во Времени неразделимом.
Как если бы история, писавшаяся долго и разом данная ему сейчас,
Хранилась в настоящем его этом: всё прошлое и будущее вместе сразу.
Бесчисленные годы он ощущал в секундах,
410. А все часы как маленькие точки на странице жизни видел.
Один аспект Реальности доселе неизвестной
Значение космической картины изменил.
Огромная вселенная – материальный мир – всё это стало
Лишь результатом небольшим работы колоссальной силы:
415. Луч вековечный, обгоняющий мгновенья,
То озарил ему, что никогда ещё никто не делал.
В безмолвии могучем утвердилась мысль;
Расширился, потом затих усердно размышлявший ум мыслителя,
Божественная Мудрость прикоснулась к его трепещущему сердцу:
420. Его душа могла плыть за пределы барьера мысли, освещенного теперь,
Ум больше не скрывал безбрежность Бесконечья.
Вот, он увидел мельком на пустынном заходящем небосклоне
Поверх последнего мерцанья и звезд исчезновенья медленного
Недвижного Покоя сверхсознательные царства,
425. Где рассужденье исчезает, и умолкает слово, -
Лежит лишь одиноко там Непостижимое тропой непроторённой.
Туда никто не приходил, и голос там не раздавался;
Безмолвие господствовало там, и был лишь Абсолют.
Из этой тишины ум новорожденный возник
430. И пробудился к истинам еще не выразимым,
И проявились формы, несущие значение без слов,
Всевидящая мысль и самооткровенья глас.
Узнал источник он, откуда его дух пришел:
Движение было здесь обручено с Простором неподвижным;
435. Тогда свои основы он в Бесконечье погрузил
И ощутил там устремлённой в вечность жизнь свою.

- Вначале лишь недолго эти состояния божественные,
Подъемы самообладанья полного без перерыва могут длиться.
Высокое, свет льющее давление спадает очень скоро,
440. Уходит неподвижность тела окаменевшего, затихший жизни транс,
Мощь бездыханная, покой молчащего ума;
Они так медленно уходят, как день садится золотой.
Застывшие недвижно части тела от покоя устают;
Так ностальгия по прежним малым удовольствиям, делам,
445. Потребность вернуть свои привычные и мелочные «я»,
Чтобы идти путем обычным, низшим,
Потребность, распростершись, отдохнуть в естественном падении,

- Как у ребенка, что учится ходить, но долго делать так не может, -
Обычно замещает волю того титана, который к восхождению стремится вечно.
450. Тускнеет огонь священный, зажженный на алтаре сердечном.
Уз подсознания тяга старая вновь возрождается;
Она безвольный дух с высот утаскивает прочь,
Или тупое это притяжение нас увлекает вниз
К основе материальной нашей, ведомой слепой инерцией.
455. Всевышний Дипломат использовать и это может -
Он делает падение наше средством для великого подъема.
Ибо и в поле ветреном несведущей Природы,
И в хаосе сумбурном каждой смертной жизни
«Я» света вековечного и Сила, не имеющая формы,
460. Бок о бок следуют под сенью духа нисхожденья;
Единая вовеки двойственность – Единый
Дом избирает свой среди смятения чувств.
Он – гость всеведущий, руководитель тонкий,
Невидимым нисходит Он в те части нашей сути, что нечисты,
465. И делает свою работу под завесой тайны,
Пока не осознают все части эти потребность высшую и волю к измененью.
Всё здесь должно усвоить подчиненье высшему закону,
Все наши клетки тела должны хранить Бессмертья пламя.
Иначе дух один придет к истоку своему,
470. Вверяя мир, спасенный лишь наполовину, своей сомнительной судьбе.
Тогда Природа, оставаясь неспасенной, будет трудиться вечно;
Беспомощно кружиться будет в пространстве планета наша,
И цель безмерная творенья осуществиться не сможет,
Пока вселенная не сгинет незавершенной в стремлении тщетном.
475. Даже богоподобной силе, чтобы возвыситься, приходится претерпевать паденье:
Высокое сознание Ашвапати отступилось;
Поверхностное существо его, пришедшее в упадок, смутное,
Прочувствовать опять величие бывшее стремилось,
Вернуть контакт спасительный, высокий, его божественное пламя,
480. Призвать божественную Силу, поскольку это необходимо стало.
Всегда та сила изливалась как внезапный дождь,
Или её присутствие росло в груди неторопливо;
Оно карабкалось к той высоте, что в памяти хранилась,
Иль воспаряло над вершиной той, с которой пало.
485. С подъемом его каждым вширь росло паренье -
Существование в сферах высших, духовных;
Всё шире становилось в нём пространство Света.
И в этом колебании между землей и небом -
В невыразимом усилении прочной связи между ними -
490. Росло сияние в нём, подобно росту прибывающей луны, -
Сияние целостности его души.
Союз единственного в роде человеческом с Реальностью вселенской,
Взор пристальный Один, из каждого лица идущий,
Присутствие божественное Вечности во времени,
495. Что расширяет взгляд смутный смертного ума на суть вещей,
Мостом соединяя разрыв меж силой человека и Судьбой, -
Всё это цельным сделало разрозненное существо его, что здесь бытует в нас.
В конце концов добился он владения собою прочного, духовного,
Приюта постоянного в том самом царстве Вечного

500. И поселения в Неизменном,
И безопасности в Безмолвии, в Луче божественном.
Достигшие вершины части существа его в безмолвном пребывали «Я»,
А ум его покоиться мог в небесах
И вниз смотреть на волшебство игры,
505. В которой на коленях Ночи и Рассвета лежит беспечно Бог-дитя,
А Бог-предвечный одевает маску Времени.
Высотам тихим и глубинам беспокойным
Его спокойный дух давал без предпочтений полное согласие:
Уравновешенная чистота спокойной силы,
510. Неколебимый и глубокий взгляд на Времени волнение
Встречали всякий опыт в неизменной тишине.
Бесстрастный к горю и к восторгу,
Не соблазненный ни призывом и ни чудом,
Недвижно созерцал поток явлений он
515. И подтверждал спокойно и отстраненно всё то, что существует:
Так помогал покой несокрушимый духа Ашвапати трудящемуся миру.
А его сила, безмолвием и виденьем духовным вдохновлённая,
Могла трудиться с просветленным, новым искусством
Над грубым материалом, из которого всё сделано вокруг,
520. И над отказом инертной массы вещества,
Над серым фронтом вселенского Неведенья и над
Невежеством Материи, и над огромной ошибкой жизни.
Как скульптор, что высекает из камня божество,
Он стёсывал не торопясь ту оболочку темную,
525. Что представляет линию защиты неведенья Природы,
Иллюзию и тайну Несознания, в покров чей черный
Сам Вечный оборачивает голову свою,
Чтоб действовать неузнанным во Времени космическом.
Самотворения величие на высших уровнях,
530. Преображение в мистических глубинах
Благоприятное космическое действие начать подвигли
И заново сформировать картину мира в нём,
В которой обретен в Природе Бог, исполнена Природа в Боге.
Уже была видна в нём эта задача Силы:
535. Жизнь выстроила дом свой на вершине его сущностного «я»;
Его душа, ум, сердце стали единым ярким солнцем;
Лишь в низших сферах жизни оставалась темнота.
Но даже там, в том жизни сумраке неясном
Был труд и пламени дыханье;
540. Неясная, укрытая плащом небесным, сила мощная работала
Под наблюдением спокойным Свидетеля недвижимого, сокрытого внутри.
И, вот, в оставленной внизу Природе, что сражалась с тьмой,
Возникли длительные промежутки света:
Сияние молний друг за другом озарило небо,
545. Свидетельством огня и блеска переживание стало,
Покрылся рябью воздух вкруг кораблей Богов,
Несли они богатства странные невидимого мира;
Блеск озарения полностью заполнил мысли пустоту,
И Знание вступило в разговор с безмолвьями, что Свет ещё не осознали,
550. Излились реки просвещенной силы и восторга,
Прекрасного мгновенья и блаженства штормовые всплески

- Дождем пролились из всемогущей Тайны, что пребывала свыше.
Оттуда устремились вниз Всеведенья орлы.
Густой покров был прорван и слова великие услышаны;
555. Повторенный в уединённых уголках души,
Клич мудрости из трансцендентных высей
В горах невидимого мира зазвучал;
Те голоса, внимающие внутреннему слуху,
Несли сказания пророков к Ашвапати.
560. Приблизились к нему вплотную из недостижимой Тайны
Укутанные в пламя всплески Слова вечного
И вспышки яркие оккультных откровений Света.
В нём воцарилось Знание священное,
Секунды чьи высвечивают больше, чем годы рассуждений.
565. Упал сияющего откровенья луч,
Подобно указующему пальцу, он приковал вниманье к Истине,
И, вот, как при небесной вспышке, что озаряет землю,
Незамедлительное различенье интуиции в нём сразу воссияло.
Один короткий взгляд теперь мог отделить всю истину от лжи,
570. Или возжечь огонь сигнальный сильный в темноте,
Чтобы проверить претендентов, толпой идущих сквозь врата ума
И предъявляющих подделанные подписи богов,
Иль отделить от них невесту тайную в изменчивом наряде,
Иль изучить внимательно проявленный лик мысли или жизни.
575. Неоднократно вдохновенье молниеносными бросками -
Посланицей внезапной, всевидящей с высот своих –
Пересекало немые коридоры рассудка Ашвапати,
Внося своё ритмическое восприятие сокрытой сути.
Звучала музыка, превосходящая речь смертную.
580. Как если бы из чаши золотой Блаженства всеохватного
Восторг божественного света, внезапного прозрения восторг,
Бессмертного, волнительного Слова экстаз
Излились в его сердце, как в пустой сосуд,
Повтором первого восторга Божьего,
585. Творящего во Времени младом и абсолютно девственном.
Сосредоточенное в небольшом пространстве в краткое мгновенье,
Все-Знание, спрессованное в мыслях величайших, лишенных слов,
Вселило в выжидающую тишину его глубин
Кристалл первопричинный Абсолюта –
590. Частицу невыразимой Истины,
Что явлена безмолвием душе безмолвной.
Внутри той тишины его работала богиня интенсивного творения,
И сила бессловесная её росла в нём с дружелюбием глубоким;
За явленным и непредвиденным она держала наблюденье,
595. Считая своим по праву полем владенья непредвиденного мира.
В единый луч Все-видение стянулось,
Как стягивается взгляд пристальный в невидимую точку,
Пока сквозь интенсивность одного ярчайшего пятна
Предвиденье пророческое то изображений мира
600. Не вступит в царство самого провидца.
Сверкания великого рука нагая вдруг возникла
И разорвала дымку темную Неведенья:

- Невероятно острый кончик пальца её, направленного в эту темноту,
Ударом пламени раскрыл всё то, что было скрыто в Запредельном.
605. С вниманьем, пробудившемся в безмолвных высях транса,
Невообразимое умом цепляя,
Одним рискованным прыжком оставив позади себя
Скрывающую сверхсознание стену – такую черную, высокую, -
Она ворвалась с вдохновенной речью, как с косой,
610. И силой захватила Непостижимого обширное владенье.
Она, как сборщица мельчайших зерен Истины,
Связующая воедино бесконечный опыт,
Проникла в охраняемые тайны Силы Мира,
В её магические методы, укрытые во многие покровы;
615. Она же собирала те потерянные тайны, что Время обронило
В забитых пылью щелях, лежащих по маршруту восхождения,
Средь старых и заброшенных мечтаний спешащего Ума
И похороненных следов забытого давно пространства.
Путь меряя от бездны первозданной и до вершины горней,
620. Она соединяла все незримые глубины и далекие края
Иль по дорогам Неба и Ада стремительно неслась,
Преследуя, как гончая ищейка, всё знание, встречаемое ею.
Как собиратель и писец рассказа мудрости сокрытой,
Сияющих минут её небесной речи,
625. Она пророку и провидцу передавала,
Используя невидимую службу оккультного ума,
Тот самый сборник вдохновенный Истины мистической.
Как архивариус опросного листа богов
И как глашатай молчаливых восприятий самого Всевышнего,
630. Она несла слова бессмертные всем смертным людям.
Над тонким и сверкающим изгибом разума
Освобожденные, как воздух, что блистающим туманом луну скрывает,
Широкие пространства виденья без всякого предела, без границы
Вплывали в круг познаний духа Ашвапати.
635. И душу его, что странствовала здесь, встречали океаны бытия,
Безмолвно призывая к бесконечному открытию;
Вневременные царства радости и абсолютной силы
Здесь простирались в вечной тишине;
Дороги, что к счастью бесконечному ведут,
640. Бежали сквозь просторы созерцанья, как улыбки грёз:
Здесь в золотом мгновении блеска стояла обнаженной степь,
Лежащая под ярким солнцем в Бесконечье этом непроторённом.
Вдоль обнаженного изгиба в «Я» безграничном,
Бегущие сквозь сердце скрытое явлений мира
645. Дорог тех точки следовали друг за другом
По неопределимой линии, что Вечность неустанно сквозь года несёт.
Вселенского Ума магический порядок,
Что заставляет бесконечности свободу испробовать в себе
Всю композицию суровую явлений знаковых Природы
650. И жизни бесконечные сигналы событий важных,
В законы превращал случайные возвраты,
В гармонию вселенной – хаос знамений.
Благодаря богатым чудесам и сложным завиткам,
Что проявляет танец духа под маскою Материи своей,

655. Гармония узора мира становилась всё яснее:
И в самоустановленном порядке симметрия его воздействий,
Справляемых в далеких перспективах души,
И реализм искусства иллюзорного его,
И логика познания интеллекта безграничного,
660. И вечности меняющейся магия его.
Взгляд брошен был на нечто неизвестное ещё,
И сразу проступили буквы Слова неизменного вовеки:
В невыразимом, непреложном Изначалье
Стал виден след Идей, что сотворили мир,
665. След, что всплывает из морей бездонных.
И в землю черную Природы транс было посеяно
Слепого и огромного желанья Духа семя,
И древо космоса было зачато из него -
Магические ветви раскинуло оно сквозь сон пространства.
670. Реальности бескрайние приобрели определенный облик:
Из тени Неизвестного выглядывала там
Лишенная телес Невыразимость, что видела рождение Бога
И попыталась добыть из смертного ума и сердца
Божественное имя и тело, неподверженное смерти.
675. Вот, губы неподвижные, громада сверхреальных крыльев,
Лицо, укрытое Сном сверхсознательным,
Глаза, что видят всё сквозь сомкнутые веки,
Явили Архитектора, который строит в состояньи транс.
Проглянуло извечное желание, родившееся в полной Пустоте,
680. И тотчас же увидел Ашвапати надежду, что никогда не спит,
Узрел того, кто вечно старается догнать Судьбу, что мимолётна,
Познать невыразимый смысл мечты, что беспредельна.
Мелькнувший лишь на миг, незримый для Ума,
Как если б сила Бога огнем его сигнальным осветила,
685. Мир лучезарный Истины бессмертной
Сверкнул звездой неясной на границе ночи
Над золотом блистающей гряды Сверхразума.
И сквозь покров искусный он сразу же увидел
Любви улыбку, что одобряет долгую игру,
690. Спокойную терпимость, грудь материнскую той Мудрости,
Что вскармливает детский смех слепого Случая,
Безмолвие, наставника великой всемогущей Силы,
Всеведущую тишину и лоно Слова, что бессмертно,
И Безвременья лик, в раздумья погруженный и спокойный,
695. И творческое око Вечности.
Ниспосылающая вдохновение богиня вошла в грудь смертного
И создала там место для изучения божественного знания,
Святылище пророческого монолога,
Где воссела на треножнике¹ ума:
700. Расширилось всё высшее и осветилось низшее.
И в сердцевине низшей темноты она раскрыла источник света,
Глубинам неоткрытым навязала форму,
Вибрирующий гул придала неопишным просторам и

---

¹ По преданию главная жрица-прорицательница Дельфийского оракула сидела во время прорицаний на огромном золотом треножнике. Здесь Шри Ауробиндо отсылает нас к трем опорам, трем элементам ума. Это - физический ум, витальный ум и ментальный ум.

- Сквозь шири необъятные, безбрежные, беззвучные, беззвездные
705. На землю принесла частицы откровений мысли,
Что высечены были ею из тишины того Невыразимого.
Глас в сердце произнёс невыраженное словами Имя,
Мечта той Мысли, что странствует сквозь Космос в поиске всевышнем,
Вошла в незримый и запретный дом:
710. Божественного Дня богатство нашлось в том доме.
Светильник драгоценный загорелся в глубоком подсознании;
Вверх поднятый, он высветил сокровища Пещеры той,
Где спят они, укрытые густою темнотой
И охраняемые лапами дракона Ночи;
715. Их не используют скупые торговцы чувств,
Хотя они значением бесценным обладают для спасенья мира.
Та темнота, несущая рассвет в своей груди,
Искала вечный, видимый издалека, ответный луч,
Прихода ожидая божественного света,
720. Спасения потерянных сокровищ Солнца.
Растраченные беззаботно при расточительном создании творенья,
При тратах Бога в силу щедрости Его великолепной,
Ушедшие на стройки мира, не имеющего дна,
И спрятанные там ворами этой бездонной Глуби,
725. Лежат сокровища златые Предвечного,
Сокрытые от взгляда и касания, и даже от намеренья любого,
Хранимые в слепых пещерах океана неведенья глубокого,
Чтоб люди не нашли их и не стали Богам подобны.
Незримые высоты видение озарило,
730. И из глубин беззвучных воссияла мудрость, открывшая
Истолкование глубокое, что возвеличивает Истину,
Перестановку жизни грандиозную из Ночи в День;
Сменились мира ценности, цель этой жизни возвышая;
Пришли и слово мудрое, и мысль гораздо шире той,
735. Что может принести неспешный труд ума людского.
И пробудилось чувство тайное, которое постичь могло
Его Присутствие, Величие Его повсюду.
Вселенная сейчас же перестала быть вихрем бессмысленным,
Кружащимся инертно внутри машины необъятной;
740. Отбросила она свой грандиозный и безжизненный фасад,
Она теперь – не механизм и не случайная работа,
Но проявление живое движенья тела Бога.
Дух, скрытый в силах тех и формах тех,
Свидетелем живого представленья стал:
745. Та красота и чудо непрерывное
Зажгли в себе Неявленного свет.
В нём двигался Предвечный, лишенный формы,
Ища в явлениях и душах ту форму для себя, что станет совершенной.
Жизнь больше не напоминала тупого и бессмысленного образа.
750. В борьбе и продвижениях этих Ашвапати видел
Тяжелый труд рожденья божества.
Загадочное знание при этом маскировалось под Неведенье;
Судьба необходимостью незримой покрыла
Игру возможности случайной всемогущей Воли.
755. Восторг и слава, и очарованье -

- Бог Всеблаженный в сердце был неузнанным ещё;
Страдания мира стали искуплением за брошенное в тюрьму блаженство.
Причастье радостное скрашивало в Ашвапати часы, спешащие неумолимо;
Дни шествовали по предначертанной судьбой дороге,
760. А ночи стали спутниками духа, созерцающего путь.
Вот, душу Ашвапати небесный импульс оживил;
Прогулка медленная Времени сменилась чудесным маршем;
И божий Карлик² воспарил к незавоёванным мирам,
Поскольку для победы полной одной земли Ему недоставало.
765. Лишь прежде только отмечающая Силы поступь,
Тяжелую, слепую по ничтожным головам людским,
Жизнь стала тотчас же уверенным сближением с Богом,
Существование – божественным экспериментом,
Вселенная – благоприятной перспективой души.
770. Мир стал зачатием, рождением Духа
Внутри живых фигур Материи -
Природа в своей утробе выносила в муках Бессмертного,
Чтоб к вечной жизни смогла она взойти через него.
В покое недвижимом светлом лежало Ашвапати существо,
775. Купаясь в родниках чистейшего божественного света;
Оно блуждало в полях обширных мудрых внутреннего «я»,
Что были освещены лучами солнца вечного, бессмертного.
«Я» тела его тонкого как раз
Могло поднять земные части существа к высоким планам
780. И ощутить на них дыхание небесной атмосферы.
Оно уже вершило путешествие своё к божественным высотам:
Ветрами быстрокрылой радости влекомое наверх,
И к Свету вознесённое, который удержать всегда не в силах было,
Оно ум к высочайшей Истине приблизило,
785. И обрело способность жизни ощущать блаженство.
Всё в нас подавленное прежде стало проявляться.

- Пришло освобождение души от тёмного Невежества -
То было первое духовное открытие ума и тела Ашвапати.
Обширное познание Бога излилось свыше,
790. И изнутри расширилось познание мира:
Все мысли повседневные при этом обратились к Истине, к Единому,
Все самые обычные дела наполненными стали Светом внутренним.
Пределы осознав, которые Природа от нас скрывает,
И на движения Её, что превосходят наш кругозор, настроившись,
795. Единым с не проявленной Вселенной стал Ашвапати.
Его способность воспринять удивила источники Её энергий мощных;
Он говорил с неведомыми нам Хранителями всех миров,
Узрел он формы те, которые наш смертный глаз не видит.
Его открытые глаза телами наделяли сущностей незримых,

---

² Здесь Шри Ауробиндо намекает на мифологическую фигуру карлика Ваманы - аватара бога Вишну, - который пришел к царю по имени Бали, завоевавшему весь мир, в виде карлика и в награду за своё благословение попросил у царя землю, которую он может покрыть за три шага. Царь, не зная, кто перед ним стоит, согласился, сказав: «И это всё?»

Карлик стал расти и первым шагом покрыл всю землю, небо, небесные планеты и остальную часть Вселенной. Сделав второй шаг, Вамана пробил оболочку вселенной, откуда во вселенную просочилась капля Причинного океана. Третий шаг сделать было некуда, и царь, склонив голову, предложил сделать его прямо на неё, полностью подчинившись божеству.

800. Космические силы в их работе видел Ашвапати,
И ощущал оккультный импульс за волей человека он.
Секреты Времени были прочитанною книгой для него,
Ибо все записи прошедшего и будущего
Прорисовывали на странице неба свои отрывки.
805. По воле и мастерству Создателя, единый гармоничный
Представитель человеческий вышагивал на равных с Богом;
Дела его не изменяли пламя внутреннего мира.
Вот, так ковалось на земле величие его поступков.
В его телесных клетках вырос дух живой,
810. Который понимал значение судьбою ограниченных деяний,
Похожих на движение незавершенных Сил
Вне свода жизни в необъятные просторы духа.
Он жил уединенно, ум ограничив этим уединеньем,
Как полубог, который формирует людские жизни:
815. Стремленье одного воодушевляло род людской;
Никто не знал, откуда появилась Сила, что начала работу.
С ним были связаны вселенские источники её;
Он привлекал энергии, которые века преобразуют,
Земную малость наполняя их безграничной мощью.
820. Великие мечты, неизмеримые обычным взглядом,
Он делал формой для грядущих дел,
И на фасаде лет он в бронзе отливал свои деяния.
Опережали продвиженье человечества его шаги сквозь Время.
В глубоком одиночестве сверкали солнцем его дни.

Конец Песни третьей

Песнь четвертая ТАЙНОЕ ЗНАНИЕ

- Достиг он высоты, с которой его взору открывались выси горные.
Начальные сближенья наши с бескрайним, безграничным Бесконечьем
Сверканиям зари подобны, что алеет на далеком горизонте,
Пока не появилось величаво солнце, сокрытое ещё за небосклоном.
5. Сейчас мы видим только тень того, что позже будет совершаться.
Земной взгляд в Неизвестность отдаленную -
Лишь предисловье к восхождению геройскому
Души людской из состояния блёклого земного
К открытию «я», которое потом великим станет,
10. К сверканиям далеким Света вековечного.
Мир этот наш – начало и основа,
Где Жизнь и Ум воссоздают свои структурные мечты;
Реальность строить здесь должна божественная Сила.
Мы есть совсем не малость, ограниченная смертью:
15. Бессмертные просторы, позабытые сейчас,
Открытья ждут в «я» наших высших;
Высоты безграничные, глубины бытия - всё это же, конечно, наше.
Сродни невыразимой Тайне, Мистике
И вечности во Времени, несбывшемся ещё,
20. Ближним Небесным выси те Природы.

- На царства горние, сокрытые от наших поисков,
Что далеки безмерно от путей проторенных поверхностной Природы,
И высоки настолько, что простые смертные дышать не могут там,
Нам указывает позабытое в глубинах наших кровное родство,
25. А робкий голос транса и молитвы
Зовет к тем светлым безграничьям, что утеряны сейчас.
Когда мы даже в наши души не в состоянии заглянуть
Иль остаемся, погрузившись целиком в сознании земном,
Всё ж есть в нас нечто, что возрастает к свету -
30. Ведь есть и светлые места, и небеса спокойные,
Как и сокровищницы блеска и экстаза,
И храмы божеству, которого никто не может видеть.
В нас ещё дремлет память хаотичная, аморфная,
Но иногда, когда наш взор направлен внутрь,
35. Вуаль невежества земного спадает с наших глаз;
Высвобождение короткое чудесное при этом настаёт.
Ту узкую полоску зажатого тисками опыта,
Мы оставляем позади отмеренной нам жизни,
Её пространства слишком малого, шагов наших коротких.
40. В те одиночества великие часы души людские могут пребывать
В безмолвных царствах стойкого негаснущего света,
И на орлиных пиках спокойной Силы, откуда видно всё,
И в луноликих океанах скоротечного бездонного Блаженства,
И в тихих беспредельных пространствах духа.
45. В процессе постепенного раскрытья «Я» здесь, на Земле,
Невыразимая Мистерия, случаясь, избирает
Для нисхождения своего ту иль иную оболочку человека.
Тогда дыхание приходит из небесных высей,
Присутствие рождается, и пробуждается Свет путеводный,
50. На средства для достижения цели ложится тишина:
Похожее на монумент из мрамора, лишённое движений
И с каменным спокойствием становится опорой тело,
Что образ вечного Покоя поддерживает стойко.
Иль Сила откровения врывается, сверкая;
55. Из некоего пространства высшего обширного прорыв свершает Знание,
Влекущее с собой свои лучистые моря,
И с трепетом дрожит Природа от силы пламени его.
Случается, что нами овладевает Личность величайшая,
В которой собственную личность мы распознаем;
60. Но можем мы поклоняться и Властителю душ наших.
Тогда нашего тела эго малое ослабевает и стихает;
И не настаивая больше на «я» своём отдельном,
Теряя значимость пустую отдельного рождения своего,
Оно наедине нас оставляет с Богом и Природой.
65. В моменты те, когда свет внутренний зажжен,
А «дорогие» гости жизни остались за порогом,
Наш дух уединяется и говорит с глубинами своими.
Сознание, расширившись, все свои двери раскрывает;
Затем вторгаясь из безмолвий духа, ненадолго,
70. Луч вечной Славы стремится вниз, чтоб причастить
Людскую нашу плоть, охваченную им и озаренную,
И оставляет непорочности огромную печать на наших жизнях.

- При этом в области забвенья смертного ума,
Всплывают вечности сигналы,
75. Проявленные в трансе сомкнутым глазам провидца
Иль обнаруженные чудным нематериальным чувством
В уединении глубококом сокровенном.
Приоткрывает лик свой истина, которую не смог познать бы ум,
Мы слышим то, что уши смертного не слышали ни разу,
80. Мы ощущаем то, что чувство смертного не ощущало никогда,
Мы любим то, что отвергает и чего страшится простое сердце;
Наши умы смолкают перед Всеведеньем лучистым;
К нам из палат души взывает Глас;
Испытываем мы тогда восторг прикосновенья Божества
85. В уединениях золотых бессмертного огня.
Все эти знаки являются родными «я» большому,
Которое живет внутри, невидимое нами;
Но только иногда священное касание приходит к нам,
И наши жизни несёт поток волн более могучих,
90. А душу нашу двигает Присутствие божественнее прежнего.
Иль иногда сквозь покрова земные к нам что-то пробивается,
Быть может, милость и красота духовной искры,
Журчащим языком небесного огня взлетая.
Это – мы сами и чужестранец высший, его и ощущаем мы,
95. Он существует и действует незримо, как будто бы его и нет;
Он следует согласно линии рожденья бесконечной,
Хотя и кажется, что умирает вместе с оболочкой смертной.
Уверенный, что существует Апокалипсис,
Он не считает ни мгновенья, ни часы;
100. Великий и спокойный – он видит, как текут века,
И терпеливо ожидает чуда измененья человека
В неспешном поступательном движении силы мира
И долгом марше Времени, который раскрывает суть явлений.
Он – и источник, и главный ключ к разгадке,
105. И тишина над головой, и голос внутренний,
И образ верный, что утвердился в сердце,
И широта, не окружённая стенами, и точка, что неизмерима и бездонна,
И истина явлений тайных всех в Пространстве,
Реальность та, к которой устремлены деяния наши,
110. И наших жизней тайный грандиозный смысл.
Сокровище в пчелиных сотах Бога,
И яркое Величие, сокрытое покровом тёмным,
Он, и сияние божественного пламени,
Наш золотой фонтан блаженства мира,
115. Бессмертие, упрятанное в блеклую одежду смерти,
Божественности не рождённой нашей образ;
Нашу судьбу хранит он внутри глубин,
Где скоротечной сути семя вечное покоится.
В себе всегда мы носим ключ волшебный,
120. Сокрытый в герметической оккультной оболочке жизни.
Горящий пламенем Свидетель в прибежище том заповедном
Внимательно глядит сквозь Время и глухие стены Формы;
В его глазах закрытых присутствует предвечный свет;
Суть тайную он видит, которую словами не расскажешь,

125. Он знает неосознанного мира цель,
Суть таинства лет уходящих.

Но всё укрыто тайной и сокрыто в подсознании;
Необходимо развернуться внутрь себя, а сердце сделать интуитивным,
Необходима сила зрения такого, которое в духовное обращено.

130. В противном случае ум, пробудившийся, своим коротким взглядом
Представит путешествием бесцельным сомнительный тот курс,
Который Случай проложил или которым он отважился идти по некой Воле,
Иль курс покажется ему Необходимостью без цели и причины,
Которую насильно проявили и быть заставили.
135. В этом пространстве плотном нет ничего простого или ясного:
Само людское существо нам кажется проблемным,
Жизнь наша – экспериментом смутным,
Душа – светом, трепещущим в каком-то странном и невежественном мире,
Земля – брутальной механической случайностью,
140. Какой-то паутиной смерти, в которой мы по случаю живем.
Всё то, чему мы научились, нам кажется сомнительной догадкой,
Достигнутый успех – всего лишь переход, всего лишь стадия развития,
И отдаленный результат того успеха скрыт полностью от взора нашего,
Будь то счастливый шанс или случайная судьба.
145. От неизвестного мы к неизвестному идем.
Существование наше преходящее здесь вечно окружают
Вопросов безответных сумрачные тени;
Упрятанные в тьму глухую тайны Несознания, лежат они
Сокрытыми от нас до линии начального отсчета судьбоносной Жизни.
150. В бездонном океане Ночи чьё-то устремление -
Плод тела бренного и полутемного ума
Свой одинокий язычок сознательного пламени вздымает
К неумирающему Свету, потерянному в вечности;
Плод этот слышит одиноким откликом на зов свой
155. Ответ туманный в сердце человеческом несведущем.
И видит он согласие Бога на этот бренной жизни парадокс,
Встречает он загадку нераскрытую рождения Бессмертного во Времени,
Не понимая, для чего ему пришлось прийти на эту землю
Или по какой причине здесь существуют муки и страдания.
160. Вдоль по извилистой дороге вечности,
Сквозь Времени пески Земля-Богиня тащится с трудом,
Во мраке, по спирали, не ведая о цели восхождения.
В ней Существо есть, которое она надеется познать,
В ней – Слово то, что сердцу говорит её, хотя она его не может слышать,
165. В ней – та Судьба, что принуждает, но обличье это она не может видеть.
Сквозь Пустоту по подсознательной орбите,
Из собственных глубин, лишенных всякой мысли, она стремится ввысь:
Её приобретение – рискованная жизнь, восторг борьбы;
Мышление, что может рассуждать, но вряд ли знает,
170. В ней медленно растит и создает идею, речь,
Что большей частью прозвища дает, чем освещает;
Трепещущая радость, что блаженства, несомненно, меньше,
Распространяется из этой красоты, которой умереть придется.
Тревожимая грустью, влачащейся у ног её,
175. И осознавая высшее, которое не завоевано ещё,

- Она в своей груди неутомимой питает беспрестанно
Стремленье внутреннее, что отбирает у неё покой и отдых.
Погрязшая в невежестве, уставшая, но и неукротимая в стремлении своём,
Она, пройдя сражения души и трепет боли, пытается найти
180. То совершенство чистое, что так необходимо её природе искаженной,
И Божества дыхание, чтоб грязь смести с её породы.
Она желает страстно веры, что может поражение пережить,
И сладости любви, которая не знает смерти,
И востановит истины, бесспорной вечно.
185. Растет в ней свет, она приобретает голос и учится воспринимать
Реально состояние своё и дело, сделанное ею,
Лишь истина одна, необходимая, от понимания ускользает у неё:
Кто есть она, и символом чего она является.
Её шаги в движение приводит бессловесный шёпот,
190. В котором ощущает она силу, но смысл ускользает от неё;
Лишь редко к ней намёки прибывают в качестве ориентиров,
Безмерные божественные вспышки раскалывают мозг её,
И только иногда, в часы её раздумий и мечтаний,
Потерянная ею истина приходит как будто бы издалека,
195. Хотя, на самом деле, изнутри её души.
То измененье, что догадок сторонится, вплотную приближается,
И, до сих пор отложенное, оно всё ж принуждает пробовать, надеяться,
Хотя и кажется великим чересчур, чтобы отважилась на это брэнная надежда.
Её встречает образ небесных Сил -
200. К себе влекущих Сил потерянной до сей поры божественной родни,
Идущей к ней с высоким, ярким, отрешенным взглядом.
Итак, она приблизилась к тому, чем не была еще,
И тянет руки к тому, что никогда ей не принадлежало.
Протягивая их из неосознающей Пустоты,
205. Со страстью молится она незримым образам Богов,
Вымаливая у Судьбы безмолвной и труженика Времени то самое,
Что очень нужно ей и что намного превосходит её пределы:
Ум, никогда не поражаемый блеском иллюзий,
И Волю, что выражает божественность души,
210. И Силу, не понуждающую к отступленью из-за скорости своей,
И Радость, что не тянет за собою тенью горе.
Она стремится к Ним и чувствует: Они ей суждены,
И эту привилегию небес она истребует как своё собственное право.
Законность её права всевидящие Боги одобряют,
215. Поскольку ярче разума людского мир освещает их горний свет:
Интуитивные прозрения нам подтверждают это,
И наши души принимают то, что отвергают слепые рассужденья.
Земли крылатые химеры являются небесными конями Истины и
Знаком невозможности от Бога на том, чему быть непременно суждено.
220. Лишь некоторые могут выйти за пределы настоящего,
Иль перепрыгнуть эту путаную изгородь рассудка.
Всё, что случается здесь на Земле, и всё, что позади Неё, -
Лишь части плана, который в сердце своем хранит Единый,
И о котором знает лишь он один.
225. Свое зерно внутри себя всегда содержат все внешние события,
И даже эта произвольная Судьба, что подражает Случаю, -
Большая груда непонятных результатов -

- Собой являет диаграмму истин, что действуют незримо:
Законы Неизвестного творят известное само.
230. Те результаты, что принимают форму внешних проявлений наших жизней,
Они, как коды некие вибраций, лежащих за порогом осознания,
Которые мы смутно ощущаем и которые нас удивляют иногда,
Как некие последствия подавленных реальностей,
Что возрождаются с трудом в материальном мире:
235. Их порождают силы, скрытые, духовного светила,
Которые сквозь случай чрезвычайный туннель копают к свету.
Но кто проложит путь в таинственную бездну и узнает,
Что за глубокая потребность души людской
Определила действие случайное и результат полученный?
240. Наши глаза поглощены рутиной повседневных дел,
Они устремлены на внешние картины;
Мы слышим сильный грохот лишь случившихся событий
И удивляемся причине скрытой существующих явлений.
Однако нашим могло быть Знание, предвидящее суть,
245. Если бы навсегда мы дух наш утвердили внутри себя
Иль если могли бы слышать приглушённый голос духа этого.
Увы, нечасто тень того, что в будущем произойдет,
Проявлена бывает в настоящем чувству тайному,
Что ощущает потрясенье от незримого,
250. И изредка, лишь для немногих, кому ответ дарован,
Могущественный ход развития вселенской Воли
Приоткрывает образ свой,
Отождествляя разум мира с нашим разумом.
Арена нашей жизни ограничена дугою, наполненною плотно тем,
255. Что наблюдаем мы, и ощущеньями, догадками, оценками,
И только иногда Неведомого свет здесь появляется,
Чтоб пробудить провидца и пророка в нас.
Лишь внешнее, ближайшее, прямое - вот поле для деяний наших,
А умершее прошлое – всего лишь наша подоплёка и поддержка;
260. Ум держит душу узницей, а мы – рабы своих поступков;
Чтоб солнца мудрости достичь, нам нужно освободить свой взор.
Преемник мимолётного животного ума,
По-прежнему, ещё дитя в руках могучих земной Природы -
Наш человек живет в ряду мгновений, сменяющих друг друга;
265. И только настоящее ему присуждено менять,
Но память его смотрит в тень прошлого,
А будущее ускользает от внимания при каждом его движении вперед;
И видит он не истину, но лишь воображаемые одеяния её.
Вооруженный ограниченной и ненадежной силой,
270. Спасает он труды свои от случая враждебного ему.
Невежество, что бьется внутри него – помощник его решений:
Он ждет, чтобы увидеть результат своих деяний,
Он хочет оценить всю несомненность своих мыслей,
Не знает он, чего достигнет или когда искомое случится;
275. Не знает даже он, останется в живых весь род людской в конце концов
Или закончит жизнь свою как мастодонт,
Который был царем зверей, но навсегда с земли исчез.
Не знает он и смысла своей жизни,
И о своей судьбе высокой и блистательной он также ничего не знает.

280. Лишь существа бессмертные, что обитают на небесах своих,
И пребывают вечно вне Времени и вне Пространства, -
Хозяева людского жития, свободные от кандалов мышления,
Смотрители Судьбы и Воли, и Случайности,
Эксперты теоремы устремленья мира -
285. Они лишь могут видеть ту Идею и Силу ту, что Времени течение меняют,
Ту Мощь, что с гривой света приходит из нераскрытых ещё миров,
И слышать, пока мир с усердием глубоким слепо трудится,
Галоп копыт событий непредвиденных
Сверхчеловеческого Всадника, несущегося рядом,
290. И обращаться снова к безмолвным высям Бога,
Невозмутимо наблюдая за назойливым гудением земли и криками испуга;
Они передвигаются молниеносными скачками, как будто раскаты грома,
И оставляют свой след на попанной груди обычной Жизни.
Над миром этим стоят его творцы,
295. Мистический источник они видят в его явлении.
Не обращают внимания они на внешнюю игру, сбивающую с толку,
Не замечают суетливые тяжелые шаги мгновения,
Но слушают с терпением спокойным Нерожденных
Судьбы далекой медленную поступь,
300. Что приближает Её к нам из Времени немислимых глубин,
Не слышимую среди людского гама поступь,
Не замечаемую глазом, который лишь видит результат и повод.
Внимательные к Истине невидимой, они воспринимают
Звук, словно бы от крыльев незримого авгура,
305. И голоса неизмеримой важности,
И шепот, исходящий из сна вещего Материи.
В звучании этом проникновенном услышать они могут
Приглушённый голос, что ухо Жизни беззаботно пропустило,
Пророческую речь всеведущего транса Мысли.
310. И за иллюзией надежд, что мимо пробегают,
За видимостью внешней и явным действием,
За этим точным Случаем и предположением смутным,
Среди сражения сил, среди ног, вытаптывающих всё вокруг,
Сквозь крики радости, страдания и боли,
315. Сквозь торжество побед, сражение, отчаянье
Они Блаженство наблюдают, к которому сердце земли взывало,
На той дороге долгой, конца которой ещё не видно.
Сквозь дни сомнений ведет дорога эта, и именно по ней
Ведут они беспечный трогательный мир.
320. Одетый в тайну Запредельный ещё взбирается на трон свой.
Когда сжимая грудь земли, тьма уплотняется,
А ум людской физической становится единственным светилом,
Безмолвной, скрытной будет поступь - как у вора в ночи -
Того, кто тихо и незримо входит в своё жилище.
325. Неслышный Голос после скажет, и душа послушно подчинится,
И Сила проскользнет в покои сокровенные ума,
Очарование и свежесть откроют двери жизни, закрытые доселе,
И красота преодолеет сопротивляющийся изменению мир,
Свет Истины охватит неожиданно Природу,
330. Уловка Бога тайная заставит наполниться блаженством сердце,
И неожиданно земля божественною станет.

- В Материи при этом зажжется пламя духа,
Рождение святое возгорится в людях - от тела к телу;
Гимн звезд разбудит полностью ночное небо,
335. Дни станут пилигримов счастливым маршем,
А наша воля – силой Вечности могучей,
При этом мысли будут лучами светлыми божественного солнца.
Немногие увидят то, что до сих пор никто не понимает;
Состарится успеет Бог, пока все мудрецы ведут беседы и почивают;
340. И человек его приход не осознает, пока не будет сделана Работа,
И веры в нём не будет, пока час Бога не пробьёт.

- Сознание, что истины своей не знает - подобное искателю,
Блуждающему в поисках обманчивых рассветов
Меж намерений светлых и тёмных существа его, -
345. Здесь в полумраке странствует, который светлым миром кажется ему:
Тот промежуток в царствии Реальности
Мышление целостное пресекает и отсекает Силу абсолютную;
Оно стоит иль с непонятым интервалом движется по кругу,
В сомненьях пребывая о своем начале и о завершении своем,
350. Иль по дороге следует, которой нет конца;
Вдали от изначальных Сумерек, вдали от Пламени финального,
В пустом огромном Несознании живет оно,
Подобно мысли, существующей настойчиво в обширной пустоте.
И словно неразборчивая фраза,
355. Внушившая Уму несметный ворох толкований,
Оно значеньем наделяет случайный мир.
Предположение, что зиждется на доводах сомнительных,
Послание непонятное, запутанная мысль,
Теряющая цель свою, есть всё, что может выразить оно:
360. Сознание это выражает только часть вселенского божественного слова.
Оно два исполинских знака только оставляет без движенья, и слово это теряет
смысл³,
При этом без разрешения вращает средний знак,
В себе несущий универсум, тайною сокрытый,
Как если б настоящее одно без прошлого, без будущего вкупе,
365. Круженья тот же самый цикл повторяя,
Вращалось вокруг своей оси в своем пустом Пространстве.
Сокрыт творения смысл в таком сознании;
Без всякого контекста оно читает эту вселенскую страницу:
Все знаки эти всматриваются в нас неведомым рисунком,
370. Как если б явлены нам были они на языке чужом
Иль шифром символов, сверкающих без всякого ключа к разгадке,
Как часть иносказания высокого.
В глазах творения брэнного оно имеет вид
Великолепья чуда бесполезного, никчемного;
375. Напрасно расточая себя, что может лишь недолго продолжаться,
Подобная реке, что моря своего не может отыскать вовек,
Вселенная течёт сквозь жизнь и смерть на острие у Времени,
И пламя ее мощных действий творит в Ночи огонь.
Глубокая потребность наша – соединить ещё раз то,

---

³ Мудрецы древности говорили, что вселенское божественное слово ОМ состоит из трех знаков или звуков: А, U и М (АУМ). Средний знак U, по мнению Шри Ауробиндо, обозначает UNIVERSE – Вселенную.

380. Что в наше время противоположно, разделено, раздвоено,
Раздвинуто по сферам независимым и встретиться не может никогда,
Или друг другу противостоит подобно полюсам разноименным Дня и Ночи.
Должны заполнить мы пробел огромный, сотворенный нами -
Необходимо воссоединить одну закрытую согласную, стоящую в конце⁴,
385. И гласные открытой Бесконечности, стоящие в начале⁵;
Материю и Ум здесь дефис должен соединить -
Короткая и узкая тропинка души, ввысь восходящей:
Должны восстановить мы связь сущего всего, что тайною укрыта,
Сердца наши - призвать утерянную нами Идею Бога,
390. Восстановить то Слово совершенное, объединить
И Альфу, и Омегу в одном священном звуке;
Тогда существовать будут в согласии Дух и Природа.
Две эти части станут завершением таинственного плана.
В обширном и лишенном формы и знаков эфире «Я»,
395. В Безмолвьи неизменном, белом, обнаженном,
Сверкая отстраненно, как золотые ослепительные солнца,
Сокрытые в лучах, через которые глаз смертного смотреть не может,
Чистейшие, ничем не ограниченные силы Духа
Сияют пламенем в уединении мыслей Бога.
400. В его блаженстве неотъемлемом
Живут восторг, сияние, тишина
Вдали от Силы, что кричит о своей боли:
Избавлены они от близости израненных сердец
И отвергают ложную Идею горя,
405. Покоятся они невозмутимо на вечной Воле -
Безукоризненные в знании своём, в своём могуществе.
Ведь, повинуются они закону Духа и принимают во внимание лишь его;
У них нет цели что-то постичь, намерения служить кому-то.
В своей непреходящей чистоте неумолимо отвергают они
410. Любой обмен или оплату в виде поклонения;
Их не колеблет ни молящийся невежда, ни крик протеста,
И во внимание не принимают они наш грех и добродетель;
Не подчиняются они тем голосам, что умоляют,
Не держат они и отношений с господством фальши;
415. Защитники они безмолвья Истины,
Хранители закона неизменного.
Источник их могущества – Отождествление себя с Божественным,
Глубокое предание Ему себя – путь к их познанию.
Покой, подобный сну, является их действием.
420. Взирая на борьбу нашу глазами беспристрастными,
В покое пребывая независимом от бед, под звездами,
Глядят они, бессмертные, на действия Случайности и Смерти,
Недвижно наблюдая движение тысячелетий.
Не трогают их развороты длинной карты Судьбы,
425. И всё ж без этих проявлений Духа вселенная быть не смогла б.
Глухой к мольбам, желанию, надежде и судьбе,
Их центр нерушимого могущества, движений никаких не проявляя,
Поддерживает грандиозную задачу мира.
Свет знаний их не позволяет умереть ей из-за неведения,

⁴ «М» – согласная с закрытым звуком.

⁵ «А» и «У» гласные с открытым звуком, которые вместе с согласной образуют слово «AUM».

430. Их безразличие хранит стремление её.
Подобно высоте, что побуждает низкое всегда взбираться вверх,
Подобно широте, влекущей малое к просторам приключения,
Их отчужденность побуждает человека превосходить себя.
Вздывается страсть наша, чтоб соединиться с покоем Вечного,
435. Наш карликовый ум стремится свет Всеведущего встретить,
Сердца беспомощные наши тщатся силу Всемогущего лелеять.
Явленья Духа, неохотно соглашаясь с мудростью, что ад создала,
И с горькой пользой слез и смерти,
И молча уступая Времени, идущему без остановки шаг за шагом,
440. О боли, что сердце мира жалит, кажется, не думают,
Не думают о боли, что разрывает его тело и живое существо;
Превыше радости, печали ход величия такого:
Участия они не принимают в добре, что умирает после,
Безмолвные и чистые, они не разделяют сделанного зла;
445. Иначе сила их искажена быть может и человека может не спасти.
Осознающий истину, что обитает в противоположностях от Бога,
И пробудившийся к движению всевидящей вселенской Силы,
Бессмертный видит то, что мы совсем не видим:
Лет долгих и двусмысленных итог неспешный,
450. Добро, которого не ждали, от дел несчастных.
Он смотрит на аспекты скрытые и силы, скрытые от взгляда,
И видит он закон и ход событий истинный естественный.
Его не побуждают к действию желания своей короткой жизни,
Его не беспокоят шпоры жалости и страха,
455. Он не торопится распутать узел космических проблем
Иль сгладить скрип, что раздражает сердце мира.
Во Времени он ожидает часа Вечности.
Но всё же тайная духовная поддержка есть на Земле;
Пока неспешной Эволюции витки раскручивают жизнь,
460. И через твердь Природа прорубает себе дорогу,
Над всеми этими делами царит влияние Бога.
Живые в неживой кружащейся вселенной
Мы пребываем совсем не на случайном небесном теле,
Заброшенными для решения задачи непосильной;
465. Ведь, даже сквозь сложный хаос, называемый Судьбою,
Сквозь горечь смерти и паденья
Мы ощущаем божью Руку, простертую над нашей жизнью.
Присутствует она в телах бесчисленных и при рожденьи нашем;
Своей железной хваткой она реализует безотказно
470. Итог единственный предельный неизбежный,
Который никакая воля не в силах отобрать и рок не может изменить;
Она хранит Бессмертия корону, сознательного полностью,
Божественность, обещанную нашим борющимся душам,
Когда отважилось в страдании жить и умереть впервые сердце человека.
475. Создатель мира нашего – его владыка вечный:
Ошибки наши все –шаги его по предначертанной дороге;
Работает он с помощью превратностей жестоких нашей жизни,
Работает он с помощью тяжелого дыхания труда и битвы,
Работает он с помощью слёз наших и грехов, и горестей,
480. И знание его главенствует над всем незнаньем нашим;
Ведь при любых явлениях, лежащих на наши плечи,

- И при любых болезнях настоящих и коллизиях судьбы,
 Когда кругом мы видим лишь бездействие и горе,
 Нас через все невзгоды спокойно и безмолвно могучее Водительство ведет.
485. Как только мы того заслужим в великом этом мире, разделённым на куски,
 Единство с Богом и его блаженство врожденным нашим правом станет.
 В календаре Неведомого нам зафиксирована дата -
 Рожденья годовщина гордого, высокого:
 Тогда изменчивый свой шаг душа людская оправдает,
490. Всё станет близким, что сегодня нереально или слишком далеко для нас.
 И, наконец, спокойные и отчужденные Могущества начнут свою работу.
 Бесстрастные, готовые к задаче, предназначенной для них,
 Великолепя силы, что сострадают в мудрости своей извечной,
 Ждут звука гласа Воплощенного, чтоб прыгнуть
495. И преодолеть глубокую расселину Неведенья,
 И исцелить всю пустоту тоскующих разливов Жизни,
 И бездну ту наполнить, которая является вселенной нашей.
 Тем временем здесь и сейчас на полюсе, противоположащем Духу,
 В мистерии глубин, которые Бог приспособил
500. Для своего жилища, скрытого от размышляющего взгляда,
 При компромиссе твердой абсолютной Истины
 И Света, что пребывает рядом с тёмной стороной явлений,
 В трагикомедии божественного маскарада –
 Этом далёком долгом поиске восторга, вечно длящегося рядом, -
505. В мечте великой, из которой создан мир,
 Под сводом золотым, что опирается на спину черного дракона⁶,
 Сознательная Сила, что действует в груди Природы -
 Работница в одежде темной, претворяющая замысел космический,
 Несущая в себе лишь образы богов, что были ещё не рождены,
510. Душеприказчица Идеи неизменной,
 Стесненная в движениях, охваченная кольцами Судьбы -
 Высвобождает час за часом секретный свой заряд,
 Как попечитель терпеливый вечного и медленного Времени.
 Предвидит всё она в своих глубинах властных, скрытых маской;
515. Стремление немое бессознательных пучин
 При этом отвечает перед волей, что на высотах зрит,
 А Слова первый звук – того, что разворачиваться стало⁷, -
 Тяжеловесный, грубо ощущаемый, несёт свет завершения своего.
 Причастна Сила эта к глубинам нисхождения победы величайшей
520. И к предзнаменованью восхожденья безграничного души.

Всё здесь, что кажется отдельным существом,
 Есть только образ трансцендентного Единого:
 Все существуют только благодаря ему, их жизнь – это его дыхание;
 Забвенья глину отливают в форму его незримое Присутствие.

525. Партнером по игре с могущественной Матерью
 Пришел Он на планету, что кружится в полнейшей темноте,
 Чтоб в форму человека спрятаться от поиска Её⁸.
 Он был сокрытым духом в Несознания сне,

⁶ Черный дракон – согласно Ведам это Несознание или Неведение.

⁷ АУМ.

⁸ Шри Ауробиндо в соответствующем афоризме говорит, что Бог и Природа, как мальчик и девочка, играющие в прятки: они прячутся и ищут друг друга.

- Бесформенной Энергией, беззвучным Словом,
530. Он был здесь раньше, чем появились все начала,
Чем жизнь смогла дышать и появился свет ума.
Сообщником являясь Её вселенского притворства,
Он превращает образы реальные в свои подобия,
А символ назначает равным истине:
535. Всем своим мыслям вечным во Времени Он форму придает.
Он есть субстанция, и Он же - сущность всех вещей;
Она же сотворила из Него могущество своё и мастерство
И обвивает Его магией своих же настроений,
И создает из мириадом Его истин мечты свои, которым несть числа.
540. Господь существования к Ней низошел,
Бессмертное дитя среди недолговечных лет родилось.
О целях и о личностях задуманных мечтая,
Она преследует одну свою идею - о Нём,
И Её пленяет здесь взгляд, там – жест:
545. Он вечно повторяет в них свои рожденья, что непрестанно длятся.
Он есть Создатель, и Он – сам мир, который сам и создал,
Он – виденье, и Он же есть Провидец,
Он – действие, и деятель сам в нём,
Он – знание, и сам же познающий,
550. Он есть мечта, и Он же сам мечтатель.
Есть Двое, которые по сути есть Единый, - во множестве миров они играют;
И в Знании, и в Неведении они уже встречались и творили,
И свет, и темнота – чередование их открытых и закрытых глаз;
Боль наша и наше наслаждение – их схватка жесткая и жаркие объятия,
555. А все надежды и деянья наши – известны в их истории прекрасно;
Они повенчаны неслышно и в жизни нашей, и в наших мыслях.
Вселенная похожа здесь на вечный маскарад:
Всё, что нам кажется, не то, чем оно в сущности является;
Оно – фактически лишь видение истины в мечтах,
560. Которое в мечтах быть может лишь частичной истиной,
Явлением, что видится значительным
На трудноразличимом фоне вечности;
Мы смотрим лишь на лик и оставляем без вниманья все его значения;
Мы видим только часть и принимаем всё это за целое.
565. Так сделали они спектакль свой, а мы все в нём лишь роль играем:
Единый – автор и актер, и он же сам и сцена,
Он представляет Душу там, она – Природу.
Здесь, на земле, где должно нам исполнить свою роль,
Не знаем мы, как будет протекать ход этой драмы;
570. Речения, изложенные нами, окутаны их мыслью.
Хранит Она от взгляда нашего свой мощный план,
Скрывая и свое блаженство, и триумф
И пряча Любовь и Мудрость в своём сердце;
Из красоты Её и чуда
575. Мы можем ощущать лишь только малость приглушенную.
В приниженное божество здесь также наряжается и Он;
Он отказался здесь от своего могущества,
От прежнего покоя своего и безграничья.
Он знает лишь Её, Он позабыл себя;
580. Он отказался от всего, чтобы Её великой сделать.

- Надеется Он в Ней вновь обрести себя,
В жизнь воплотить, соединить покой свой вечный
С Её экстаза творческого страстью.
Владыкою являясь земли и неба,
585. Предоставляет Ей Он управление вселенной
И наблюдает за этой сценой как Свидетель.
Статист без слов Он на Её подмостках
Иль за кулисою присутствует безмолвно.
Он принимает рождение в этом мире, Ей принадлежащем,
590. И предугадывает смысл Её таинственного жеста,
Пытается понять тот случай, что меняет настроение Её,
Определяет Её замысел, который, вроде бы, Она не знает,
И служит Её тайной цели, уж, длительное время.
Он поклоняется Её величию, как поклоняются Богине;
595. Он преклоняется пред Ней – пред управителем своих желаний,
Он предается Ей, как матери своих желаний,
Ей возжигает фимиам своих ночей и дней
И в жертву на алтарь приносит жизнь свою.
Заступник восхищенный Её любви и милосердия -
600. Весь мир Его является блаженством в Ней:
Все силы существа Его растут через Неё;
При помощи Неё определяет Он цель Бога, скрытую во всём.
Придворный в Её свите многочисленной,
Согласный рядом быть, чтоб постоянно ощущать Её -
605. Он максимально претворяет в жизнь то малое, что создает Она,
И своим собственным восторгом украшает все Её дела.
Короткий взгляд Её чудесным делает весь день Его,
А слово, сказанное Ею, часы Его блаженством окрыляет.
Она – опора всех без исключений дел Его и самого Его:
610. Возводит Он все дни свои счастливые на щедрых Её дарах
И тащит на себе павлинье оперение восторга жизни,
И Его радость сияет солнцем от мимолётной Её улыбки.
Он всеми способами служит Её запросам царственным;
Он заставляет все часы возвращаться, согласуясь с Её волей,
615. Всё отражает прихоти Её, всё только – их игра:
Весь этот мир обширный лишь есть Она и Он.

- Это – тот самый узел, что связывает вместе звезды:
Они вдвоём являются Единым – секретом силы всей,
Они вдвоём являются Единым – властью и правом в сущем всём.
620. Его душа, безмолвная, мир подпирает и Её,
Все действия Его – из списков Её заповедей властных.
Счастливый и инертный лежит Он под Её стопами:
Он предлагает грудь свою Её космическому танцу,
В котором наши жизни представляют Её волнительный театр,
625. Который вынести без силы Его внутри никто не может,
Который не отринул бы никто из-за Его блаженства.
И Ею придуманы Его дела и мысли,
И бытие Его – Её простор зеркальный:
Он говорит и действует, лишь только вдохновленный Ею,
630. И подчиняются Его дела всем молчаливым Её запросам:
Покорно переносит Он удары мира,

- Поскольку Её прикосновенья формируют и душу Его, и тело:
Всё путешествие Его сквозь дни текущие – Её наполненный сияньем марш;
Бежит Он по Её дорогам по курсу, заданному Ею.
635. Свидетель Он и ученик и в радости Её, и в скорби,
Партнер в грехе, творимом Ею, и в добром деле,
Он согласился с самого начала с Её дорогами, подверженными страстью,
И грозная, и сладостная сила ведет по ним Его.
Все действия Её Он подтверждает именем своим;
640. Его молчание скрепляет подписью Её дела;
Во исполнение замысла спектакля своего,
По прихоти момента и настроенью своему при этом,
По ходу времени в обычном этом очевидном повседневном мире,
Где всё наполнено глубинным смыслом и странно для взора видящего,
645. А образы обычные Природы являются плетеньями чудес,
Она при помощи Его свидетельского взгляда и механизма Его силы
Развертывает вещество космического Действа своего,
Своих событий, что возносят и терзают душу,
И силы движущей своей, энергий, могущих спасти и подавлять,
650. И Слова своего, что молвит в тишине нашим сердцам,
И своего безмолвья, что превосходит Слово высочайшее,
Своих высот и глубей, к которым движется наш дух,
Своих событий, что сплетают наших жизней ткань,
И всё, благодаря чему мы можем потерять или найти себя,
655. Событья сладкие и горькие, великие и мелкие,
Дела ужасные и светлые, и божии по сути.
Она создала в космосе империю свою,
И напоённые могуществом, и тонкие Её законы руководят тем царством.
Его сознание – ребенок на Её коленях,
660. А существо Его – обширнейшее поле для Её экспериментов,
Её пространство беспредельное - площадка для Его воззрений;
Она связует с ясным знанием форм Времени
И творческого заблуждения ума, границы возводящего повсюду,
И случая, что носит непреклонный лик судьбы,
665. И всей Её игры со смертью, болью и Незнанием
Его несчастное бессмертие, что было отменено для нас.
Его душа – лишь атом некой массы,
А вещество Его - Её работ материал.
Средь смерти сущего всего Его дух выживает,
670. Взбирается Он вверх по промежуткам бытия -
Его из Ночи к Свету вековечному ведет Она.
Дар добровольный Его - беспрекословное предание себя,
При этом сила трансцендентная Его покорна Её силе.
В мистерии Её вселенского незнания,
675. В загадке Её игры непостижимой
Он действует по образу, что Ею установлен для Него.
Творение, что собрано из вещества, подверженного смерти, -
Он мыслит Её мыслями, Её волнения вздымают Его грудь;
Он выглядит тем существом, каким Она хотела б Его видеть,
680. Он – это всё, что может сделать Её мастерская воля.
Хоть кажется, что забавляется Она с ребенком собственным
Иль с куклой, взятой на одно лишь представление, иль с рабом,
Она ведет Его по непростым своим дорогам

- К свободе и господству Вечности,
685. К позиции бессмертия, стоящего над этим миром.
И даже в Его смертной жизни в обличии телесном -
В обличьи путника, идущего без цели между рождением и смертью,
Мечтающего мимолётно о бессмертии, -
Чтоб царствовать, Она его подстёгивает властно. Он принимает Её силу;
690. Он на Неё одел хомут закона, что Она же и провозгласила,
А на корону возлагает личину думы человеческой.
Сидящий на поводке Её и связанный Её капризом скрытым,
Он изучает Её дороги, как если бы хотя б на час
Он смог добиться своего, и Она стала б его волю исполнять;
695. Он делает Её рабыней своей сиюминутной страсти:
Она идет на поводу творенья своего и притворяется, что подчинилась,
Поскольку была создана лишь для него и для его лишь пользы существует.
Но даже побеждая Её, он - большей частью Её раб;
Он – Её подчиненный, все его средства Ей принадлежат;
700. Он ничего не может без Неё, Она спокойно правит им.
Но, вот, он пробуждает память «Я» своего – сути своей:
Он видит внутри себя лик божества,
Всевышний пробивается сквозь форму человека:
Вершины высочайшие свои Она демаскирует и себя являет его супругой.
705. До той поры он лишь забава в Её игре;
Правитель, вроде бы, Её и в то же время непростая Её игрушка,
Живой машиной, движимой Её источниками силы,
Он действует как будто бы во сне;
Шагая автоматом по колее Судьбы,
710. Он ковыляет, ведомый хворостиной Её Силы:
Мышленье его трудится, как вол во Времени полях;
И воля, которую он мыслит своей, приобретает форму в кузнице Её.
Послушный немому руководству Природы Мира,
В движение приводимый своею собственной огромной Силой,
715. Партнером, избранным в гигантской титанической игре,
Он сделал Её волю хозяином своей судьбы,
А Её прихоть – дозатором и наслаждения его, и боли;
Он продал себя Её божьему могуществу
За благо любое или любой удар по Её царственному выбору:
720. Ведь, даже в том, что чувству нашему страданием является,
Он ощущает сладость Её руководящего касания,
И видит в каждом своем опыте Её блаженные ладони;
Всем сердцем он ощущает Её поступь счастья
И удивление от радости Её прихода
725. В событьи каждом, в случае любом.
Всё, что Она способна делать непостижимо его взору:
Он получает наслажденье в Ней, пловец он в Её море,
Поклонник он неутомимый Её блаженства миром;
Он радуется каждой Её мысли и действу каждому Её
730. И соглашается со всем, что может захотеть Она;
Стремится быть он всем, что может пожелать Она:
Он – Дух Единый, неисчислимый –
Оставил позади себя своё уединенное бессмертие.
Он – бесконечное рождение в бескрайнем Времени,
735. Её конечное сообщество существ в Пространстве бесконечном.

- Хозяин жизни в нас таится
И в прятки Он играет со своею собственной Силой;
Бог тайный медлит в каждом орудии Природы.
Как в своём доме в человеке живет Присущий нам;
740. Вселенную Он сделал полем для развлечений собственных,
Просторным залом гимнастическим для дел своих могучих.
Всезнающий – Он принимает наше состояние отсталое,
Божественный – Он входит в образ человека иль животного любого;
Он – Вечный – санкционирует Судьбу и Время
745. И, как Бессмертный, развлекается со смертью.
Всезнающий решился на Невежество,
А Всеблаженный примирился быть бесчувственным.
Он – Воплощенный в мире борьбы и боли -
Как платье надевает радость или горе
750. И пьет свой опыт, как будто крепкое вино.
Он, чьё превосходство правит Просторами, наполненными смыслом,
Сейчас Пророком пребывает в глубинах наших подсознательных -
Отдельной одинокой просветленной Силой.

- Он – Абсолютный, Совершенный, Уникальный -
755. Свою немую Силу из Безмолвия призвал,
Где та лежала в тишине невыразительной, бесформенной,
Храня от Времени во сне недвижимом своём,
Невыразимое могущество уединенности Его.
Он – Абсолютный, Совершенный, Уникальный -
760. В безмолвии вступил в пространство наше:
Бесчисленным всем лицам он форму «я» в себе придал;
Своею силой Он выстроил обличье миллионов;
Он пребывает во всех тех, кто жил в его Просторе одиноком;
Его – весь космос, и только Он в нём Временем является.
765. Неуязвимый, Абсолютный, Совершенный -
Он тот, кто пребывает в нас, как сущность наша тайная,
Примерив на себя несовершенства маску.
Он сделал обитель плоти эту своею собственной,
Свой образ вбросив в человеческий размер,
770. Чтоб мы могли взрасти к Его размеру;
Затем Творец нас переплавит
В фигуру божества и замысел возложит
Бога на отливку смертного,
Тем самым возвышая жизнь конечную до бесконечия Его,
775. Соприкасая с вечностью мгновенье это.
Преображение это – земли долг небесам:
С Всевышним повязала человека взаимная порука.
Его природу мы должны примерить на себя, как Он примерил нашу;
Мы – Бога сыновья и быть должны точь-в-точь как Он:
780. Взрастить должны божественное мы в его частичке человеческой.
Жизнь наша – это парадокс, Бог – ключ к его разгадке.

Меж тем, всё – только тень мечты, в которой
Для недвижимого и размышляющего духа
Сам он и жизнь лишь надевают выражение мифа -

785. Обремененья долгой, ничего не значащей поэмы.
Ибо ключ скрыт, его содержит Несознание;
Бог тайный пребывает за его порогом.
В теле людском, что темнотою окружает Дух бессмертный,
Он – безымянный Обитатель, который наделяет силами незримыми,
790. А также риском непредвиденного результата
Обличья Материи и побуждения, за мыслями стоящие;
Он – всемогущее, сокрытое Влияние -
Сидит, неощутимый для обличья, в котором пребывает,
И знание своё скрывает, чтобы ум искал его.
795. Как странник в мире, созданном его же мыслями,
Среди контрастов истин и ошибок Он кружит,
Чтобы найти ту мудрость, что, по большому счету, принадлежит Ему.
Он ищет самого себя, как позабывший,
Как тот, кто свет пытается найти, потерянный внутри себя:
800. Как житель временный, что задержался в местах чужих,
Он к дому путешествует, которого не помнит боле.
«Я» собственного истину пытается найти тот, кто и есть та Истина;
Он сам – Игрок, который стал игрою,
Он сам – Мыслитель, который этой мыслью стал;
805. Он сам – те многие, что были прежде Единым бессловесным.
В обличьях символических вселенской Силы,
В её живых и неодушевленных знаках,
В сплетении событий её сложных
Он изучает чудо непрестанное – Он изучает самого себя,
810. Пока в тысячу раз большая загадка не будет решена
В одном отдельном свете всевидящей Души.
- Таким был договор с Его супругою могучей
Ради любви Её, и Он соединился с Ней навек,
Чтоб следовать по курсу временному вечности
815. Средь драм магических Её внезапных настроений,
Чтоб следовать сюрпризам Её замаскированной Идеи,
Превратностям Её бесчисленных причуд.
Нам кажется, две цели у Него, но они обе – лишь одно.
И созерцают они друг друга поверх владений Времени;
820. Дух и Материя – их и начало, и конец.
Искатель в формах жизни скрытых смыслов,
Обширной, неотмеченной ещё на картах, воли великой Матери
И примитивной, кажется, загадки земных Её дорог -
Исследователь Он и мореплаватель
825. Во внутреннем, укрытом тайной, беспредельном океане.
Искатель приключений Он и космолог
Магической земной малоизвестной географии.
По плану четкому закона для материальных Её творений,
Где кажется надежным всё, и изменение любое не меняет ничего,
830. Хотя конец и остается нам навеки неизвестным,
И вечно неустойчив жизни переменчивой поток,
Его дороги предопределяет для него безмолвная судьба;
Как остановки на пути потока веков летящих, себя являют земли твердые,
Которые прельщают и побуждают задержаться ненадолго;
835. Затем ум заставляют двигаться вперед иные перспективы,

Поскольку не приходит он к конечной точке безграничья,
Поскольку нет и убежденности последней, что может сделать передышку мысль,
И нет в переживании души конечной остановки.
Граница, дальние края, в которых никогда Он не был,
840. И совершенство то, которого пока что не достиг, к нему взывают
Из пределов дальних незримого доселе мира:
Лишь долгое начало было завершено.

Он – мореплаватель в потоке Времени,
Неторопливый первооткрыватель вещественной Вселенной,
845. Который с жаром бросился в рождение это малое телесное
И изучал свое умение посредством крошечных частичек «я»,
Теперь рискует в бесконечьях неизведанных,
Как путешественник по океанам Вечности.
В начале этом движения по миру – исходном, отправном -
850. Его мы видим не замечающим свою божественную силу
И посвященным лишь слегка в безбрежный её промысел.
Искусный капитан непрочного суденышка,
Торговец мелкими недолговечными товарами -
Цепляется за берег он сперва и избегает всех широт,
855. И не рискует смело встретить океан далекий и опасный.
Усердно ходит он по узкому прибрежному маршруту,
И плата отмеряется ему от порта к порту,
Согласно с неизменным безопасным этим хождением по кругу -
Не ставит он на карту новое, невиданное им.
860. Но, вот, он слышит звук морей широких.
Раскинувшийся мир огромный зовет его к местам далеким
И к путешествиям под свод видений значимых,
К народам неизвестным и берегам ещё не покоренным.
Киль корабля его торгового надежно держит строй
865. И служит мировой торговле Времени сокровищами,
Срывая пену с моря, великого и окруженного со всех сторон землею,
Чтобы достичь в далеких странах той самой неизвестной гавани
И рынки там открыть для процветающих ремесел жизни
И для тюков с богатыми товарами, полотен разноцветных, статуэток,
870. Игрушек драгоценных, привезенных для детских игр,
Изделий тленных тяжкого труда,
Вещей великолепных, преходящих – добытых и теряемых во днях.
Или пройдя сквозь скальные столбы ворот,
Но не рискуя рассекать еще никем не названные океаны
875. И путешествовать в мечту о дальних далях,
Плывет вблизи он побережий незнакомых
И гавани находит новые там - в островах, штормам открытых,
Или, ведомый компасом надежным своею мысли,
Выныривает он сквозь дымку яркую, скрывающую звезды,
880. И следует маршрутами торговыми Неведения.
Корабль его несется к неоткрытым берегам,
Он открывает там немислимые континенты:
Искатель островов Благодаренья -
Он оставляет земли прошлые и дальние моря пересекает,
885. И символом его предмета поиска становится извечное;
Жизнь для него меняет временем воздвигнутые сцены,

- Те образы, что застилают бесконечность.
Ограничения земные отступают, и в атмосфере окружающей
Его уже не окружает прозрачная вуаль.
890. Он пересек уже пределы мысли смертной и надежды,
Достиг границы мира и смотрит пристально на то, что позади;
Там тела смертного глаза свой погружают взор
В Глаза, что наблюдают вечность.
Другой великий мир исследовать здесь должен путешественник по Времени.
895. Вот, наконец, он слышит пение на горних тех высотах,
И даль с ним говорит, и вырастает неизвестное пред ним:
Пересекает он незримого границы,
За грань выходит взора смертного
На виденье себя и сущего, что внове для него.
900. Он – дух в незавершенном мире,
В котором мир его не знает и не может сам познать себя:
Поверхностная значимость его безрезультатных поисков
Приобретает более глубокий смысл для внутреннего виденья;
И поиск его – это поиск света темнотою,
905. Бессмертья - жизнью смертной.
В сосуде том земного воплощения
Сквозь узкие ограды ограниченного чувства
Он наблюдает Времени магические волны,
Где ум, луне подобный, освещает мира темноту.
910. Видны там вечно уходящие от взора,
Как если б были светом прорисованы мечты неясной, призрачной,
Лишь очертания туманного загадочного берега.
Он - мореплавателю по морю Несознания бездонного -
Плывет сквозь звездный мир надежды мысленной
915. На палубе Материи к сияющему солнцу духа.
Сквозь шум и крик многоголосия земли,
Сквозь вознесенные и непостижимые безмолвья,
Сквозь странный срединный мир под небесами божьими
Идёт он к цели, установленной вне карт земных,
920. Вне всех земных меридианов, параллелей.
Зачем он сквозь неведомое держит путь, и что за миссию секретную
Доверила ему божественная Мать, никто не знает.
В сокрытой силе всемогущей её Воли,
Её дыханием ведомый сквозь вздрагивающие глубины жизни,
925. Сквозь грохот молний и безветренную тишь,
Сквозь мглу, туман, в котором ничего не видно,
Несет он на груди своей Её распорядки, скрепленные печатью.
Позднее он узнает, открывая манускрипт мистический:
Идет ли он к пустому порту в том Незримом,
930. Или, вооруженному Её указом, ему открыть придется
Новый ум и тело в чертогах Бога
И в Его доме славы Бессмертное взлелеять,
И с Бесконечностью единым сделать всё конечное.
Сквозь горькие потерянные годы, которым несть числа,
935. Его блуждающую лодку вперед толкают ветры океанские Её:
Плеск волн космических во время этого движения
Распространяет слухи вокруг него и риск, и зов.
Он следует всегда в потоке Её силы.

- Плывет он через жизнь и смерть, и через жизнь другую,
940. При этом путешествуя, и пробудившись, и во сне.
Ему присуща мощь Её оккультной силы,
Которая его связует с судьбой его творения,
И никогда не может Путешественник могучий успокоиться,
И никогда не может прекратиться мистическое плавание это,
945. Покуда несознания сумерки не будут извлечены из человеческой души,
Покуда утро Бога не овладеет ночью человека.
Пока Природа существует, он пребывает в ней,
Поскольку, без сомнения, он и она – едины;
Ведь на груди своей хранит он её даже во время сна.
950. И кто бы ни ушел, он её не оставит,
Чтоб без неё покоиться в Непознаваемом.
Есть истина, которую познать необходимо, работа, которую необходимо сделать;
Её игра реальна - осуществляет он некую Мистерию:
В космическом непостижимом капризе Матери есть план,
955. Намерение в её игре обширной и случайной.
Она всегда его обдумывала – с первого рассвета жизни,
И волю эту постоянную скрывала своей игрой,
Чтоб Личность пробудить в безличной Пустоте
И Светом Истины сразить тяжелые земные корни транса,
960. Чтоб разбудить «я» спящее в глубинах неосознающих,
И Силу воскресить потерянную в сне змеином этом,
Чтобы из Времени могли смотреть глаза Извечного,
А мир смог проявить божественную явь.
Ибо для этого он вечность свою чистую оставил,
965. И плоти ношу тяжкую он возложил на дух,
Чтоб семя Божества смогло цвести в Пространстве, разума лишенном.

Конец Песни четвертой

Песнь пятая

ЙОГА ЦАРЯ:

ЙОГА СВОБОДЫ И ВЕЛИЧИЯ ДУХА

- Он знание это получил впервые от обычных смертных.
Допущенный преодолеть завесу, скрывающую светлый ум,
Которая парит меж нашей мыслью и абсолютным зрением,
Он обнаружил дверь мистическую в мир оккультный,
5. Что существует рядом с родником предвиденья в душе,
И заглянул туда, где пребывают Крылья райского блаженства -
В пространство молчаливое, в котором всё известно изначально.
К сомнениям разным и всяким убеждениям безразличный
И алчущий единственно реального, открытого толчка,
10. Он узы разрубил ума, что оплетают сердце человека,
Отбросив прочь ярмо материального закона.
Не связывали силы духа теперь привычки тела:
Хотя жизнь прекратила своё биенье, не вторглась смерть в него -
Отважился он жить, когда дыхание с мышлением затихли.
15. Так смог шагнуть он в то магическое место,
Которое увидеть вряд ли можно торопливым взглядом,

- На миг лишь отвлеченным от трудных дел ума
И взора бедного земной природы.
Всё, что познали Боги, здесь было всем известно.
20. Здесь, в зале сокровенном, закрытом и безмолвном,
Хранятся рукописи все без исключения вселенского писца;
Есть там скрижали и священного Закона,
И указатель Книги Бытия.
Присутствуют там тексты и глоссарий правды Вед.
25. Там ритмы и параметры движений звезд,
Что знаменуют все движенья человеческой судьбы:
Те значимые силы чисел и форм земных,
Тот тайный код истории людского мира,
Соотношение Природы и Души
30. Записаны во глубине таинственного сердца Жизни.
Здесь в проблесках пространства памяти людского духа
Он мог восстановить те проливающие свет заметки на полях
Двусмысленного, неразборчивого свитка, записанного световыми точками,
Спасти преамбулу, а также исключаящую оговорку
35. В том темном Соглашении, при помощи которого царит всё то,
Что поднимается из сна Природы материальной,
Чтобы в другие, новые одежды облечь Предвечного.
Он мог перечитать сейчас и заново истолковать в том свитке всё:
Причудливые символы, разрозненные, трудные для понимания знаки.
40. Он мог растолковать пророчество и парадокс оттуда,
Загадочные фразы и выраженья безрассудные,
Глубокий остроумный смысл противоречий в повторах истины
И распознать законную необходимость
Условий тяжких могучей той работы -
45. Тяжелый невозможный геркулесов труд Природы
В жизнь претворить могли лишь магия искусства Её мудрого,
Закон противодействия богов
И весь набор противоречий неразрывных.
Великая, в безмолвьи пребывающая, Мать,
50. Используя в своём вселенском трансe для сотворения радости и горя
Санкцию Вечности на некое рождение формы,
Неудержимо принимает для исполнения работы
Решимость, чтобы в неосознающем мире познавать,
Решимость, чтобы жить под властью смерти,
55. Неутомимое стремление к восторгу в сердце плоти
И исполняет с помощью явления души
При чудодейственном рожденьи в плазме космоса
Таинство соглашения Бога с Ночью.
Космический безмолвный Ум услышал еще раз
60. То обещание Предвечного своей творящей Силе,
Что к жизни вызвало срасти господни мира,
Крик смертного рождения,
А также начертало первый стих трагедии во Времени.
Из тех глубин возникла похороненная тайна мира;
65. Вот, Ашвапати прочитал указ, хранимый
В архивах тайника души, закрытых прежде,
И рассмотрел и подпись, и печать в нём огненную Мудрости
На выполняемой покрытой тайною работе трудноразличимой Силы,

- Которая в самом Неведении ступени Света строит.
70. Бессмертные глаза открыло божество, доселе спящее:
Увидел он бесформенную мысль в бездушных формах,
Познал Материю, несущую во чреве ощущение духовное,
Ум, что посмел Непознаваемое изучать,
Дитя Златое, которое вынашивает Жизнь.
75. В мысль, с её чистой пустотой, струился свет,
Передающий замысел вселенной знаками души -
Он изнутри читать стал мира внешнего писание:
Загадка потеряла свое смутное обличье и прояснилась.
Важнейшую страницу озарило сияние свыше.
80. В причуды времени намерение вмешалось,
Замысел встретил ковыляющую поступь Случая,
И обнаружила Судьба некую связь событий Воли, способной видеть;
Пространство прежнее немое наполнилось сознанием безбрежным.
В той Пустоте увидел он всеведущего Вседержителя на троне.
85. Желание, безмерная надежда охватили его сердце в тот момент,
И чтобы разглядеть сверхчеловека форму,
К незримым и духовным высям глаза он поднял
В стремлении опустить на землю мир великий.
Должны были стать ему домом небеса, что промелькнули пред его глазами.
90. Ярчайшее божественное солнце без сомненья вскоре озарит
То помещение сумрачное с его лестницею темной внутренней,
Душу ребенка в детском крохотном саду
Среди предметов для занятий, постигаемых с трудом,
Душу, которая перерастает ранние основы интеллекта
95. И имитацию искусства земной Природы,
Свой диалект земной меняя на язык от Бога,
Исследуя Реальность в знаках бытия
И изучая логику божественного Бесконечья.
И этот Идеал стать должен повседневной истиной Природы,
100. Людское тело - озариться Богом, пребывающем внутри,
Сердце и ум - почувствовать единство с миром сущим,
Душа осознающая - жить в мире осознания.
Как будто сквозь туман пик высочайший показался,
Величие проявилось вечно существующего Духа,
105. Который в некий фрагментарный мир был изгнан,
В среду неких подобий божественных явлений.
Подобья эти больше не могли служить преображенью царственному Ашвапати;
Гордость Бессмертного отвергла роковой удел
Жить скрягой, заключившим слишком скупую сделку
110. Между ничтожностью наших земных надежд
И сострадательностью необъятных Безграничйй.
Достигнутая им высота отвергла слабость состояния земного:
Неудовлетворенная таким ограничением, широта
Отпрянула от жалкого согласия с условиями Природы,
115. С презрением отвергла неприятный сокращенный договор.
Исполнены в нём были начала только;
И кажется, что лишь была заложена Материи основа -
Основа лишь машины абсолютной, без души.
Иль всё казалось подогнанным из половинчатых идей,

120. Иль мы тисками обличия земного зажали
Несовершенный торопливый проблеск божественных явлений,
Догадок и искажений небесных форм.
Отсортировывает хаос сам себя здесь в некий мир -
Недолговечную структуру, дрейфующую в пустоте:
125. Обрывки знаний и искры силы, не раскрывшие себя,
Краткие вспышки красоты в земных недолгих формах,
Отображения единства разрушенной Любви
Плывут, как будто «зайчики» зеркальные от солнца в небе.
Скопления густые незрелых пробных жизней
130. Увязаны всецело в мире мозаичном, нашем.
Нет совершенного ответа на наши упования;
Есть лишь безмолвные слепые двери без всякого ключа;
Напрасно мысль стучится и свет себе присвоенный несет,
Сердца, обманутые фальшью, что нам всучили на рынке жизни,
135. Цепенеют, представ перед утраченным божественным блаженством.
Есть грубый корм, чтобы насытить ненасытный ум,
Есть трепет нашей плоти, но нет волнения души.
Здесь даже тот восторг глубокий, который может Время дать,
Является лишь подражанием блаженству, что не познано умом,
140. И искаженным извятием экстаза,
Счастьем израненным, которое не может с этим жить,
Мгновением коротким радости ума иль восприятия,
Подброшенного вселенской Силой телу – её рабу,
Или подобием восторга, навязанного нам
145. Неведением в его сералях.
Ибо всё то, что мы приобрели, быстро теряет цену
Как старый обесцененный кредит в банке у Времени,
Как чек несовершенный, который Несознанием подписан.
Усилие любое, чтобы что-то сделать, сопровождает нелогичность,
150. И хаос ожидает каждый космос, сформированный уже:
Зерно провала скрывается в любом успехе.
И Ашвапати видел сомнительность всех обстоятельств здесь,
И неопределенность мысли человека, самонадеянной и гордой,
И мимолетность достижений его силы.
155. Он – человек разумный в неразумном мире,
Он – остров в море Неизвестного,
Он – малость, что пытается великой быть,
Животное с врожденной интуицией от бога.
Вся жизнь его – история, слишком обычная для пересказа,
160. Дела его – суммируя их вместе, дают пустяк, ничто,
Сознание его – светильник, зажженный, чтобы потом угаснуть,
Его надежда – лишь звезда над колыбелью и могилой.
И всё ж судьба великая стать может и его судьбою,
Поскольку вечный Дух есть его истина.
165. Он может заново создать себя и окружение своё,
И мир, в котором он живет, сформировать, как нужно:
Во Времени – невежда он, вне Времени – сам Знающий,
Он есть то «Я», что выше и Природы, и Судьбы.

И отстранилась его душа ото всего, что сделал он.
170. Умолк назойливый и бесполезный грохот от труда людского,

- Дней непрестанный кругооборот отброшен;
Затихло в отдалении многоголосие шагов всей жизни.
И лишь Безмолвие осталось его единственным партнером.
Бесстрастный, стал свободным он от всех земных надежд -
175. Фигурою в обители незримого Свидетеля,
Которая шагами измеряет обширный зал собора его мыслей,
Лелея в небо устремленные невидимые крылья,
Под сводами, что смутно различимы в бесконечном.
Зов был ему из тех высот непостижимых;
180. Нейтральный к небольшому поселению Ума,
Он в царстве пребывал обширном самого Предвечного.
Всё существо его сейчас превосходило Пространство, мыслимое человеком,
А мысль его, лишенная оков, космическому виденью ближней стала:
Вселенский свет объял его глаза,
185. Сквозь мозг и сердце золотой поток струился,
И в члены тела смертного божественная Сила низошла
Потоком из морей Блаженства вечных;
Он ощутил несказанную радость от этого пришествия.
Всеведущим Экстазом привлечённый,
190. Осознающий свой Источник тайный, всемогущий,
Живущий ныне центр Безграничья
Расширился, чтоб равным стать со всем окруженьем мира, -
Так Ашвапати развернулся к своей судьбе духовной.
Исчезли под его ногами вершины всей земной природы,
195. Как будто некие картины, оставленные на холсте нестойкого эфира,
В чьём колебании далеком, затухая, теряются они -
Взобрался выше он, чтоб встретить Беспредельность.
Океаническая тишь Недвижного взирала за его подъемом:
Был он стрелою, через вечность пущенной
200. Внезапно из тугого лука Времени,
Лучом, что возвращается к родительскому солнцу.
Противник этого движения к свободе -
Дракон Неосознания черный – размахивал своим хвостом,
Бичуя силой дремлющее Бесконечье
205. В затмениях глубоких некой формы:
Пред Ашвапати лежала Смерть, похожая на те врата, что в сон ведут.
Нацеленный лишь на Блаженство чистое
И алчущий добыть лишь Бога,
Взбирался он к Нему, пылая конусом огня.
210. Освобождение божие такое дается лишь немногим и нечасто.
Один среди многих тысяч, прежде незатронутых
И поглощенных только внешним планом мира,
Был избран тайным Оком очевидца,
И указующий перст Света лишь его ведет
215. Сквозь безграничия души, не нанесенные на карту.
Паломник он предвечной Истины,
И нам не охватить его безмерный ум;
Ушел от голосов он ограниченного царства,
Покинув однопутную во Времени дорогу бральной жизни.
220. Ступает он в преддвериях Незримого,
В пределах молчаливых обширнейшего плана
Или старается услышать, следуя Советчику бесплотному,

- Клич одинокий в безграничной пустоте.
Глубокий рокот космоса стихает,
225. Он остается в тишине, которая царила до рождения мира,
С душою, обнаженной пред Единым, который существует вечно.
Вдали от неудержного влечения к предметам сотворенным
Мысль и её кумиры исчезают,
Шаблоны для творенья форм и личностей не существуют:
230. Здесь Ширь невыразимая осознает его, как самоё себя.
Земли предвестник одинокий, идущей к Богу,
Он путешествует, чтоб встретить то, что невозможно передать словами,
Ступает он среди символов, еще не сформированных явлений, наблюдаемых
Закрытыми глазами молчаливых Нерожденных,
235. Прислушиваясь к эху одиноких своих шагов
В дворах извечных Уединенности божественной.
Остановившееся время наполнено невыразимым Чудом.
Его дух смешивается с сердцем вечности
И на себе несет безмолвье Бесконечья.
240. С божественном уходе от бранных мыслей,
В поступке необычном виденья души
Тянулось существо его в непроторенные высоты,
Отбросив одеяние своё людское.
Взрастало существо; чтоб встретить Ашвапати чистым и открытым,
245. Вниз Нисхождение могучие отправилось. Мощь, Пламя,
Красота, бессмертными глазами видимая лишь наполовину,
Неистовый Экстаз, внушающая ужас Сладость
Окутали его своими колоссальными крылами,
Проникли внутрь нервов, сердца, мозга,
250. Затрепетавших, ослабевших от Явления этого:
От хватки незнакомой содрогнулось всё естество его.
В момент, который короче смерти, но длиннее Времени,
Какой-то Силой, которая безжалостней Любви, счастливей Рая,
Беспрекословно взятое в божественные руки,
255. Влекомое неистовым блаженством и понуждаемое им,
Потоком ураганным силы и восторга
Гонимое в немыслимые глубины
И возносимое в безмерные высоты
Оно из лап смертельных Смерти было вырвано
260. И изменению беспредельному подвергнуто.
Всеведущий, который знает всё, не глядя и не рассуждая,
Не поддающийся познанию Всемогущий,
Мистическая Форма, которая миры в себе способна содержать,
В обитель страстную свою вмиг превратила душу Ашвапати,
265. Чтоб поиск одиночества его привел
К значениям объятья Бога.
И, вот, когда вневременное Око свело на нет часы,
Тем самым упраздняя деятеля вместе с действием,
Его дух широко и абсолютно безупречно заблистал:
270. Ум пробудившийся его стал чистой грифельной доскою,
Поверх которой мог писать сам Бог - Всемирный и Единственный.
Всё то, что угнетает наше падшее сознание,
Было оставлено, как груз забытый:

- При этом пламя, что казалось телом бога,
275. Просто поглотило все ограниченные образы из прошлого,
Для жития обширное оставив место «я» новому.
Прикосновение Вечности разрушило шаблоны чувств.
Всем его телом овладела неземная сила,
Гигантская работа оголила оболочки тела, скрытые от глаз,
280. Энергии вмещались необычные, и мощные, невидимые глазу, руки
Мгновенно открутили тройную цепь ума и отпустили на свободу
Всю широту небесную вниманья Божества.
Как с помощью одежды достигают образа её владельца,
Так с помощью материальных форм достигли Абсолюта скрытого
285. Космическое чувство Ашвапати и трансцендентный взгляд его.
Сильнее и возвышеннее стали эти инструменты.
Своя увеличительная линза пропала у иллюзии;
Как только из её слабеющей руки мерило выпало,
Мельчайшим стало то, что принимало угрожающий размер.
290. Распался узкий обруч, которым это ограничивало дух;
В открывшихся пред ним пространствах «я» громадных
Тело его сейчас казалось лишь переходной личиной,
А ум – крыльцом наружным какого-то бессмертного жильца,
Крыльцом, раскрашенным бесчисленными фресками:
295. Дух Ашвапати ощутил сверхчеловека дуновенье.
Лишенное свободы божество прорвало ограждение колдовское.
Обрушились как будто бы под грохот грома и моря рокот
Глубокие барьеры, что стояли на пути невероятного исхода.
Так неизменно существующие вместе с этим миром
300. Конец и цикл жизни у любой надежды и труда любого,
Вобравшие неумолимо внутрь себя и мысли, и дела,
Все жестко закрепленные ограничения,
Изгладились под поступью того, кто воплотился в Ашвапати.
Покров зловещий сверху и бездонный склеп внизу,
305. Между которыми веками мечутся и жизнь, и мысль,
Неясные, внушающие страх границы которых пересекать еще запрещено,
Страж темноты, немой и грозный,
Который властью наделен держать бескрылый дух
В пределах лишь Неведенья, Ума людского, -
310. Они, не защищающие больше двойственную вечность,
Исчезли, аннулируя свою чудовищную роль:
Немедленно фигура круга тщетного, замкнувшего творение земное,
Фигура, расширяющая ноль, утратила гигантский свой изгиб.
Все старые несокрушимые запреты сняты были:
315. Побеждена была земля, отменено Природы правило отжившее;
Питоньи кольца её Закона, ограничительного для людей,
Сдержанье не в состоянии были стремительно поднявшегося Бога:
Упразднены были сценарии Судьбы.
Не стало больше малого творения, которого преследовала смерть,
320. Ни хрупкой формы существа, оберегаемого
От Безграничья, которое всё растворяет в себе.
Сильнейшие удары сердца мира, что затаилось в глубине его,
Как будто молотом взломали узкие плотины, хранившие нас
В безопасности от сил вселенной.
325. Душа и космос встретились лицом к лицу, как силы равные.

Неограниченное существо в неизмеримом Времени
Заполнило Природу бесконечностью;
Диапазон неограниченных возможностей Титана увидел он в себе тотчас.

- Открылось всё теперь всевидящему оку Ашвапати.
330. Природа тайная, с которой сняли всю ее защиту,
Внушавшая когда-то опасения в страшном полумраке,
Застигнутая им в своем уединении полном,
Лежала неприкрытой пред пылающим сверканием его воли.
В палатах призрачных, залитых странным солнцем
335. И открываемых с трудом таинственными скрытыми ключами,
Её рискованные тайны и замаскированные Силы
Признали полностью пришествие Ума, овладевающего ими,
И покорились человеческому взгляду.
Неисчислимая в своих волшебных формах,
340. Непобедимая и быстрая во всех делах,
Природы сила тайная, присущая мирам великим,
Что возвышаются над полем действий нашим бедным ограниченным,
И привилегия оккультная полубогов,
И безошибочная форма мощи Её тайных знаков,
345. Её рисунков той геометральной силы,
Потенций Её божьего, наполненного чудом промысла,
Внимания добивались Силы, вскормленной землею.
Сознательной Природы животворный механизм
Вооружил не проявлявшимся до этого сверканием чуда
350. Пророческую страсть предвидения Ума,
Молниеносную открытость силы свободной, независимой души.
Что ранее считалось невозможным, отныне стать могло
Возможного естественною ветвью,
Владением новым высочайшей нормы.
355. Всесильный оккультист в Пространстве воздвигает
Мир этот внешний, видимый, который в заблужденье вводит чувство;
Он нити тайные сознания сплетает,
И для энергии своей, лишенной формы, сооружает он тела;
Создал уже Он из пустого и аморфного Безбрежья
360. Чарующее волшебство материальных изваяний,
Магию цифры и расчетов, способных саморазвиваться,
Те жесткие, противоречащие смыслу связи, которые никто не может отменить,
Тот самый спутанный клубок невидимых законов;
Все правила надежные его, все скрытые его процессы
365. Неизъяснимого творенья без ошибок достигают там,
Где каждая ошибка наша возделывает мертвые структуры
Знания во славу яркого активного невежества.
По прихоти своей таинственной, далекой от Создателя законов,
Природа также полновластно, как и Он, творит свои поля
370. И проявляет волю, которая неясные просторы образует,
Тем самым делая конечное из бесконечности Творца;
Она в своем чудачестве старается порядок тоже сделать,
Поскольку опрометчивая гордость её рискнуть решила,
Чтобы превзойти космические тайны скрытого Создателя.
375. Стремительная поступь яркой фантазии Природы,
Благодаря которой чудеса возрастают как цветы,

- Всегда вернее разума, искуснее любого механизма,
Быстрее крыльев воображения.
Она преобразует всё вокруг словом и мыслью,
380. Материю любую покоряя своей волшебной палочкой Ума.
Ум есть посредник между богом и землей.
Весь труд Природы могут отменить энергии его:
Ум может приостановить и изменить закон земли реальный.
Сломав вгоняющую в сон печать земной привычки,
385. Он может разорвать Материи стальную хватку;
К разгневанному пристальному взгляду Смерти безразличный,
Он может обессмертить труд короткого момента:
Простое указание его разумной силы,
Случайное воздействие его согласия легкого
390. Освободить способно спящую Энергию, которая заключена
Внутри его покоев мистического транса.
Ум делает сон тела оружием могучим,
Остановиться заставляет он дыхание, биенье сердца,
Пока незримое не найдено и невозможное не сделано ещё;
395. Передает он мысль без всяких внешних средств и слов.
Он изменяет события любые своей безмолвной волей,
Воздействует на расстоянии, ничем не прикасаясь ни к чему.
Он может высветить пророка взором
Жизнь эту низкорослую, Невежество громадное,
400. А в теле нашем пробудить и демона, и бога,
Вызвать вакхический восторг и возбудить Неистовство,
Всесильного с Всеведущим призвать,
Восстановить забытое внутри любого Всемогущество.
Сиятельный владыка на плане своем собственном,
405. Ум может быть царем и в этом косном царстве:
Логическая схема его полубожественного замысла
Через короткое мгновение приносит
Творенья неожиданные действия, не достигавшиеся прежде
Необычайным подсознательным умением Материи.
410. Всё – чудо здесь и может чудом измениться.
Это и есть хребет могущества Природы тайной.
В краю великих нематериальных планов,
В царствах неограниченного триумфа силы,
Где Ум – хозяин жизни и её обличья,
415. И замыслы свои душа осуществляет собственной силой,
Природа медитирует над словом Господа и смотрит
На невидимые связи, которые соединяют разлучённые поля вселенной.
Для посвященного - того, кто соблюдает её законы,
Несет Она оттуда свет своих непостижимых царств:
420. У ног его здесь распростерся мир,
И ум его больше не ввергнут в матрицу Материи,
Через границы этих царств струит вселенская Природа
Потоком величайшей силы течения магические эти
И формулы огромной важности журчания течений тех,
425. Пока и небеса, и ад не станут поставлять на землю свои богатства,
Пока рабыней смертной воли не станет вся вселенная.
Посредница богов сокрытых, безымянных,
Которые своей потусторонней волей влияют на человеческую жизнь, -

- Природа, имитируя решения Всемирного Волшебника,
430. Сама изобретает рамки, чтобы самоограничить свою свободу воли,
И сочиняет для своих магических причуд связующее основание.
Миры все делает она партнерами своих деяний,
Сообщниками своего могучего насилия,
Своих прыжков бесстрашных в невозможное:
435. Из каждого источника она взяла свои искусно созданные средства.
Она притягивает из союза планов, который был свободно и с любовью создан,
Все элементы для проявления силы своего творения:
Необычайное плетение непредсказуемого знания,
Собрание искусств божественных изобретений
440. Она смешала вместе, чтобы сделать нереальное реальным
Иль просто угнетенную реальность освободить:
На острове своём неогороженном, чудесном, как у волшебницы Цирцеи,
Где вперемешку всё, она пасёт свои оккультные могущества;
Искусство помнить Бесконечности любое мастерство,
445. Отсеянных капризов подсознания потоки,
Пометки магии, принадлежащей подсознательному плану,
Свобода суверенной Истины, не связанной законом,
Мысли, что были рождены в мире Бессмертных,
Пророчества, что вспыхивают над святыней,
450. Предупредительные знаки от гласа сверхъестественного внутреннего
И проблески молниеносного предвидения,
И откровенья внутреннему слуху,
И абсолютные и мощные вмешательства внезапные,
Необъяснимые деянья Сверхсознания
455. Соткали паутину гармоничную чудес
И призрачную технику искусства колоссального Природы.
Причудливое царство это стало заботой Ашвапати.
Природа больше любит тех, кто стойко противостоит её воздействиям:
Свои огромные владения и знание свое, и силу
460. Она отдала, подчиняясь, с неохотным восхищеньем;
Она саму себя отдала ради восторга, ради пользы.
Освобожденная от странствий по колеям глубоким,
Она вновь обрела те истинные цели, ради которых была создана когда-то:
Природа повернула против зла, которому когда-то помогла,
465. Гнев машинерии своей, свои невидимые средства подавления;
Свои опасные причуды и силу своевольную свою
Она отдала целиком служению душе
И руководству духовной воли.
Так деспот более великий усмирил Природы деспотию.
470. В защитной цитадели собственного «я», врасплох застигнутая этой волей
И побежденная неожиданным собственным царем,
Отдавшая свой долг и искупившая его своим служением,
Природа отступила, в экстазе победителю предавшись.
Пришлось открыть ей герметично запечатанную мудрость
475. И предъявить фрагменты тайны всемогущества.

Сила оккультная – Природа - является хозяйкою границы.
Как страж порога между Запредельем и Землей,
Она распределяет по каналам энергию от вспышек Бога
И прорезает сквозь перспективы взгляда интуиции

480. Мерцающих открытий длинный путь.
Миры Неведомого чудного лежали рядом,
А за Природой этой невыразимое Присутствие стояло:
Царство её приобрело влияния мистические их,
К её ногам их силы львиные припали;
485. Там, за дверями тех неведомых миров спит будущее человека.
На всем пути души зияли адские провалы,
Но провидение божественное звало её к горним высям:
Полёт рисковый Мысли и бесконечное движение вверх
Без устали пленяли исследовательский ум,
490. А очарованное ухо искушали бесчисленные голоса;
Мильоны образов вдруг приходили и исчезали навсегда.
Таким передний край был Бога здания, тянувшегося ввысь на сотни этажей,
Таким начало было того наполовину скрытого Незримого:
Крыльцо волшебное мерцающего входа,
495. Что трепетало в полумраке потайного Света,
И двор мистического перекрестка всех миров,
И на фасаде удивительного дома – балкон.
Над ним свет испускали необъятностей высоты;
Из Безграничия выглядывало всё Неведомое человеку:
500. Оно там поселилось на острие остановившегося Времени,
Поглядывая вниз из постоянного и вечного Сейчас.
Это Неведомого тени отражают рождение богов,
Его тела нам говорят о Бестелесном,
А лбы его сверкают Сверхдушою,
505. Все его формы воплощают Непостижимое само,
Его глаза мечтают о Невыразимом,
А его лица в вечность пристально глядят.
Жизнь распознала в Ашвапати план задний, подсознательный, огромный;
К невидимым Просторам планы малые передние раскрылись:
510. Водовороты жизни обнажились, вдали же воссияли трансцендентности её
В прозрачностью наполненном свечении.

- Понятным стало построение огромное, в котором
Ограниченное вещество наших материальных жизней
Является всего лишь кистью внешней, лишь широкой бахромою.
515. Эта вселенная, что взорам нашим явлена, чьи образы скрывают тайны,
Исчезнувшие ныне в свете сверхсознательном,
Своим светящимся ярчайшим шрифтом начертала посланье ясное:
Карта условных тонких знаков немислимых значений,
Была повешена на стену глубоко внутри ума.
520. Преобразуя мира образы конкретные
Сиянием своим в многозначительные знаки,
Она явила интуиции истолкователя
Своё отображенье вечно существующей Мистерии.
Влекомые и вниз, и вверх меж полюсами жизни,
525. Все царства разного по уровню Закона,
Выныривали друг за другом из Вечности во Время,
Затем нарадовавшись гордостью обширного ума,
Обогадившись приключением, восторгом жизни,
Упаковавшись красотой образов Материи и красотой Её оттенков,
530. Из Времени они обратно устремлялись в неумирающее «Я»,

- Взбираясь вверх по лестнице золотой, несущей душу ввысь
И нитями алмазными связующей все Духа крайности.
В падении том от одного сознания к другому
Каждое царство опиралось на подсознания оккультную энергию,
535. Основу нужного для этого Неведения, которое само является
Архисоздателем пределов, внутри которых и живет.
Во взлете том от одного сознания к другому
Каждое царство шло к Тому, кто породил его,
К источнику всего, чем было оно некогда,
540. К пристанищу всего, чем может еще стать оно.
Диапазон органной, широчайший тех деяний Вечного,
Деяний, подвигающих к вершине, что лежит в Покое безграничном,
Шаги чудесного движенья, явленные многолико,
Как предначертанные стадии эволюционного Пути,
545. Мерила высоты, подъема той возрастающей души -
Они существованию раскрыли его замысел великий
И, будучи связующим звеном между паденьями и взлетами,
Объединили противоположности, скрепленные союзом брачным, скрытым,
И зафиксировали связь с Невыразимым его творения.
550. Последний высший мир стал виден там, где все миры встречаются друг с другом;
Во вспыхнувшем луче его, в котором не было ни Сна, ни Ночи,
Свет пробудился высшей Троицы – Сат-Чит-Ананды.
Всё то, что ищут, в нём сейчас открылось.
Мир тот освободил конечное в безмерности,
555. Возвысил в свои собственные вечности.
И Несознание нашло в себе сердце сознания,
Чувства и мысли, бредущие в Неведении наощупь,
С неистовую страстью сразу ухватились за тело Истины,
Рожденная в безмолвиях Материи, божественная музыка
560. Мгновенно извлекла и обнажила из непостижимости Невыразимого
Тот замысел, что содержался в нём, но быть озвученным не мог;
Ритм совершенный, о котором только изредка мечтают,
Принес ответ изголодавшейся потребности израненной земли,
Раскалывая ночь, которая сокрыла Неизвестное,
565. И принося земле её забытую, потерянную душу.
Великое решение закрыло долгий путь в тупик,
Который останавливал стремление к высотам смертного создания.
Всепримиряющая Мудрость глянула на жизнь;
Она собрала все стремящиеся ввысь полутона ума,
570. Смущенный, озадаченный припев людских надежд
И сделала из них счастливый благозвучный зов;
Она подняла из подземелья боли
Бессвязный шепот наших жизней
И отыскала в нем безграничный величайший смысл.
575. Могучее единство – её навечно выбранная тема.
Она поймала слабые разрозненные возгласы души,
С трудом читаемые между строк негибкой косной мысли
Иль слышимые как бормотания бессвязные во сне
И в состоянии апатии, среди дремоты на груди у Матери;
580. Она сгруппировала золотые звенья, утерянные в бормотании этом
И показала их божие единство им самим,
Спасая от ошибки, разрушающей единство «я» с Всевышним,

- Таинственный духовный зов во всём, что существует.
Огонь всегда пылающего Откровения
585. И Гласа вечного бессмертность, и абсолютность Света –
Вот, именно они и вдохновили все великие Писания,
Которые с усердием глубоким стремились выразить Единого.
Там больше не было вражды меж истиной и истиной;
Та бесконечная глава различий между ними,
590. Что в свете пересказана была всеведущим Писцом,
Вела через различие к единству,
Ума извилин поиск утерять налёт сомнения,
Ведомый к своему концу речью всевидящей,
Что облачает мысль исходную и верную
595. В законченность финальной фразы:
Там Времени склоненье и спряженье были
Едины с синтаксисом и со стилем Идентичности.
Победы песнь возрастала из задумчивых глубин;
Экстазам Триединого⁹ был посвящен звенящий гимн,
600. Блаженству Вечного – мольба мгновений.
Подобно строфам из вселенской оды,
Гармоний восходящих иерархия,
Наполненная гласами и ликами,
В божественном крещендо устремлялась
605. Из бездн Материи к вершинам Духа.
Там, в небесах сияли постоянством поместия Бессмертного
И праздных времяпровождений с вечностью палаты светлые,
И колоссальные, огромной важности врата Единственного.
Сквозь череду морей «я» Ашвапати
610. Проглядывали страны вечные Единого.
Там, пребывая в чудесах, Сознание развернуло перед ним
И цель глубокую, и ход развития, и нормы, не стесненные оковами -
Великие знакомые дороги обширнейшей Природы.
Освободившись от тенёт земного чувства,
615. Мельком взглянул он на материи могущества, лежащие в покое;
Страна родная красоты, сокрытая от глаза человека,
Едва заметная сначала сквозь веки чуть открытые к мерцаньям чуда,
Нежданно удивила виденьем счастья.
Здесь солнечные сферы знания и лунные - восторга
620. Распростирались в иступлённом восторге шири
Гораздо дальше сферы обитания обычного людского тела.
Он смог войти туда, там пребывать недолго.
Как мореплаватель, плывущий по маршрутам неизведанным,
Который путешествует через громаднейшие царства,
625. Встречая на пути незримую опасность Неизвестного,
Ворвался он в другое Время и Пространство.

**Конец Песни пятой
Конец Книги первой**

---

⁹ Здесь Триединый – это Сат-Чит-Ананда.

Книга вторая
КНИГА ПУТЕШЕСТВЕННИКА ПО МИРАМ

Песнь первая
ЛЕСТНИЦА МИРОВ

- Он в одиночестве продвинулся туда, где только Бесконечье наблюдало
За ним и за Непознаваемым над ним.
Всё можно было здесь увидеть, что сокрыто от взора смертного,
Всё можно было здесь узнать, что ум постичь не сможет и вовек;
5. Всё можно было сделать здесь, на что не смеет и решиться воля смертного.
Движенье беспредельное наполнилось покоем беспредельным.
В существовании глубоком, совершенном, внеземном,
Которое сродни и мыслям нашим, и мечтам иль порождает их,
В котором космос это – души обширный эксперимент,
10. В каком-то не материальном веществе, соединенном
С нашим сущим миром единством глубочайшим,
Возникла Неизвестного вселенная.
Самотворение без пауз или полной остановки
Открыло грандиозность Бесконечья:
15. Оно включило разом в риски своей игры
Несметное число своих капризов и энергий
И образы миров – фантазий её Принципа,
И все стереотипы проявлений свободы её Силы,
Которая в поток Вечной Стабильности вливала
20. Вакхический восторг и пир Идей,
Страсть и движение бессмертной вечности.
Там и возникло то, что море Неизменности не порождало:
Слова, которые не умирают, даже если и замолкли,
И мысли, продолжающие жить в последствиях своих бессмертных,
25. И действия, что извлекли из Тишины присущий им, безмолвный смысл,
И те черты, штрихи, которые Невыразимое нам сообщает.
Спокойствие Предвечного увидело в восторге безразличном
Его космическую Силу, которая в работе проявляла
В сюжетах боли и драмах блаженства
30. И красоту, и поражающее чудо Её воли к существованию его.
Всё здесь, включая боль, являлось наслаждением души;
Весь опыт здесь являлся замыслом единым -
Тысячекратным выражением единственного Мастера.
Предстало сразу всё пред взором Ашвапати;
35. Не скрылось ничего от взгляда глубочайшей интуиции его,
Ничто, с чем он не щуцал родства, к нему не приближалось:
Он стал единым духом с этой беспредельностью.
Сознания божественного образы,
Что воплощают Нерожденного - бессмертного вовеки,
40. Видения космического «Я» в структурных формах,
Что оживают от прикосновенья сути вечности,
Смотрели на него как мысли одухотворенные,
Что форму придают всем побужденьям самого Невыразимого.
Аспекты существа приобрели оттенки мира; при этом
45. Формы, открывающие двери к божественному существу,
Доступны стали взору ежеминутному его;

- Те знаки, что указуют на реальность Духа,
Тела живые Бога бестелесного
Участниками стали близкими деяний повседневных Ашвапати.
50. Неистошимые видения не спящего вселенского Ума
И начертания его контакта с тем незримым
Бесчисленными указующими знаками его вокруг обступили;
Глас тысяч царств разумной Жизни
Послал ему Её мощнейшие послания.
55. Небесные намёки, что наводняют наши земные жизни,
Зловещие фантазии ума, навеянные Адом,
Которые свершились если б и были здесь испытаны реально,
Тогда способность наша тупая к их восприятию исчезла б сразу,
Иль наша слабость смертная смогла б претерпевать не долго их,
60. Представлены там были лишь в облагороженных количествах.
Они там проживали в ими же рожденной атмосфере,
Они там обрели свой высший уровень и силу им присущую;
Давление на душу, которое усиливалось ими,
В почву сознания внедряло глубоко
65. Господни страсти и чистоту их крайних проявлений,
И абсолютную реальность одинокой их мольбы,
И сладость полновластную или горячую поэзию
Прекрасного или ужасного восторга.
То, что усвоить может мысль иль широчайший взгляд,
70. И то, что мысль и взгляд не смогут никогда усвоить,
Всё редкое, оккультное, далекое и странное для Ашвапати -
Всё это было воспринято его духовным чувством и стало близким его сердцу.
Испрашивая входа во врата его природы,
Они заполонили расширенные области его ума,
75. Они – горячие свидетели его самораскрытия -
Явили чудо и многообразие своё.
Частью его они теперь все стали -
Обличьями великой жизни духа его стали,
Волнительным ландшафтом его обширного движения во времени
80. Иль тканью его чувства, расписанной чудесными узорами:
Они все стали местом сокровенных обстоятельств человека
И побуждали к действию как близкие партнеры его мыслей
Иль стали просто окружением естественным его души.
Очарование неустанное от приключенья сердца,
85. Блаженство Духа в царствах нескончаемых
Бесчисленными нотами струились из струн гармонии единой;
Звучанье каждой ноты привносило совершенство, невиданное прежде,
В ширококрылое вселенское парение,
В бездонное предчувствие Всего в одном,
90. Добавив в тайны Истины своё отдельное пристанище,
Счастливым свой отголосок света нескончаемого Бесконечья.
Там было всё, что Уникум уже задумал и свершил,
Озвучивая непрерывным удивленьем и восторгом
И изобильной красотой различия, подверженного страстью,
95. Текущую пульсацию во Времени мгновений Бога.
Пропущено в звучании было одно лишь Слово¹⁰, непреходящее в веках,

---

¹⁰ Ом

- Что вечность в своём звуке одиноком без устали несёт,
Непреходящая Идея – ключ, который проливает свет на все идеи,
То целое число от совершенной суммы Духа,
100. Которое различное Всё-сущее равняет с равным этому всему Единым,
Единственный, отдельно взятый знак, который объясняет знак любой,
Тот самый абсолютный указатель Абсолюта.
- За баррикадою мистической живого света,
Которую стеной воздвигла внутренняя собственная суть,
105. Увидел Ашвапати одинокий, необъятный, изогнутый дугою столб мира,
Стоящий неподвижно под загадочными небесами,
Подобно божьей колеснице размером с гору.
Как будто из невидимого дна, в котором утопало основание Материи,
Влекомой ввысь к невидимой вершине, огромное количество миров,
110. Струящихся волнами пышногривыми навстречу Вседержителю,
Всходило к широте неизмеримой;
Гора желала воспарить в то царство, где Невыразимый правит:
Сто уровней вело её к Неведомому – к Богу.
Она вздымалась к непостижимым высям
115. И исчезала в стихших, сознание проявляющих, Глубинах,
Подобно башне храма, взбирающейся в небо своими этажами,
Построенной душою человека, который стремится жить,
Не расставаясь со своей мечтою о Незримом.
Зовёт ту башню Бесконечье, пока она мечтает и возрастает;
120. Касается вершины мира шпиль её;
Вздымаясь в тишь великую, непотревоженную голосами,
Соединяет землю он с укрытой от человека вечностью.
Средь множества устройств Единого,
Которые он создал в творческом восторге для объяснений,
125. Лишь только башня нас призывает к путешествию назад -
К возврату из глубин Природы, где потеряли «я» своё давно мы;
Основанная на земле, она в себе содержит царства все:
Она есть краткий сборник всего Простора.
Всё это было той одной ступенью к цели существования человека.
130. Взгляд краткий на стадии движений духа,
Прообраз иерархий тех космических
Сформировали заново в сокрытой нашей атмосфере «я»
Вселенной некий тонкий образ.
Он – и снаружи, и внутри, внизу и наверху.
135. Воздействуя на план Природы этой видимой,
Он побуждает тяжкую дремоту нашей земной материи
На радость откликаться, чувствовать и думать;
Он формирует в нас особенности божьи,
Ум смертный приучает действовать в высокой атмосфере,
140. Жизнь плоти устремляет к целям нематериальным,
Соединяет смерть тела своего с зовом бессмертия:
Из обморока Несознания он продвигается с трудом
Навстречу к сверхсознательному Свету.
Если б земля была бы лишь материей, и это всё в ней не существовало бы,
145. То не было б ни мысли, ни ответного восторга жизни:
Лишь только материальные предметы тогда бы были ее гостями,
Движимыми бездушной силой мира.

- Земли избыточность золотая породила человека -
Мыслителя и в будущем еще родит того, кто станет его выше;
150. Сей высший замысел существования его – как раз наш случай,
И он в себе содержит ключ к судьбе той нашей восходящей;
Он призывает выйти из состоянья, связанного полной смертью,
Тот самый дух сознательный, который вскормлен в доме бытия Материи.
Живой знак планов тех сознательных,
155. Влиянья их и всех божеств невидимого плана,
Немыслимая логика деяний подлинной Реальности,
Возникшая из той невысказанной истины во всем окружье, -
Для нашей жизни внутренней установили уровни, растущие неспешно.
Её шаги – ход возвращения души, идущей вверх
160. Из дальнего похода материального рождения
По лестнице освобождающего восхождения – по тем ступеням,
По которым к богу взбирается Природа.
Однажды, ранее, бессмертный бдящий взгляд уже отметил
Шаги Её гигантского стремительного погруженья,
165. Скачок паденья божества широкий распростертый.
Жизнь наша это жертвенный огонь Всевышнего.
Великая Мать Мира в жертвоприношении своем
Вложила свою душу в структуру тела нашего;
В себя вбирая скорбь и несознание,
170. Паденье Божества из своего великолепия соткало
Многоузорную основу того, чем мы являемся в природе.
«Я» внутреннего идола – наша смертность.
Наша земля – фрагмент, сухой остаток;
Вся мощь её наполнена материей миров высоких,
175. Пропитана их блеском разноцветным, ослабленным её дремотой;
Она есть пережиток прошлых высших порождений,
Её сон взболтан их похороненною памятью,
Что воскрешает те утраченные сферы, из которых воспоминанья вышли.
В её груди шевелятся неуспокоенные силы;
180. Они – партнеры её судьбы возрастающей, великой
И возвращения её к бессмертию.
Они согласны разделить судьбу её рождения и смерти;
Они воспламеняют огонь пристрастный Реалий вездесущих
И направляют её слепой усердный дух для составленья
185. Ограниченного образа Вселенной в целом.
Спокойная, свет проливающая, внутренняя Близость
Её работу одобряет и направляет Силу ту слепую.
Глубокий божий промысел реализует скромное начало.
Жизнь мира – некая попытка, набросок, завершённый лишь наполовину;
190. Его штрихи в значении своём сокрытом сомненья допускают,
Изгибы его линий не достигли намерения высокого намеренья.
И всё же, некий первый образ её величия там вызывает трепет.
Когда ж неясные, сведенные вплотную части этого рисунка
Сомкнутся в многоцветии единства, к которому они стремились,
195. Восторг Артиста будет наполнен смехом над правилами разума;
Намеренье божественное станет видимым внезапно всем,
И завершение оправдает бесспорное влиянье интуиции.
Возникнет диаграмма многих сходящихся миров,
Как некий куб, объединительный кристалл богов;

200. За неразумной маской всей Природы Ум встанет, и
Сознательный Простор наполнит старое, немое, неразумное Пространство.
Души набросок этот бледный и изменчивый, который называют человеком,
На фоне дрящегося Времени без всякого сомнения станет
Горячим олицетворением вечности,
205. Отметкой незначительной, которая откроет Бесконечья.
Вселенная – процесс, развитие Мистерии.
Заложена была вначале некая основа аномальная и странная
И пустота, и некий код какого-то сокрытого Всецелого,
В котором ноль, вмещающий в себя всю бесконечность в сумме,
210. И Всё, и Ничего были одним понятием,
Каким-то вечным отрицанием, какой-то матрицей Ничто:
В формах той матрицы вечно рождается Дитя,
Которое живет извечно на просторах Бога.
Итак, произошло неспешное движение к раскрытию:
215. Невидимый Огонь извергнул газ,
Его густые кольца сформировали миллионы звезд;
На новорожденной земле раздалися шаги Бога.
Сквозь плотный дым невежества земли
Ум начал видеть и внимательно смотреть на формы,
220. И знание искать в незнающей ночи:
Свой план осуществляла Сила в тисках слепой материи,
Создав во сне мир этот механистический огромный,
Чтобы Материя могла расти, осознавая свою душу,
И чтобы жизненная сила, подобно хлопотливой повивальной бабке,
225. Приняла роды у Нуля, который Всё в себе содержит.
Поскольку вечные глаза внимание обратили на земные бездны -
Внимание чистое с прозрачной ясностью ума, -
И сразу же увидели Непознаваемого тень,
Которую сон безграничный Подсознания в себе зеркально отразил,
230. Творенье приступило к поиску «я» своего.
В грубом исходном вселенском вихре дух пригрезил,
Из сока жизни ум заструился ещё несведущий,
Грудь Матери вскормила бога Замысел.
Родилось чудо Абсолюта;
235. Душу конечную, людскую надело Бесконечье,
Внутри блуждающей по свету капли весь поселился океан,
А в теле брэнном поселился Беспредельный.
Все наши души пришли сюда, чтобы испить эту Мистерию до дна.
- Провидец сокровенный, который знает predetermined план,
240. Сокрытый позади наших сиюминутных дел,
Нас тайно вдохновляет на подъем к невидимым высотам,
Как некогда он это делал на прыжок глубокий обратно к жизни на земле.
Наш Путешественник во времени услышал зов Его.
Один от всех, в глубоком одиночестве
245. Он путешествовал единственной, безмолвной силой,
И ношу predetermined желания мира нес на плечах своих.
К нему взывал бесформенный Покой, Свет безымянный.
Над ним светился белый неподвижный Луч,
Вокруг него лежали вечные Безмолвия.
250. Предела не было у этой высоко возвышенной попытки;

- За миром мир свои оберегаемые силы ему приоткрывал,
А небеса за небесами – свои глубокие блаженства,
Но его душу продолжал притягивать невидимый Магнит.
Фигурой одинокой на гигантской лестнице Природы
255. Он поднимался вверх – к неразличимому концу,
К вершине обнаженной всей сотворенной сути.

Конец Песни первой

Песнь вторая ЦАРСТВО ТОНКОЙ МАТЕРИИ

- Поднялся он на план неосязаемый «я» скрытого,
Который для ограниченного существа является опорой,
Который отделён от зрения людского глухой земной оградой,
И сразу же вошел в кристально чистое волшебное пространство,
5. И обнаружил жизнь, которая была бесплотной там,
И свет, что делал зримым этот нематериальный мир.
Тончайший план волшебной иерархии -
Царство чудесного искусства тонкой Сути
Обрисовало контуры свои на фоне ярких оттенков неба,
10. Из легкого тумана и сверканий транса проявляя
Великолепье колдовское лика своего.
Мир форм чудесных лежит поблизости от нас,
Вся суть вещей там истинна, все образы прекрасны
И не подвластны искажающему зрению земному.
15. В той яркой и непостижимо чистой атмосфере
Глаза стали открытой дверью в покои небесных чувств,
Стал музыкой наполнен слух, очарованьем – осязанье,
А сердце стало ощущать глубокое дыханье силы.
Там – в этом мире - пребывают чистые начала земной природы:
20. Там планы совершенные, где она лепит свои работы
И где хранятся результаты отдаленные её тяжелого труда,
В покое пребывают в рамках установленной судьбы.
Там тщетные попытки иль понапрасну совершенные дела
Уже нанесены на карту и расписаны по времени
25. И будущих её владений являют образ
В роскошных контурах, очерченных желанием.
Златой исход запутанных сюжетов ума людского,
Богатства, не охваченные нашей жизнью или ещё не найденные
И не запятнанные грязью смертной мысли,
30. Нас ждут покорно в этой светлой атмосфере.
Там постигаются неясные начала наши,
Там серединные условия прописаны в предвиденьях,
А все достигнутые результаты уже предвосхищёнными живут.
Сверкающий свод плана нисходящего людского
35. Путь преграждает даровым благодеяниям небес
И пропускает только сквозь решетки золотые
Могучего дыханья струи малые иль кольца ароматные;
Предельную способность ума земного он защищает от
Бессмертных солнц и от потока струящихся сил Бога,

40. Но всё же пропускает необычное радужное свечение
И росы светлые, что падают с небес Бессмертия.
Зал проходной для Сил, что в ход приводят наши дни, -
Оккультный перевал за стенами Природы грубой -
Прозрачный зал, где Разум в браке с Формой сочетается
45. Сокрыт за гобеленом сновидений;
Божественные смыслы проскальзывают сквозь него, как сквозь вуаль,
Вид изнутри его скрепляет внешнюю земную сцену.
Тончайшее сознание с чертами счастья настоящего
Владеет ритмом, наше осязание которого достичь не может,
50. И чистотою чувств, которых мы не ощущали никогда;
Его взаимодействие с Лучом бессмертия стремится
В земных попытках наших скоротечных
Достигнуть красоты и совершенной формы в сущем.
В пространствах силы молодого божества
55. И ожидаемой игры предвечного Дитя
Все воплощения его летящих мыслей,
Омытые окраской чуда яркого бессмертного
И убаюканные шепотом той светлой атмосферы,
В покое сонном пребывают, подобно птицам на деревьях вечных,
60. Пред тем как погрузиться и поплыть по морю времени земного.
Всё то, что видится нам здесь, там обликом прекрасным обладает.
Всё то, что замышляют здесь сердца людские и головы людские создают,
Утрачивая право высшей изначальной красоты, что изгнана
Из тех пространств, здесь соглашается с земным оттенком.
65. Всё то, что видится нам здесь очаровательным, изящным,
Находит там свои бессмертные и верные черты;
Всё, что прекрасно здесь, там есть божественно.
Там существуют образы, не снившиеся смертному уму:
Тела, что не имеют там земных эквивалентов,
70. Пересекают внутреннего взора озарённый транс
И восхищают сердце своей волшебной поступью,
Склоняя небеса наполнить эту удивительную сферу.
Там в необъятных безднах блуждают будущего чудеса;
В глубинах этих форму придают и старому, и новому:
75. Теснит высоты карнавал прекрасного
В волшебном царстве взгляда идеального.
В его укромных залах для уединения глубокого
Душа встречается с Материей в сознательном союзе,
Как парочка влюбленных в укромном тайном месте:
80. В объятиях страсти, здесь еще счастливой,
Они соединяют свои силы, сладость, и восторг
И, смешивая их, единым целым делают и высшие, и низшие миры.
Незванный гость из Бесконечности бесформенной,
Рискующий собой, врывается в царство Несознания, -
85. Дух этот, к телу делая прыжок, касается земли.
Еще пока не проявившийся в земных чертах,
В себе уже несёт он продолжение рождения и смерти,
И убеждает бездну своей небесной формой,
Покровом своего бессмертия,
90. Который отражает свет уровня владельца
И не подвержен Изменению и Времени.

- Ткань, смешанная из лучащегося света Духа
И из обремененного значением Силы вещества Материи, -
Фантом абстрактный, сотканный менталом,
95. Который в тонкой атмосфере ума представить вряд ли можно,-
Она воспринимает то, чего тела земные воспринимать не могут,
И более реальна, чем тела грубая структура.
Когда спадает одеяние, подверженное смерти,
Вес тонкой ткани облегчается, что ускоряет восхождение её;
100. Для очищения и связи с тонким окружением
Она отбрасывает старые одежды из материи тяжелой
И, избавляясь от тисков земного притяжения, влекущего назад,
Возносит душу ввысь от мира одного к тому, что ещё выше,
Пока в эфире обнаженном пиков высочайших
105. Одна лишь духа простота святая остается -
Покров прозрачный изначальный существа извечного.
Когда дух должен к своей смертной ноше назад вернуться,
К тяжелой совокупности земного опыта,
Тогда он снова одевает те тяжелые одежды.
110. Задолго до того, как в атомарной Пустоте
Была сотворена земная твердь,
Вокруг невидимого духа, который в сущем скрыт,
Соткалась самомаскировки оболочка яркая.
Из этих ярких оболочек сработаны все царства тонкие.
115. Этот чудесный мир со всеми лучезарными своими
Дарами виденья и счастья нерушимого
Заботиться лишь только о выражении совершенной формы;
Незамутненный на своих вершинах, на низших планах он - опасный;
Его свет тащит к краю, где вся Природа исчезает;
120. Он придает красу и цвет ужасу бездн,
И глаз очарование - Богам опасным,
И наделяет грацией и демона, и змея.
Навязывает транс его земному миру несознание,
Он смерти одеяние мрачное для нас сплетает
125. И – сам бессмертный - узаконивает нашу смертность.
Посредник этот служит большему Сознанию:
Вместилище сокрытого абсолютизма -
Является он тонкой почвой мира материального,
Он – неизменный в своих изменчивых, непостоянных формах.
130. В изгибах памяти своей творящей
Хранит бессмертный образ он предметов бранных:
Его сошедшие могущества лежат в основе наших скудных сил;
Его мысль формирует наше разумное невежество;
И его чувства порождают тела нашего рефлексы.
135. Дыхание тайное могучей силы, неиспытанной ещё,
Неявный блеск мгновенья внутреннего виденья,
Его намеки тонкие – всё это есть замаскированный источник
Грёз наших ярких радужных
Об окружении обычном с оттенками преображения, идущего
140. Пока даже земная грязь не станет теплотой небес
И в том падении души не проблеснет сиянье рая.
Знание плана тонкого для нашего неведенья – исходный пункт,
Его краса маску уродства надевает грязную,

- Искусное добро его кладет начало списку наших зол.
145. Вверху он - небо истин творческих,
Посередине – космос благозвучных грёз,
Внизу – форм разлагающихся хаос,
Теряющийся в нашей несознательной основе.
Его падение создало нашу плотную Материю.
150. Так состоялось погруженье Бога в Ночь.
Мир падший этот стал кормилицей душ,
В которых обитала скрытая божественность.
В бесцельной пустоте проснулось Существо и стало в нем существовать,
Всемирное Неведенье пробилось к жизни и надежде,
155. Из сна бессмысленного вырвалось Сознание.
Всё здесь приводится в движение неодушевленной волей.
И Землю несознательную, падшую, инертную, тупую,
В дремоту погруженную, бездушную творить заставила
160. Страстно желающая память подсознания, которая осталась
От счастья, умершего задолго до рождения Её, -
Чужого чуда на Её бесчувственной груди.
Болото это приютить должно и розу с орхидеей,
Из вещества его слепого и безвольного должна возникнуть
165. Красота, которая принадлежит лишь сферам более счастливым.
В этом заключена судьба, завещанная Ей,
Как если бы убитый бог оставил золотой кредит
Душе плененной и незрячей силе.
Подверженные смерти части божества бессмертного
170. Ей нужно из потерянных фрагментов воссоздать
И изменить, согласно документу, хранящемуся где-то,
Неясный титул свой на Имя божье.
Всё, что осталось от её единоличного наследства, -
Всё сущее несет она в своих бесформенных пылинках.
175. Гигантскую энергию свою, приложенную к формам ограниченным
При пробном, медленном движении силы,
Которая использует лишь хрупкий притупленный инструмент,
Она сочла приемлемой для исполнения запроса своей природы
И данной человеку для его огромной важности работы -
180. Труда, который невозможен для богов.
Любая жизнь, которая с трудом на поле смерти существует,
Определенно требует и для себя бессмертья доли;
Животное полусознательное тело служит средством
Разума, который должен возродить утраченное знание,
185. Хранящееся Несознанием мира в каменных тисках, и оно
Его носит, пока дух связанный бесчисленными узами Закона,
Не станет полностью царем Природы.

- Могучее родство – источник этого бесстрашия.
Все мы в несовершенном этом мире пытаемся
190. Взглянуть вперед или назад, понятие о Времени отбросив,
На чистую идею и прочный неизменный образ
В искусстве абсолютном безупречном всякого творения.
Увидеть Абсолют внутри всех бранных форм,
Запечатлеть прикосновение вечности во всём, что время сотворило -

195. Это и есть закон всесовершенства на земле.
Один фрагмент божественного замысла был здесь осмыслен;
Иначе не смогли бы мы никогда надеяться на жизнь большую,
И не могло бы быть ни райского блаженства, ни восторга.
Ведь, даже в малости земного бытия, подверженного смерти,
200. В этом узилище для внешней формы
Уже проложен через стены нечувствительные нервов и рассудка
Сверкающий проход для безошибочного Пламени,
Уже Величье Бога давит или Сила прорывается,
И, вот, тупой земной барьер на время удален,
205. Завеса несознания из наших глаз исчезла -
Теперь нас наполняет творческая мощь Небес.
Энтузиазм божественного действия пропитывает нашу жизнь,
Мы чувствуем мистический толчок души,
Страданья радость вызывает трепет в наших членах;
210. Мечта о красоте кружится в сердце,
Любая мысль извечного Ума поддвигается вплотную,
Намеки, брошенные нам Незримым,
Который пробудился от Бесконечья сна, нисходят к людям,
Как символы того, что никогда никто еще не совершал.
215. Но вскоре плоть инертная не откликается совсем,
Тогда ослабевает сакральный всплеск блаженства,
Кипенье страсти и прилив энергии
От нас уходят, и, хотя на удивительной земле и остается
Форма яркая, воображаемая высочайшей,
220. Совсем немного из того, что значимо, здесь след какой-то оставляет.
Глаза Земли лишь вполовину видят, а её силы вполовину созидают;
Её редчайшие работы – лишь копии небесного искусства.
Сияние золотой искусственности,
Шедевр правил и приёмов ловких -
225. Земные формы то скрывают, что приютили; они – лишь имитация
Упущенного чуда саморождающихся форм,
Которые живут извечно под пристальным вниманием Вечности.
Здесь, в этом сложном, наполовину завершённом мире
Осуществляется Сил подсознательных труд медленный тяжелый;
230. Здесь есть не знающий, но прорицающий ум человека,
Его рожденный на неосознающей почве гений.
Его искусство здесь - копировать земные копии.
Ибо когда он устремляется к тому, что превосходит что-либо земное,
Слишком незрело его знание, а инструменты для работы слишком грубы,
235. И очень тяжело, с сердечной болью он постигает
Мысль божественную в доме преходящем собственном,
Свой образ, как прибежище во Времени для самого Всевечного.
Всё наше существо трепещет от воспоминаний тех немислимо далеких,
Оно бы низвело сюда их вековечный смысл,
240. Но чудеса извечные, божественные слишком для замысла земной Природы,
Вне досягаемости нашей сверкают словно солнца.
Они там пребывают – совершенные и не рожденные, и неизменные,
И безупречные в лишенной смерти атмосфере Духа,
Бессмертные в том мире, неподвластном Времени,
245. И в неизменном самосозерцании глубокого пространства.
Лишь только в тот момент, когда мы превзойдем самих себя,

- Нить Трансцендентного тотчас пересечет нашу дорогу
И накрепко соединит нас с истиной и с безвременьем;
Оно несет нам слово неизбежное
250. И действие подобное богам, и мысль, что не умрет вовеки.
Волна блаженства, света охватывает мозг,
И путешествуя маршрутом исчезающим мгновения
Фигуры вечности к нему теперь приходят.
Как гости сердца и ума, фигуры те поддерживают
255. Живучесть нашу бrenную лишь на короткий миг,
Иль иногда с каким-то редким избавляющим намеком
Отлавливает их тонкая догадка нашего предвиденья.
Намеки эти, как истоки, как первые попытки,
Указывают нам на тайну нашего рожденья
260. И чудо, скрытое судьбы людской.
Всё, чем являемся мы там, и всё, чем здесь мы станем,
Отражено в прикосновении и в зове.
Пока земли несовершенство - наше поле,
Природы зеркало не проявляет нашу истинную сущность;
265. Грядущее величие, хранимое внутри, ещё претерпевает.
Земли сомнительная будущность скрывает человечества наследие:
Далекий ныне Свет здесь станет нам родным,
А Сила, навещающая нас, могущественным другом станет;
Невыразимое найдет здесь тайный глас,
270. Нетленное проявится как пламя из-за Материи завесы,
При этом облаченьем божества делая тело смертное.
Величье Духа – непреходящий наш источник,
Оно станет людским венцом во Времени бескрайнем.
Внутри нас и вокруг нас – ширь Неведомого;
275. Всё сущее охвачено в Едином динамичном, цельном,
Связь тонкая союза этого всю нашу жизнь соединяет.
Поэтому всё сотворенное есть цепь одна:
Нас не оставили без посторонней помощи в закрытой схеме
Между движением Силы несознательной
280. И некоммуникабельным, непостижимым Абсолютом.
Жизнь человека – некий небольшой отрог горного кряжа вечного души,
А наше существо стремится свой взор к тому, что есть за стенами ума,
И связь поддерживает с более великими мирами;
Есть земли, небеса обширнее, светлее наших.
285. Есть царствия, в которых Существо возрастает в собственных глубинах;
Оно в своей безмерной динамичной сердцевине ощущает,
Как не рождённые и форм лишённые могущества
Взывают к выражению в бесформенном Пространстве:
Невыразимые, вне смерти и Невежества,
290. Подобия непреходящей истины
Глядят из полости его души, собою поглощенной:
Как будто бы свидетельскому внутреннему взору
Дух выставляет своё собственное «я» и все свои дела,
Силу и страсть извечного пылающего сердца,
295. Предметы своего аморфного экстаза,
Образчики величия обширного могущества его.
Субстанция мистическая наших душ как раз оттуда,
И в чудо рождения людской природы она оттуда и приходит.

- Там высочайший уровень того, чем мы являемся,
300. И там - источник вековечный всего, чем мы стремимся быть.
На каждом плане Сила всех религий,
Которая посвящена в невыразимые словами истины,
Мечтает там на языке своем вписать
И сделать частью жизни собственной своей
305. Какую-то черту Грядущего всесовершенства,
Какое-то предвиденье всеведущего Света,
Какой-то Глас далекий бессмертного творца рапсодий,
Какой-то пламенный восторг творящего Блаженства,
Какой-то план и образ Красоты невыразимой.
310. Там есть миры, ближайшие к тем абсолютным царствам,
Где отклик характерный на Истину незамедлителен и твёрд,
А дух телесными ограничениями не связан,
Где разногласья острые сердца не раздирают и не обуревают,
Где обитает лишь блаженство и восторг,
315. А нежность и любовь являются законом жизни.
Тончайшую субстанцию в искусной форме
Божественность там воплощает, о которой может лишь мечтать земля;
Сила её достаточно быстра, чтоб овладеть восторгом;
Воздвигнутые Временем барьеры без страха преодолевая,
320. Быстрая сеть интуитивного объятия
Берет в плен счастье беглое, которого мы так хотим.
Природа, воодушевленная возвышенным дыханием,
Пластичная, послушная преобразующему мир Огню,
Дает ответ случайному касанию воспламеняющего Божества:
325. Невосприимчивая к вялости ответных чувств,
Она внимает слову, которому наши сердца глухи,
Усваивает истинное виденье бессмертных глаз
И, путешествуя дорогами предначертаний,
Стремится отыскать дом духа красоты.
330. Таким путем мы приближаемся к Чудесному-Всесущему,
Как знаку и как руководству следуя Его восторгу в земном окружье;
Ведь, красота есть отпечаток, показывающий нам, где он прошел,
Любовь – Его сердечный ритм в груди у смертных,
А счастье – Его улыбка на обожаемом лице.
335. Существ духовных общность
И гениальность Имманентности творящей
Делает всё творение глубоким, сокровенным:
При этом измерение четвертое чувств восприятия,
Где всё в нас существует, а сами мы – во всём,
340. Преобразует наши души до широты вселенской.
Воспламеняющий экстаз соединяет видимое с видящим;
Мастер и мастерство, взращённые единым внутренне,
Всесовершенства достигают с помощью магической вибрации,
И взрыва страсти их тесной идентичности.
345. Всё то, что формируем мы неспешно из собранных частей,
Иль, спотыкаясь, развиваем, трудясь усердно,
По праву своему извечному произвольно возникает там.
Гореть в нас также может интуиции Огонь;
Он, как носитель Света, клубком свернулся в наших замкнутых сердцах.
350. Располагается его жилище на уровнях небесных:

- Те небеса, спускаясь, он может принести на землю.
Но редко и совсем недолго горит Огонь тот;
Восторг, который призывает он, с тех божественных высот,
Короткие прекрасные воспоминания приносит
355. И озарения высокие и яркие интерпретирующей мысли,
Но видения полного в них нет,
Вуаль ещё не сброшена, что-то ещё сокрыто,
Чтоб наши души не забыли стремиться к Высочайшему,
Пленившись красотой и радостью мгновения.
360. В чудесном тонком царстве том, что позади нас существует,
Физические боги являются царями, а форма – это всё.
Свет вдохновения играет там в границах тонких,
Природы милость являет нам безукоризненную красоту;
Залогом совершенства там является свобода:
365. Но в нём отсутствуют экстаз духовный сущий
И Образ абсолютный, и Слово воплощённое -
Всё есть лишь чудо симметричных чар,
Фантазия о принципе и путеводной нити.
Там каждый чувствует себя довольным, цельным,
370. Ограниченье создаёт богатство полноты,
Чудо бытует в ничтожно малом,
Восторг замысловатый бушует в очень небольшом пространстве:
Ритм каждый с окружением своим в сродстве,
Черта любая – совершенна, неизбежна,
375. Объект любой построен безупречно, чтобы пленять и пользу приносить.
Всё очаровано своим же собственным восторгом.
Живет мир этот неведомо с верой, что совершенен он,
Что подарило небо ему готовый иммунитет;
Довольный бытием своим, он больше не нуждается ни в чём.
380. Здесь не было сердец разбитых из-за пустых усилий:
Освобожденный от проверок и суровых испытаний,
Не знающий сопротивления и боли,
Это был мир, в котором ни страдать, ни опасаться невозможно.
Он права на ошибку и на поражение не имел,
385. В нём места не было для промаха и для потери силы.
Из некой массы самоблаженства вылавливал он сразу
Свой образ неких открытий безмолвной Мысли
И чудо ритма этих мыслей и их деяний,
И нужную там технику по кругу нерушимо шествующих жизнью,
390. И предков добрых неодоушевленных форм,
И торжество дышащих тел, подобных нашим.
Восторгом чувств своих охваченный, сраженный Ашвапати
В божественном, но всё же родственном пространстве шел
И восхищался формами чудесными, что были подобны нашим,
395. Но совершенны, как игрушки бога,
И с точки зренья смертного бессмертны.
Силы верховные царили неизменно там в пределах ограниченных
По самовластным, узким, исключительным понятиям;
Мир этот не мечтает никогда о том, что может вдруг случится;
400. Власть абсолютная его очерчена его границами.
В том верховенстве, ограниченном программой собственной,

- Где нет ни широты, поскольку всё доведено до совершенства,
Ни места для намеков слабых неизмеримого,
Для удивления любого, не предсказуемого здесь,
405. Плененное своею красотой, своим восторгом исступлённым,
Могущество, опутанное чарами, трудилось в круге зачарованном.
Дух отступил, отброшенный своим сооружением.
Прельщенный яркой завершенностью своих границ,
Небесный горизонт стал для души барьером;
410. В условиях понятных развивалась мысль -
Поверхностный подход снижал серьезно глубину её развития:
Жизнь засиделась в границах этих, вполне себе
Довольная ничтожным счастьем действий тела.
Быть предназначенная Силой кусочка несвободного Души,
415. Привязанная к малой безопасной своей обители,
Жизнь не спеша свои дела осуществляла, спала, играла
И о великом незавершенном деле всё не помышляла.
Она забыла о своих обширных яростных желаниях,
Она забыла о высотах, на которые всходила,
420. Её маршрут определялся ярко освещенной колеей.
Тело души прекрасное весьма непринужденно
Качалось, как ребенок, в колыбели золотой своей,
Смеясь от радости в залитых солнцем рощах.
Зов космоса не достигал жилища зачарованного жизни,
425. Она не обладала крыльями для сопряженного с опасностью полета,
Она не подвергалась риску от встречи с небом или бездной,
Она не знала перспектив высоких, не ведала мечтаний сильных,
Стремлений к безграничности своей утраченной.
Картина совершенная в такой же совершенной раме -
430. Хотя и волшебным было мастерство, оно не задержало волю Ашвапати:
На миг лишь облегчение пришло к нему;
Ему был дан беспечный час в блаженстве легком.
Наш дух теряет интерес к поверхностному существу,
Он превзошел блеск и величье формы;
435. Он к скрытым силам, к состояньям выше, глубже обращается.
Поэтому высматривал свет бóльший Ашвапати в запредельном.
Движение его души к вершинам оставляло позади
Двор светлый мира тонкого – Обители Поры прекрасной,
И этот материальный утонченный Рай покинул он.
440. Вела его судьба в Пространство более великое.

Конец Песни второй

Песнь третья ВЕЛИЧИЕ И ПАДЕНИЕ ЖИЗНИ

- Широкий и неровный был путь, влекущий к восхождению.
Внимая зову беспокойному возвышенной Природы,
Он пересек границы Духа, воплощенного в телесное обличие,
И на поля вступил обширные и смутные,
5. Где было все изменчиво, сомнительно и не бесспорно,
Вступил в мир поиска и тяжелого труда без передышки.

- Как тот, кто Неизвестное встречает лицом к лицу,
Как вопрошающий, ответ которому дать некому,
Как привлеченный к той проблеме, которая никем не решена,
10. Всегда с неясной верой в ту дорогу, которая пред ним лежала,
Всегда влекомый к неустойчивой непостоянной цели,
Он двигался по миру, населенному сомненьями,
В изменчивых пределах основы некой нестабильной.
Перед собою видел он никем не достижимую границу,
15. И с каждым шагом, приближаясь к ней, ему казалось,
Что, подобно миражу, граница эта отдалялась на такой же шаг.
Скитание там было без места для пристанища,
Путь непрерывный по бесчисленным дорогам.
Того, что радовало сердце, он не нашел;
20. Блуждая неустанно, искал он и не мог остановиться.
Жизнь там есть манифест Непредсказуемого,
Движение морей неугомонных, бесстрашный
Продолжительный прыжок души в Пространство,
Мучительный конфликт в Покое вечном,
25. Порыв и страсть безмерной Бесконечности.
Там принимая образ всякий, что пожелает воображение её,
И избегая ограничения определенных форм,
Она отбросила все безопасные пути, уже испытанные ею и известные.
И несмотря на страх, что ходит неустанно во Времени,
30. И не страшась Судьбы, что неотступно следует, и скачущего Случая,
Она несчастья воспринимает, как риск обыкновенный;
Беспечная к страданию и беззаботная к падению и греху,
Она опасности встречает и бьется за открытия
В доселе неизведанных пространствах человеческой души.
35. Она лишь только кажется экспериментом долгим,
Источником опасности невежественной Силы, что ищет
И испытует все истины, и высшей не найдя,
Стремится дальше, результатом не довольная и не уверенная в нём.
Как видел некий сокровенный ум, так жизнь оформлена была:
40. Она прошла от мысли к мысли, от фазы к фазе, измученная
Силами своими собственными иль гордостью и благостью,
То над собой владычица, то жалкая игрушка и рабыня.
При этом алогичность беспредельная была законом её действия,
Чтоб все возможности были исчерпаны до дна,
45. А боль вместе с блаженством были забавами сердечными.
В галопе грозových превратностей
Она неслась полями скачек Обстоятельств
Или металась меж высотами и безднами своими
Приниженная или вверх взлетевшая на колесе у Времени непостоянном.
50. Среди поползновений скучных желаний серых
Она крутилась – червь среди червей – в грязи Природы,
Затем - телосложением с Титана – присвоила себе всю землю в пищу,
Честолюбиво взяв для одеяния моря, а для короны - звезды,
И с криком зашагала от пика к пику, гораздо более высокому,
55. Настойчиво истребуя миры, чтоб побеждать и править.
Затем без видимой причины, очарованная ликом Скорби,
Она – вся жизнь - ныряла в боль глубин
И, там купаясь, прилипла к страданию своему.

- В общении печальном с её растраченным впустую «я»,
60. Она увековечивала счет всему, что потеряла,
Или сидела с горем, как со старинным другом.
Веселая возня неистовых восторгов вскоре истошилась,
Или замедлилась, привязанная к радости несоразмерной,
Не замечая явных поворотов своей судьбы, не замечая цели жизни.
65. Сцена была затеяна для всех её бесчисленных причуд,
Где каждая могла бы стать законом и укладом жизни этой,
Но не могла ей только ни одна из них чистого счастья предложить;
Привкус трепещущий, и всё - не больше, они оставили после себя
Или неистовую жажду, которая приносит смертельную усталость.
70. В ряду её причуд, сменяющих друг друга, стремительном, бессчетном
Осталось нечто неизменное вовеки, неудовлетворенное, которое
При новом рассмотрении лишь только повторяло лик прошлого,
Как каждый час часы все остальные повторял,
А измененье каждое всё то же самое волнение продлеvalo.
75. Дух, в ней самой и в её цели неуверенный,
Скоро устал от счастья и радости великих слишком, -
Она нуждалась в шпорах наслаждения и боли
И вкусе беспокойства и страдания естественном:
Она стремилась к цели, которой никогда достигнуть не могла.
80. Испорченности привкус терзал её иссохшие от жажды губы:
От горя она рыдала, которое по её собственному выбору пришло,
Стремилась к удовольствию, что грудь её покрыло ранами;
Так устремляясь в небо, она сворачивала в ад.
Она избрала случай и опасность партнерами своими;
85. Судьбы ужасные качели она избрала для колыбели и для трона.
Но всё же чистым, ярким было ее рождение из Вечности,
Утраченная благодать мира ещё виднелась в её глазах.
Причуды жизни это лики Бесконечья:
Её естественное право - красота и счастье,
90. И местопребывание предвечное её - извечное Блаженство.

- Теперь источник этот явил античный лик восторга,
Сразу открывший сердце горя, которое так искушает жизнь,
Чтобы держаться стойко и стремиться страстно, и надеяться.
Теперь даже в изменчивых мирах, утративших покой,
95. И в атмосфере, напоенной болью, страхом,
Когда шел Ашвапати по земле небезопасной,
Перед собою видел образ он счастливейшей страны.
В этом строении сакрального Пространства,
Которое восходит к высшим образцам творения,
100. В сияющих вершинах, выше которых ничего не существует,
Для теплого общения меж телом и душой,
Далекое, как небо, и близкое, как мысли и надежды,
Мерцало царство жизни, которое не ведало печали.
Над ним, на небосводе совсем ином,
105. Чем небеса, что созерцают смертные глаза,
Как на лепной небесной тверди самих богов,
Архипелагом огненного света в отдалении,
В покрытом рябью небе сияли звезды.
Палящие спирали, магические кольца оттенков ярких,

110. Мерцающие сферы необычных форм неторопливо
Проплывали в отдалении, как некие мирские символы.
Не разделяющие беспокойства, к тяжкому труду,
К несчастьям безразличные, не обещающие помощи,
К страданиям глухие, к горестям, к борьбе за жизнь,
115. Ни гневом, ни унынием и ни отвращением не запятнанные,
Смотрели равнодушно свысока великие провидческие планы,
Блаженные вовеки в своей непреходящей правоте.
Своею сущью, красотой своею поглощенные,
Они существовали с верой в счастье бессмертное своё.
120. Врозь в созерцании самоблаженства отчужденные,
Они, сверкая, плыли в некой туманной светлой дымке,
Как вечное прибежище видений света,
Как некая туманность блеска и величия богов,
Которая была сотворена из размышлений вечности.
125. Почти что отвергаемые верой человеческой,
Они с трудом воспринимались как исток всего, что существует.
Как будто на экране телевизора волшебного,
Окинутые неким внутренним сильнейшим взглядом,
Они сияли словно образы, пришедшие с далекой сцены,
130. Слишком высокие и яркие для смертного простого взора.
Но были близки и реальны для сердца страстного
И для горячих мыслей, и для чувств пылающих
Все эти царства скрытые бескрайнего блаженства.
Лежат они, купаясь вечно в счастье и блаженстве,
135. На безопасных ярких замороженных окраинах,
По воле избегая поиска печалей и желаний,
В той близкой недоступной сфере, которую мы всё же ощущаем,
Которая невосприимчива к тискам суровым Времени и Смерти.
Перед глазами нашими во сне и в созерцании, и в трансе,
140. Сквозь внутреннее поле тонкого виденья,
Обширные ландшафты и обличья царства совершенного
Проходят, взору мимолётному открывшись,
И оставляют за собой сияющий след памяти.
Воображаемые виды или вечные великие миры, пришли они во сне
145. Иль в чувствах проявились, глубинами своими волнуют наше сердце;
Как будто нереальные, они значительно реальной жизни,
Счастливей счастья и правдивее всех истин -
Если б мечтами они были или пойманными образами,
То истина мечты фальшивкой сделала б земли реалии пустые.
150. Зависшие в мгновеньи скором вечном, там жили
Или возвращались к жаждущим глазам, когда зывали к ним,
Небесные безветренные царства нетленного божественного Света
И континенты озаренные покоя, окрашенного цветом фиолета,
И океаны, и моря веселья Бога, и страны
155. Что не ведают печали под ярким багрянцем солнц.

Так некогда далекая звезда идеи яркой
Или кометный хвост воображения мечты
Сейчас преобразились в близкий образ самой реальности.
Была форсирована пропасть между реальностью земли и истиной мечты,

160. Жизни чудесные миры мечтою больше не были;

- Всё, что они скрывали, доступно стало его видению:
Глаза и сердце Ашвапати соприкоснулись с жизнью и событиями там
И поразились их чистой красотой и блаженством.
Безветренная сфера на высшем уровне притягивало взгляд его,
165. Её границы вдавались в небо «Я»
И окунались в странную эфирную основу.
Пылала квинтэссенция там высшего восторга Жизни.
На тонком уровне таинственного чуда
Лишь линия граничная преображенья высшего
170. Жизнь отделяла от Бесконечья, форм лишённого,
И укрывала Время от вечности.
Время чеканит образы свои из вещества без формы – из Бесконечья;
Покой Все вечности хранит в себе космическое действо:
Изменчивые образы вселенской Силы
175. Черпали силу, чтобы быть, и волю, чтобы длиться,
Из глубей океана динамичного покоя.
Та Сила черпает пластичные свободы Все единого,
Вершину духа обращая к жизни,
Чтоб вылепить в делах мечты Её каприза.
180. Зов Его мудрости даёт опору Её шагам беспечным,
Он окружает Её танец основой прочной,
Его вневременная неизменность к тому же
Должна к определенной норме привести чудо Её творения.
Изобретая окружение этой вселенной
185. Из бессознательных энергий пустоты,
Она скрепила свои шаги Его идеей, в своих слепых поступках
Она, конечно, ощущает вспышки Его всезнающего Света.
По Её воле загадочный Сверхразум склоняется,
Чтоб эту Силу направлять – Она лишь осязает, но знать не может,
190. Дыхание энергии Его руководит морями беспокойными Её,
И жизнь послушно подчиняется той правящей Идее.
По Её воле, ведомой светлым внутренним Присутствием,
Рискованные опыты производящий Разум
Путь продвигает свой через неясные возможности
195. Среди структур случайных несведущего мира.
Невежество людское наше стремится к Истине,
Чтобы Неведенье могло бы стать всезнающим,
А образы инстинкта превратились бы в божественные мысли,
Чтоб в мыслях поселился безошибочный бессмертный взгляд,
200. Чтобы природа поднималась к тождественности с Богом.
Миров Властитель, сам сделавший себя рабом той Силы,
Есть исполнитель Её фантазий:
Она уже распорядилась морями всемогущества,
Она же Безграничье ограничила законами своими.
205. Бессмертный сам связал себя Её делами;
Решает Он задачи, что предоставило ему Её невежество,
Укрытое накидкой нашего смертельного исхода.
Миры и формы, что создает фантазия Её богини,
Уже утратили свое начало среди высот незримых:
210. Но даже разлучённые с источником своим извечным,
Блуждающие в темноте, обезображенные, падшие и проклятые, -
Ведь, даже и в падении есть радость извращенная своя,

- А Сила не упустит ничего, что служит Её восторгу -
Они все также могут вернуться к тем высотам
215. Иль осужденные паденья духа здесь отбросить,
Вернуть божественность, отнятую у них.
Однажды уловив охват виденья вечности,
Увидел Ашвапати регионы благородные с их гордостью, величием
И те, что притулились в глубинах низших.
220. Вверху была монархия «я» непорочного и чистого,
Внизу – угрюмый транс пучины первозданной -
Обратный полюс с антиподами туманными.
Он видел там просторы триумфа абсолютов жизни:
Смеялось всё здесь в благодном бессмертии
225. И вечном детстве души извечной до той поры,
Когда невежество пришло, и родились страдание и боль там,
Где могло бы всё осмеливаться быть самим собою и единым,
И Мудрость бы играла в святой невинности
С открытою Свободой под счастливым солнцем Истины.
230. Там были царства Её иронии ужасной и смеха,
Поля со вкусом тяжкого труда, борьбы и слез;
Там голова Её лежала на груди влюблённой – у Смерти,
А сон ненадолго копировал покой исчезновенья – умиранье.
Свет Бога Сила эта отделила от его тьмы
235. Чтоб оголённых противоположностей благоухание испытать.
Все краски и оттенки их, здесь перемешанные в сердце человеческом,
Сплели изменчивый рисунок - проект людского существа,
Где его личность - хаос и космос,
Где жизнь его – ручей, струящийся вперед по Времени-реке,
240. Где постоянство его природы – непреходящая изменчивость,
Его душа – картины движущейся фильм, что полон перемен.
Вот так великая Создательница-Сила своим таинственным касанием
Вернула пафос и энергию своей мечте о Существе,
Мистерией непостижимой сделав игру предмета страсти.
245. Миры все здешние стояли к небесам на полпути.
Не темная Стена была пред ними, но Вуаль;
В обличьях, от внимания человека далеко не ускользавших,
Наружу прорывался луч Блаженства изначального -
Страсть, интенсивность некая неоскверненной чистоты.
250. Небесное блаженство могло бы стать земным, была б земля чиста.
Сердца и чувства наши, обожествленные, могли б достигнуть
Блаженства максимального естественного счастья, достичь
Волнующих вибраций абсолютов Сверхприроды: при этом силы все
Могли б, смеясь, соревноваться на тяжелых земных дорогах
255. И никогда не ощущать Её безжалостного лезвия мучений:
Была б игра одной любви и не было б нигде стыда Природы.
Но жизнь мечты свои упрятала в конюшню во дворах Материи,
И эти двери пока закрыты для высших изменений.
Эти миры могли бы ощущать дыханье Бога на своих вершинах;
260. Там слабый проблеск Трансцендентного уже мерцал.
Сквозь вечное прозрачное безмолвие, вблизи сна вечности,
Через обширные пространства шли
Бессмертные фигуры воплощенной радости.

- В тиши блаженства чистые таинственные голоса
265. У бога Вселюбви просили совершенной радости,
Зовя его своим касанием медовым разволновать миры,
Его блаженными крылами ветви Природы охватить,
Суровым, благостным могуществом слияния
Объять все существа в своих спасительных руках,
270. И проявляя жалость и к бродяге, и к разбойнику,
Их счастьем наделить, которое они отвергли.
Песнь Гименя божеству незримому,
Гимн пламенный желания чистого
Звучал в сердцах бессмертья музыкой
275. И пробуждал от сна ухо экстаза.
Там был свой дом у ярких и чистейших чувств, порывов пламенных,
Которых земное тело выдержать не в состоянии;
Там человек дышал с душою легкой, необремененной,
А сердце торопливо билось в восторге раз за разом.
280. Там голос Времени о радости Бессмертья пел;
Звенел глас вдохновенья и лирической поэзии -
Пришли мгновения с экстазом на своих крылах;
Несказанная красота плыла просторами мечты
С небесной чистотой, избавленная ото всех границ;
285. Крик птицы Феникс зывал с небес
К бессмертным жителям земли божественного Света.
В ладонях Бога забился пульс творения;
По тем дорогам бродили чудо и восторг.
Простое бытие стало блаженством высшим,
290. Жизнь стала счастливым смехом души,
А Радость стала царем с Любовью в качестве министра.
Здесь воплотилась просветленность духа.
Любимыми друзьями стали природы противоположности,
А её крайности – хребтами острыми гармонии.
295. Пришла терпимость вместе с нежной чистотой,
И на груди своей они вскормили бога:
Никто там не был слабым, поэтому ложь не могла там жить;
Невежество там было легкой тенью, которая оберегала свет,
Воображение – свободной волей Истины,
300. Простое удовольствие - искателем небесного огня;
Там Красоты поклонником был интеллект,
Рабом невозмутимого духовного закона – Сила,
Власть голову свою сложила там на грудь Блаженства.
Сияли там непостижимые вершины блаженств божественных,
305. И автономии правления Мудрости самой, безмолвной,
И сферы, подчиненные Её девственному солнцу,
И теократии всевидящей души, свет проливающей,
Усаженной на трон властью луча Божественного.
Великие события мечты и виденья величий
310. Там, в солнцеликих царствах, двигались походкой величавой:
Сенаты и парламенты богов числом огромным,
Жизни властители там восседали на тронах хладной воли,
Самодержавия, высокие владычества и властные могущества,
Вооруженные, увенчанные лаврами господства.
315. Всё было там великим и прекрасным,

- Все существа носили царскую печать богов.
Олигархии естества Закона властвовали там, где гордые
Неистовые головы служили одному спокойному челу монарха:
Все состояния души облачены были божественным.
320. Там встретились взаимные и страстью обжигающие связи
Восторга власти и зависимости рабской от этого восторга,
Наложённые самой Любовью на сердце Любви послушной,
И тело Любви, томящееся под ярмом восторга.
Всё это было игрой встречающихся царственностей.
325. Ведь, поклонение сближает силу, склоненную в поклоне, с блаженством
И предметом гордости богов, которые его душа так обожает:
Правитель там един со всеми, кем он управляет,
Кому он служит со свободным и спокойным сердцем -
Повиновение является великой школой обучения.
330. Венец и привилегии его высокого сословия, и вера его
Являются своеобразным выражением божественной природы,
Его служенье – выражением духовного владычества.
Там были царства, где Знание соединилось с Силой созидательной
В её высотном доме и сделало её своею собственной:
335. Великий Озарённый этот объял Её блистающие ветви
И накормил их страстью своего свечения,
Пока всё Её тело не стало Его прозрачным домом,
А вся Её душа – аналогом Его души.
Обожествленные, преображенные касанием мудрости,
340. Её дни стали ярким жертвоприношением;
Она горела как бессмертный мотылек в весёлом
Нестерпимом пламени счастливого и непрерывного огня.
Лишенная свободы Жизнь была повенчана с завоевателем своим.
В Его просторном небе она свой мир создала заново;
345. Спокойной поступи ума она придала ускорение мотора,
Разумному – потребность жить, как видела душа,
Живущему – толчок, чтоб знать и видеть.
Её охватывало Его сверкание, её могущество цеплялось за Него;
Она создала короля в пурпурных одеяньях из Идеи,
350. Свой скипетр магический вложила в Мысли длань,
Ритмические образы видений внутри Его отлила в формы,
А свои действия - в живое тело Его воли.
Мгновенный яркий свет создателя, гром пробуждающий -
Свет Победителя взнуздal Силу бессмертную её;
355. Кентавр в стремительном галопе нёс бога на себе.
Величие двойное обретает Жизнь, сидящая на троне с Разумом.
Миры там были счастья великого, глубокого
И действия, которое окрашено улыбкой и мечтою мысли,
И страсть там ожидала исполнения своих желаний
360. До той поры, пока не ощущала рядом Бога.
Миры там были радости невинной, чистого веселья;
Там молодость беспечная ума и сердца
Небесный инструмент в обличии телесном обретала;
Она сиянье золотистое вокруг желанья зажигало
365. И в человеческих телесах высвобождало божие животное
К скачкам блаженства и любви, и красоты.
В стране сияющей, что созерцает лишь благоволение небес,

- Проворный импульс жизни не гас и не был ограничен:
Не знал он и усталости; печаль его была счастливой.
370. Работа там была игрой, игра – единственной работой,
Задания небесные – богоподобного могущества потехой,
Небесною вакхической пляской, вовеки чистой.
Не остановленная слабостью, присущей всем остовам смертным,
Жизнь была вечностью восторга настроений:
375. Не приходила старость, и забота никогда лица не посещала.
Связуя тесно с жизнью звезд без всяких опасений
Любую гонку, смех любой бессмертных сил,
Резвились на своих полях для игр нагие боги-дети,
Сражая ветры скоростью и блеском;
380. Они в товарищи для этих игр позвали шторм и солнце,
Соревновались с белой гривой волн грохочущих морей,
Уничтожая расстояния, колесами своими попирая их до смерти;
И на аренах своей силы они упорно бились.
Неотразимые в сверкании своем, подобные горящим солнцам,
385. Они сияньем тел воспламенили небеса,
Послав их миру этому, как бога щедрый дар.
Чарующая сила, чтобы сердце к полному восторгу привести -
Они несли великолепье и влияние обаяния своего,
Как будто знамя Жизни по дорогам Космоса бескрайнего.
390. Друзьями светлыми души были идеи;
Ум с речью игры вел и вбрасывал метательные копья мысли,
Но не нуждался в этих инструментах, чтобы знать;
Подобно отдыху, приятным развлечением Природы было Знание.
Там облаченные сияньем ярким сердца чистого,
395. Дети-наследники врожденной древней божьей интуиции,
Те обитатели бессрочного владенья Времени,
Еще объятые блаженством первого творения,
Существование влили в собственную молодость души.
Изящный и неистово горячий деспотизм,
400. Который энергично принуждает собственную волю к радости,
Излил на мир улыбчивые струи счастья.
Царили там дыхание высокой и свободной сути,
Удачливая поступь дней в спокойной атмосфере,
Поток любви всеобщей, мира необъятного.
405. Владычество неутомимой нежности существовало там,
Как песнь о наслаждении, что Время нам поёт.
Спонтанный массовый порядок свободной сделал волю,
К блаженству допустив открытый искренний полет души,
Раскрыв величье, широту неограниченного действия,
410. И вольность золотую сердечного огня.
Там не было обманных рассуждений о разделении душ,
И искривленность мысли или слова туда не приходила,
Чтоб у творения украсть принадлежащую ему по праву истину;
Всё было откровением и силой естества.
415. Законом высшим и правилом единственным свобода там была.
Миры те поднимались или погружались в ряд, подходящий им:
В царства изящной красоты и изумления,
В поля величия и мощи титанической -
Жизнь здесь легко играла со своими необъятными желаниями.

420. Она без перерыва могла построить тысячу Эдемов;
Не установлено пределов для её величия и милости её,
И для разнообразья божьего её.
Возникнув из груди глубокой Бесконечности,
От крика пробуждаясь и от шевеления душ бесчисленных
425. И улыбаясь как дитя, рожденное в любви и уповании,
В своей природе поселяя мощь Бессмертия,
В своей душе лелея Волю вечную, ей не было нужды в советах,
Ибо руководило ею только сердце просветленное:
Божественность её шагов какое-то падение не унижало,
430. И не могла прийти чуждая Ночь, чтоб ослепить её глаза.
Там не было необходимости в защите от недовольства;
Любое действие было совершенством и успехом.
Бездуржная из-за настроений своей фантазии богатой
И интенсивного и красочного буйства своего ума,
435. Дионисийская богиня всеблаженства,
Которая посвящена в могучие священные мечты,
Вакханка бурного животворящего порыва,
Магический строитель форм бесчисленных,
Исследующий данные ему размеры ритмов Бога -
440. Она по усмотренью своему ткала свой собственный волшебный танец.

- Мир счастья этот видел Ашвапати, и ощущал призыв его,
Но вход в блаженство это он не нашел;
Моста через сознания пропасть не существовало.
Был слишком темный воздух вокруг его души,
445. Привязанной к тревожной беспокойной жизни.
Хоть и присутствовало страстное желание и разум жаждущий,
Для грустной мысли, порожденной скорбным опытом,
Для виденья, которое ослаблено печалью, заботами и долгим сном,
Казалось это всё мечтою лишь заветной, яркой,
450. Воспринимаемой в желанной дальней дали сердцем
Того, кто следует под сенью земных мучений.
Хоть он объятья Вечности и ощутил однажды,
Была его природа слишком близкой к мирам страдания,
И там, где он стоял, присутствовали только Ночи врата въездные.
455. Вплотную окруженная тревогами мирскими,
С трудом та форма плотная, в которой сотворили нас, на радость
Отвечает чистейшей радостью, на свет – полнейшим светом.
Ибо истерзанная воля жить и думать сначала
Пробудила смешенье удовольствия и боли
460. И до сих пор хранит эту привычку своего рождения:
Всё наше бытие – сплошная двойственность.
На стадиях начальных мира смертного
Жизнь не была игрой ума или мечтою сердца.
Когда в не сознающей Пустоте была сотворена земля,
465. И не существовало ничего, за исключением материальной сцены,
Отождествляемые с морем, камнем, небом,
Младые боги жаждали освобождения душ,
Которые в бесформенных, безжизненных объектах еще спали.
В необитаемом великолепье этом, в лишенной духа красоте,
470. В глухой тиши, среди оставленных без понимания звуков

- Тяжелым было бремя Божества - ни с кем не разделяемое бремя
В мире, в котором не было каких-либо стремлений;
Ибо там не было кого-то, кто мог воспринимать иль чувствовать.
Тупая масса эта, которая не допускала нервной дрожи чувств,
475. Глубокий созидательный мотив в себя вместить бы не смогла:
В гармонию Материи не погруженный боле,
Застывший свой покоем утратил Дух.
И в трансе отстраненном он ощупью искал прозрения,
Стремился всей душой к сознательным движениям сердца
480. И жаждал разговора, мысли, радости, любви.
В немом бесчувственном кружении дня и ночи
Пульсации стремления и отклика он жаждал.
Висящее в покое несознание, что сотрясало от прикосновенья,
И Тишина интуитивная, дрожащая от имени любого, -
485. Они зывали к Жизни, чтобы захватить эту бесчувственную форму
И пробудить божественность в отливках этих грубых.
На шаре этом, что в безмолвии кружился, был услышан голос, -
В безвучной Пустоте стон чей-то приглушенный раздавался.
Где прежде не обитал никто, казалось, дышит существо:
490. Там, нечто, заключенное в глубинах неодоушевленных,
Существование с сознанием отринувшее и радость потерявшее,
Сменило курс, как если б это сделал спящий с незапамятных времен.
Осознавая ту свою реальность, что похоронена была,
И вспоминая «я» своё забытое и привилегию свою,
495. Оно стремилось знать и возвышаться, жить и наслаждаться.
Жизнь этот зов услышала и в стороне оставила свой прежний свет.
Её великолепие, стремительность её, её блаженство,
Переполняющее план яркого великолепия её,
Ширококрылый милосердный Ангел излил сюда же -
500. На косное кольцо и неуклюжее движенье брэнного Пространства,
Надеясь радостью наполнить сей светлый новый мир.
Подобно той богине, что приходит к душам смертным
И окружает их объятиями небесными своими,
Она склонилась, чтобы в преходящих формах создать свой дом;
505. В утробу материнскую Материи она огонь бессмертный опустила
И в Пустоте бесчувственной мысль и надежду пробудила,
Сразила красотой, очарованием своим и плоть, и нервы
И силой навязала всеблаженство бесчувственной земле.
Одетое растениями, цветами и деревьями, живое
510. Земли большое тело улыбнулось небесам,
Небесная лазурь ответила лазури во всплесках моря;
Создания, обладающие чувствами, заплонили океанские глубины,
Проворство и радость Жизни себя явили в животном мире,
Отважился, задумался и встретил весь мир своей душою человек.
515. Но было ещё в пути Жизни дыхание волшебное, и, прежде чем
Её дары смогли достичь сердец наших, в неволю заключенных,
Двусмысленное темное Присутствие подвергло всё вокруг сомнению.
Та Воля тайная, что облачает себя в одежды Ночи
И предлагает духу плотью испытание тяжелое,
520. Богине Жизни навязала мистическую маску боли, маску смерти.
Задержанная ныне в годах медлительных, мучительных,
Живет как временная гостья та странница крылатая волшебная,

- И состояние своё - счастливей этого - вернуть она уже не может,
И нужно подчиниться ей закону Несознания инертному,
525. Бесчувственному основанию мира,
В котором на красоту наложены ограничения слепые,
А горе и радость живут как те, кто постоянно конфликтуют.
Чудовищно тупая немота упала на неё:
Разрушен был её могучий тонкий дух,
530. И дар её убит – дар детского божественного счастья,
И слава вся её обращена в ничтожность,
А сладость – в искалеченное вожделенье.
Своим трудом дать пищу смерти – судьба всей жизни здесь.
Её бессмертие сокрыто было так, что она вся казалась,
535. Сознание навязывая миру несознательному,
Лишь эпизодом в смерти вечной и неким мифом бытия,
Которое должно навеки прекратиться.
Такой была злосчастная мистерия её материальных изменений.

Конец Песни третьей

Песнь четвертая ЦАРСТВА НИЗШЕЙ ЖИЗНИ

- Трепещущий пугливый ненадежный мир,
Что порожден был встречей грустной и темнотой затмения,
Возник в той самой пустоте, где Жизнь уже оставила свой след, -
Живая тьма, движенье ищущее, смутное.
5. Там были судороги силы, сознательной всего наполовину
И пробудившейся с трудом от Несознания сна,
Которое привязано к Неведенью, ведомому инстинктом,
Чтобы Сознанием стать и овладеть всем миром.
Сила-наследница утраты, бедности, одолеваемая памятью,
10. Что ускользает, когда стараешься воспользоваться ею,
И нас забытыми надеждами терзает, которые всплывают снова,
Старалась слепо, двигаясь наощупь,
Заполнить гибельную, болью раздираемую брешь между
Страданием земли и тем блаженством, откуда пала Жизнь.
15. Тот мир, что постоянно ищет, упущенное им, охотится за радостью,
Которую земля не оказалась в состоянии сохранить.
Неумиротворенное волнение слишком близко к вратам людским,
Чтоб на планете косной, материальной спокойно пребывать:
Мир этот соединил свой голод с голодом земли,
20. Он дал закон стремления всем нашим жизням,
Он сделал нашу духовную потребность бездонной пропастью.
В смертные дни и ночи вошло Влияние,
Оно накрыло тенью расу, рожденную во времени;
В потоке бурном, в котором скачет невидимый пульс сердца,
25. А нервное биение чувства пробуждает ощущение,
Что отделяет Ум сознательный от сна Материи,
Скитался зов, не знающий совсем, зачем сюда пришел он.
Земли коснулась Сила запредельная;
Покой, который мог быть вечно, не мог быть больше;

30. Бесформенная острая тоска обуревают сердце человека,
В его крови – вопль, зовущий к счастью:
Без этого бродил бы он по вольной солнечной земле
С умом животного, не помнящим о боли, детским,
Иль жил счастливой безразличной жизнью, как мир растительный.
35. Могущество, пришедшее сюда, чтоб быть счастливым,
Осталось на земле, чтобы страдать и возвышаться.
Смолк зарождающийся смех, который звенел сквозь время:
Померкла полностью естественная радость жизни человека,
А горе стало кормилицей его судьбы.
40. Животная, лишённая раздумий радость осталась позади -
Заботы, размышления обременяют все повседневные его дела;
Неудовлетворенность и благородство ожили в нём,
Он пробудился к скрытому Незримому.
Искатель ненасытный – всё, чтоб учиться, есть у него:
45. Он исчерпал уже деяния поверхностные этой жизни,
Осталось изучить те царства, что сокрыты в существе его.
Становится он разумом, становится он духом и сутью «я»;
Растит властителя Природы в обители своей недолговечной он.
В нём пробуждается Материя от транса темного недолгого,
50. Его плоть ощущает Божество, которое ему становится всё ближе.
Незрячее Могущество, которое не видит больше цели,
Лишённая покоя и голодная энергия желанья Воли -
Жизнь вбрасывает семя в форму тела, что пребывает праздным;
Она от спячки безответной пробудила слепую Силу,
55. Заставив её искать, воспринимать, осознавать.
В мучительных и грандиозных родах Пустоты,
Тревожил грёзами своими глубокий заведённый сонный ритм
И мертвое кружение вселенной, в оцепенении дремлющей,
Могучий пленник – Жизнь за освобождение боролась.
60. Стремление её живое устранило инертность клетки,
А в сердце она зажгла огонь потребности искать и страсть,
Среди глубокого покоя бесчувственного мира
Возник её глубокий глас борьбы, молитвы и упорного труда.
Сознание слепое в безмолвном мире
65. И чувство без руля – лишь это было на её пути;
Мышление было недоступно, и ничего сейчас она не знала,
Но всё, что неизвестно, она могла и ощущать, и осязать.
И подчиняясь продвижению не рожденной сути к рождению,
Она сломала свою печать той жизни неодушевленной:
70. В субстанции безмолвной неразумной силы её души,
Которая не может выразить божественность её глубин,
Сейчас же пробудилась некая слепая необходимость знать.
И инструментом Жизнь избрала цепь Материи, которой её связали;
Был у неё инстинкт – зародыш Истины, присутствовали также
75. Попытка достижения успеха и рост - стремление незнания.
Навязывая телу желание, надежду,
И налагая на несознательную суть сознание,
Она внесла в упорство стойкое Материи то притязание своё
На право властвовать, утраченное ранее и выстраданное ныне,
80. Свой поиск неустанный и сердце беспокойное своё,
Призыв свой к изменению, нетвердые шаги своих блужданий.

- Поклонница восторга безымянного
В соборе наслажденья неразборчивом
Она возносит тайные обряды богам животным, темным.
85. Но жертва эта нескончаема, напрасна,
Священник здесь – невежественный маг, который лишь свершает
Пустые перемены на алтаре намерений
И в пламя немощное льёт фальшивые надежды.
Груз проходящего успеха отягощает её шаги,
90. И с ношей этой она идти вперед может с большим трудом;
Но тикают часы, взывая к ней, она перебирается вперед
От мысли к мысли, от стремления к стремлению;
Успехом величайшим её является беспрецедентная необходимость.
Материя рождает недовольство, Жизнь обращается к Мышлению;
95. И землю – своё поле – Жизнь покоряет, затем истребует и небеса.
Работу грубую по освоению она уже свершила,
Её труды минуют века сомнений,
Но свет преобразующий, великий еще на землю не сошел,
И никакой освобождающий восторг не прикоснулся к грехопаденью.
100. Лишь слабый проблеск прорывает иногда небесный свод ума,
Тем самым подтверждая смутное предвидение,
Что формирует путь к неведомым рассветам из ночи
Или неясный ключик к состоянью божьему.
Великая задача Жизни началась в Незнании,
105. В Неведении она незавершенную работу эту продолжает,
Наощупь к знанию идёт, но не встречает лика Мудрости.
Шагами неосознанными медленно шагая,
Она – Богов подкидыш – здесь блуждает и, как
Душа ребенка, оставленная рядом с воротами Ада,
110. Неловко, сквозь туман исследует окружье в поисках Рая.

- Всхожденье медленное Жизни с начала подсознательного смутного -
Все Её робкие шаги был должен Ашвапати повторить,
Ибо так только может прийти последнее спасение земли.
Ибо так только мог узнать он неясную причину того,
115. Что тянет нас назад и вводит в заблужденье Бога в его желаньи
Душу, заключенную в тюрьму, навек освободить.
Путями скорыми падения через опасные врата
Рискнул пройти он в неизвестность серую,
Кишащую инстинктами, которые пробились из неразумных бездн,
120. Чтоб место здесь себе отвоевать и облачиться в форму.
Жизнь здесь была сердечным другом Смерти
И ела у Неё с руки, чтоб подышать хотя б недолго;
Она была и заключённой, и удочеренной беспризорницей Её.
Впуская подсознание, как житель временный в том царстве
125. Сонной темноты, она и не питала никаких надежд.
Вот там, вдали от Истины и просветлённой мысли,
Увидел Ашвапати место настоящее, особый смысл рождения
Развенчанной и искаженной Силы, страдающей от этого.
Там выставляя напоказ несчастное лицо фальшивой истины,
130. С божественным рождением нашим несогласие
И безразличье к красоте и свету,
Жизнь щеголяла своим бесчестием животным,

- Беспомощной и грубой, голой маскировкой
Отмеченного и осознанного, подлинного образа
135. Силы украденной надежды, отвергнутой и изгнанной с небес,
И падшей, прославляющей ничтожность состояния такого,
Низкопоклонство перед силой, некогда полубожественной,
Бесстыдное убожество животных вожделений,
Кричащий внешний облик этого невежества,
140. И неприкрашенное тело этой нищеты.
Здесь Жизнь впервые вылезла из лужи грязи,
Где пребывала без сознания, немая, косная:
Оцепенение и узость восприятий хранили там безмолвие её,
И темнота, не отменяемая Светом, прилипла к ней.
145. Касание свыше, которое спасает, туда не приходило:
Взгляд ввысь был чуждым её видению,
Бесстрашная божественность её шагов была забыта;
Отвергнутыми были счастье и блаженство,
И приключение в рискованных пространствах Времени:
150. Погрязнув, она была едва пригодна, чтоб жить и приносить плоды.

- Туман встревоженный безмерный Пространства поиска,
Лишенный света слой, объятый пеленой неясной,
Из дома изгнанный, бесформенный и безымянный,
Спелёнатый слепой аморфный разум
155. Просил любого тела, чтоб свою душу переместить туда.
Отвергнута его мольба - он мысль свою слишком невнятно мямлил.
Ещё не наделенный силой этой мысли, едва живой,
Открылся он в причудливом пигмейском мире,
Где был источник этой несчастливой магии.
160. На тех границах смутных, где Жизнь с Материей встречается,
Среди полудогадок и полупрозрений ходил, блуждая, Ашвапати,
Упущенными целями и неохватными началами гонимый.
Там зародилась жизнь и сразу умерла, поскольку не смогла так жить.
Там не было основы прочной и неуклонного движения;
165. Владело силой в этом месте только пламя неразумной Воли.
Он сам себе был там неясен, наполовину ощущаем, тёмный,
Как будто сквозь него старалась проявиться Пустота.
В чудных владениях этих, где было только чувство,
А направляющая мысль ни правилом и ни причиной не была,
170. Лишь детское невежливое сердце вопило об игрушках счастья,
Ум лишь мерцал ребяческим расстроенным накалом,
А к форме лишь влеклись случайные энергии хаоса, которые
Воспринимали каждый всплеск огня руководящим пламенем.
Шагов разумных слепая сила эта делать не могла;
175. Испрашивая света, она шла путеводной нитью тьмы.
При этом несознательная Мошь шла к восприятию наощупь,
Материя, сраженная Материей, проблескивала к ощущению,
Прикосновения слепые, неспешные реакции неумолимо выбивали
Искры инстинкта из скрытой подсознательной основы,
180. Теснились ощущения – немые суррогаты мысли,
Ударам пробуждающим Природы то восприятие отвечало,
Но этот отклик был лишь чисто механическим -
Толчком, прыжком, рывком во сне Природы,

- И необузданные, грубые удары эти, соперничая, приходили,
185. Внимания не обращая на любые не свои поползновения,
И сталкивались в темноте своей с ударами, что были ещё темнее,
Свободными являясь в мире анархии размеренной.
Существования потребность и выживания инстинкт всецело
Овладели волей рискованного напряженного мгновения
190. И ничего не видящим желанием, внезапно ощутившим пищу.
Вспышки Природы эти были единственным законом,
Сила боролась с силой, но безрезультатно: достигнуты лишь были
Побуждение и обладание без понимания их сущности
И чувства, и инстинкты, которые не ведают истока своего, -
195. Чувства страданий и наслаждений, которые быстро находят и теряют, -
И неодоушевленное движение неразумных жизней.
То был пустой излишний мир,
Чья воля породила слабый и печальный результат,
Бессмысленные муки и недовольство смутное и серое.
200. Казалось, не имеет ценности работа становления мира этого.

- Но так не ощущал взор пробужденный духа Ашвапати.
Как некая отдельная звезда – свидетель одинокий, Света страж,
Что в отдалении сияет, пылая независимо в течении
Наполненном и медленном лишенной мыслей Ночи,
205. Как некий обособленный мыслитель в бесцельном мире,
Который ожидает божьего, невероятно сильного рассвета,
Он видел истинную цель в этих деяниях Времени.
Даже в такой бесцельности была проделана работа,
Наполненная смыслом, божьей волей и волшебным изменением.
210. Сплетения первые космической змеиной Силы раскручивались из
Мистического круга лежащей в трансе неживой Материи;
Она главу свою подняла в благоприятной атмосфере жизни.
Но не могла ещё она отбросить Ночи сон густой
Или носить необычайно эффективные черты ума,
215. Одеть на хохолок свой драгоценный души корону
Или возвыситься в сиянии солнечного света духа.
Пока видны лишь были только её низшие черты и сила, -
Непостижимое переползание сознания к свету
По плодородному дну страсти и переборкам чувства
220. Под коркой тела, развитого божьей силой «я» -
Неторопливая, пылающая в темноте работа,
Брожение мутное горячей перемены всей Природы,
Фермент творения души из черной грязи.
Божественный отросток, на себя надевший эту серую личину,
225. И падшее неведение под ночи покровительством
Трудились, чтоб исполнить неприглядную работу -
Снять камуфляж с потребности у Несознания,
Чтоб проявить сияние Бога в грязи Природы.
Взор Ашвапати – духа, воплощенного в глазных орбитах -
230. Проникнуть смог сквозь серый, светом брызжущий туман,
Внимательно рассматривая тайны потока жизни, что движется
И оживляет клетки тела, безмолвные, сплошные, однородные,
И мысль в себе несет, и плоти страстное стремление,
И вождение острое, и голод его воли.

235. Прослеживал он это в потоке, что сокрыт от внешних глаз,
И видел всё, что происходит в нём, вплоть до чудесного источника.
Мистическое тайное Присутствие, которое прощупать никто не может,
Творец игры сияния и мрака, которым управлять никто не может,
В парадоксальной жизни отчасти горькой и отчасти сладкой
240. Просит от тела близкого знакомства с душой
И, благодаря вибрации мгновенной нервного центра,
Соединяет трепет механический со светом и любовью.
Это Присутствие зовет уснувшие воспоминания духа, лежащие
Под пеной Времени, подняться вверх из подсознательных глубин;
245. Забывшие о пламени счастливой истины своём,
С глазами утомлёнными, взирающими лишь с большим трудом,
Они приходят, замаскировавшись чувствами, желаньями,
Как сорная трава ненадолго всплывает на поверхность
И утопают вскоре в сомнамбулическом потоке.
250. Хотя движенья силы Жизни пришли в упадок и нечисты,
Всё же в Её глубинах таится истина небес,
И в самых темных Её частях горит этот огонь.
Прикосновенье божьего восторга в актах творения,
Воспоминание счастья, утраченное жизнью,
255. В корнях дремотных смерти и рождения еще таятся,
А мира красота бесчувственная отражает блаженство Бога.
Улыбка этого восторга сокрыта тайной повсеместно;
Она струит в дыханье ветра и в соку деревьев,
И всё великолепие её просвечивает ярко в листьях и цветах.
260. Как только Сила Жизни пробилась сквозь полусон в растениях,
В которых ощущала и страдала, но не могла звать и двигаться,
Она в крылатой птице, в звере и в разумном человеке
Ритм сердца музыкой своею сделала;
Ритм этот вынудил проснуться все бессознательные ткани
265. И счастья требовать, и получать мучения,
И трепетать от удовольствия и смеха при блаженстве мимолетном,
И постоянно дрожать от боли и желать экстаза.
Повелевающая, плохо понимаемая и немая, слишком далекая
От света и слишком близко расположенная к сердцу существа,
270. Странно рожденная во Времени из вечного Блаженства,
Она сжимает сердце и нерв животрепещущий;
Её острейший поиск самоё себя на части раздирает сознание наше;
Такое жало является причиной наших страданий и удовольствий:
Интуитивное, слепое, невидящее истинную радость,
275. Желание души хватается за мимолётный случай.
Всесожигающий порыв Природы, противиться которому нельзя,
Приходит, нарастая сквозь кровь и чувство, ставшее живым;
Причина этому – экстаз самозабвенный Бесконечья.
Он превращает в нас в конечные влечения и страсти
280. Желание покорять и обладать, схватить и удержать,
Расширить поле и границы жизни, и удовольствий уровень,
Бороться и одолевать, и делать что-то чем-то собственным;
Он также превращает в страсть надежду разделить любую радость
С радостью других, стремление владеть и подчиняться,
285. Любить и быть любимым, и чувствовать, и жить.
Здесь Сила эта впервые испытала свою короткую попытку быть,

- И преходящего блаженства завершенье скорое своё,
 Чей штамп провала тревожит постоянно несведущую жизнь.
 Навязывая до сих пор эту привычку клеткам,
290. Фантом неблагоприятного и темного начала, как призрак
 Следует за всеми нашими мечтами и делами.
 Хоть на земле и прочно утвердилась жизнь,
 Рабочие привычки или здравый смысл закона,
 Повтор стабильный в течении повседневном,
295. Всё ж корни воли – вечно те же самые;
 Все эти страсти – вещество, нас сотворили из которого.
 Таким был первый крик проснувшегося мира.
 Он липнет к нам и стискивает бога в нас.
 Даже когда проявлен разум, когда и в звере, и в рептилии,
300. И в человеке мыслящем душа живую форму обретает,
 Крик этот остается и является источником всей жизни.
 Всё это было необходимо, чтоб жизнь и прана могли существовать.
 В конечном и невежественном мире дух
 Должен силой освободить своё сознание скованное,
305. Что было вплетено в струенья малые трепещущих созданий
 Из запечатанного бесконечья Несознания.
 Он понемногу набирает вес и ищет Свет.
 Природа эта живет привязанной к истоку своему,
 И лапы низшей жизни еще лежат на ней;
310. Из несознательных глубин внезапно проявляются её инстинкты;
 Сосед жизни самой Природы – неодушевленное Ничто.
 Невежественный мир был создан именно по этому закону.

- В загадочной мистерии тех сумрачных Глубин,
 Где Бесконечье утеряло страсть и «я»,
315. Где всё погружено в ту Пустоту, что отрицает сущее,
 Ночь Не-Существования могла бы длиться вечно,
 Если б само Существование не погрузилось в эту темноту,
 С собою привнося крест свой мистический тройной¹¹.
 В мир, временем объятый, призывая вневременную истину,
320. Блаженство, обращенное в страдание, и знание, создавшее неведение,
 И сила Бога, превратившаяся в детскую беспомощность,
 На землю могут низвести своею жертвой божьи небеса.
 Противоречие закладывает фундамент жизни:
 Божественная вечная Реальность лицом к лицу
325. Столкнулась с противоположностями собственными;
 Существование стало Пустотой, Сознание-Сила -
 Неведением и поступью слепой Энергии,
 Экстаз же принял образ боли мира.
 В мистическом законе божьего произволения
330. Та Мудрость, что готовит будущие завершения свои,
 Всё запланировала так, чтобы начать свою неспешную игру.
 Игра при сумеречном свете в прятки,
 Борьба любви и ненависти, страха и надежды -
 Поиск с повязкой на глазах и схватка, и неловкое объятие
335. Полуслепой Природы и спрятанной Души

---

¹¹ Сат-Чит-Ананда

- Возобновляют в детской комнате ума тяжелую и трудную
Игру двух этих самопорожденных близнецов.
В конце концов, Энергия борьбы становится способной всплыть
И проявить Существование, немое прежде, в гораздо более широких сферах;
340. Там эти Двое смогут говорить и видеть, и, встретившись
Лицом к лицу в сознании бóльшем и ярком свете,
Обняться и поспорить, и познать друг друга,
Теперь вплотную созерцая лицо партнера.
Даже в аморфном круговороте этом смог Ашвапати ощутить
345. Реакцию Материи на робкое начальное движение души.
В Природе видел он могучий скрытый Дух,
Едва заметное рождение огромной Силы наблюдал,
Отыскивал загадку нерешительного шага Божества
И слушал ритмы робкие великой нерождённой Музы.
350. Затем от пробуждающейся Жизни пришло дыханье горячее,
И из туманной бездны сущего возникли
Творения странные чьего-то мыслящего чувства,
Полуреальные и полуприснившиеся сущности.
Жизнь там была, которая надежды выжить не имела:
355. Рождались существа, которые потом бесследно исчезали,
События, что были частью драмы неопределенной формы,
И действия, что направлялись волею творения слепого.
Стремящаяся к жизни Сила нашла свой путь создания формы
И построения узоров радости, любви и горя,
360. И образов, которые определяют тон Жизни.
Комар в своём стремлении к блаженству бил крыльями и ползал,
И наслаждался трепетом воздушным в лучах от солнца,
Восторги же дракона и страдания питона
Стелились в слякоти болота, касаясь солнца лишь слегка.
365. Громадные, покрытые броней живые горы сотрясали землю,
Гигантские могучие творения с мозгами лилипутскими
И племена пигмеев навязывали жизни своё ничтожное течение.
Моделью человечества, которое берет своё начало от пигмеев,
Природа претворила в жизнь свой экстремальный опыт
370. И главный замысел каприза своего,
Блистательный итог её восхождения, сознательного лишь наполовину,
По небольшим ступеням меж паденьями и взлетами,
От бесконечно малых форм к гигантским,
К тончайшему балансу тела и души,
375. К порядку разумной малости.
Вблизи от Ашвапати в биеньях Времени
Возникло царство животной сущности,
Где действие есть всё, а разум наполовину лишь проявлен,
Где сердце повинуется беззвучной и незримой власти.
380. Здесь Сила, которая работает под действием света Неведенья,
Поставила эксперимент животный свой,
Созданиями сознательными наполняя собственную схему мира;
Они были живыми только внешне и отвечали
Только лишь поверхностным явлениям и только на запросы
385. Тех потребностей, что управляли этой жизнью.
Тела, которые не ведали своей души, там жили,

- Желали и впадали в ярость, радовались, и испытывали горе;
И разум, что там был, встречал материальный мир,
Как чужака или врага у двери своего пристанища:
390. Мышление это формировалось ударами по чувствам;
Ум не пленялся духом в образе,
И не вникал в сердце того, что видел;
Он не искал ту силу, которая стояла за действием любым,
Не изучал скрытых мотивов в сущем мире,
395. И не старался постигнуть смысл такого мира.
Там были существа, которые носили человеческую форму;
Их жизнь была поглощена страстями окружения,
Они не знали, кто они такие и зачем живут здесь:
Довольные, что дышат, ощущают, чувствуют и что-то делают -
400. Для них жизнь не имела цели, кроме сохранения радостей Природы
И побуждений, и восторга от внешних проявлений мира;
Отождествившись с внешней оболочкой духа,
Они трудились ради желаний тела, не требуя ещё чего-то.
Завуалированный зритель, смотревший из тех глубин,
405. Не вглядывался взором внутренним вовнутрь себя,
Не поворачивался вглубь, чтобы найти творца сего сюжета,
Он видел только эту сцену и драму, идущую на ней.
Там не было давленья чувства глубочайшего,
Зависшего в раздумьях, и бремя раздумий этих никто не нёс:
410. Разум рассматривал Природу глазами, невежественными в пору эту,
И обожал её блага, и опасался её чудовищных ударов.
Он не раздумывал над магией её законов,
Не жаждал найти секрет внутри колодца Истины,
Но вёл журнал скоплений фактов,
415. Нанизывал на нить живую ощущения:
Охотился, спасался бегством, разнюхивал ветра,
Или лентяйничал при солнечной погоде на теплом воздухе:
Искал контактов увлекательных, но только лишь затем,
Чтобы питать своё поверхностное чувство одним блаженством.
420. Почувствовав дрожь жизни от внешних прикосновений,
Те существа не в силах были ощутить за этим прикосновением души.
Оберегать своё обличье «я» от бед Природы
И наслаждаться, и выживать – об этом только они заботились.
Дней кругозор их ограниченный наполнен был творениями живыми
425. И тем, что может нанести ущерб или помочь:
Все смыслы мира зависели от сущности их незначительной.
Объятые громадным неизвестным миром,
Чтобы спасти себя от Смерти, поджидающей со всех сторон,
Они в защиту от осады всей вселенной
430. Создали пояс крошечный оборонительной системы:
Они охотились на мир и были его добычей,
Но даже не мечтали победить и стать свободными.
Советам Силы Мира и запретам строгим подчиняясь,
Они из всех богатств Природы забирали себе лишь небольшую часть;
435. Осознанные правила ещё не появились, и цели жизни не было:
Шаблоны рассуждений небольшого коллектива фиксировались
В качестве закона поведения, сообразного традициям.
Не ведая души, лишь смутно осязая что-то внутри себя,

- Привязанные к механизму неизменных жизнью
440. И к смыслу пресному, к обыденному ритму чувств,
Они кружились в привычной колее животного желания.
Они трудились и воевали, окружившись стеной из камня,
Объединенным эгоизмом творили незаметное добро
Или вред страшный и боль безжалостную наносили
445. Разумным существам, не думая, что совершают зло.
В пылу страстей от разрушений селений мирных и счастливых,
Пресытившись резней, разбоем, грабежами и поджогами,
Они людей беспомощной добычей делали
И пленников своих пожизненно в страдания ввергали,
450. Иль превращали пытку в развлечение, спектакль, посмеиваясь,
Нервы щекоча мучениями жертв, терзаемых прилюдно;
Собою похваляясь в качестве титанов и богов,
Они с гордыней воспевали свои высокие и славные деяния
И восхваляли свои победы и силу превосходную свою.
455. Животное в том стаде инстинктивном, толкаемое импульсами жизни
И понуждаемое общими заботами, - так каждый соплеменник
Видел в роду своем зеркало эго собственного;
Все члены племени его служили цели и делу группы всей.
Такие, как он сам, – родня по крови или по обычаю -
460. Для него были частью жизни, как дополнения всех «я» его,
Как дополнительные звезды его собственной туманности -
Партнеры и участники его «я» солнцу подобного.
Хозяин той среды, что окружала жизнь его,
Вождь человеческой толпы, живущей общим стадом,
465. Он стягивал вокруг себя людские родственные Силы,
Чтоб защититься на земле небезопасной,
Чтоб общий фронт создать против зла мира,
Иль - слабый и одинокий на равнодушной к нему земле -
Чтобы построить крепость для сердца своего открытого,
470. Иль чтобы скрасить одиночество телесное своё.
В других породах он чувствовал врага, чужую силу,
Не полностью знакомую ему, чтобы её бояться и остерегаться,
Соперника и незнакомца, чтобы давить его и ненавидеть.
Или он жил как одиночное животное;
475. В войне со всеми он нёс свой жребий одинокий.
И, поглощенные делами повседневными и днями скоротечными,
Все люди дальше сиюминутной выгоды и видеть не хотели
И не мечтали сделать эту землю благоприятным миром,
Не чувствовали, как прикосновение божье сердце поражает.
480. Та радость, что приносит сила, преходящее мгновение,
Желание осознанное, опыт завоеванный, восторг,
Движенье, скорость дел для них блаженство заменяли,
А ссоры и совместные телесные желания, потребность в ком-то,
Слезы, смех, игру они любовью называли.
485. В конфликтах или в дружеских объятиях потребности такие
Взрачивали Жизнь Всесущую, борьбу с единством разделенным,
Внося всеобщее страдание и счастье
В неведение о высшем «Я», вечно едином.
Вооружив творения свои блаженством и надеждой,
490. Наполовину пробужденное Неведенье старалось распознать

- Внешнюю сторону явлений одним лишь осязанием и зрением.
Был сформирован инстинкт; в спрессованном сне памяти
Минувшее жить продолжало, как в бездонном море:
В подобие мышленья превращая ставшее ярким чувство,
495. Искало истину Оно наощупь, неумелыми руками,
И прижимало к себе ту малость, которую могло достичь и охватить,
И отложить накопленное Ею в свою пещеру подсознания.
Так должно было существу неясному взрастить в себе и свет, и силу,
Восстать, воскреснуть, наконец, в судьбе своей возвышенной,
500. Взглянуть на Бога и окружение его во всей вселенной,
Учиться на ошибках и падениях и двигаться вперед,
Сражаться со враждебным окружением и роком гибельным,
При помощи страдания открыть свою таинственную душу
И с обладанием таким дойти до своих собственных просторов.
505. На полпути жизнь эта остановилась и не нашла дороги дальше.
Ничто ещё осуществленным не было – все только началось,
Хотя казалась совершенной арена её силы.
Она смогла лишь высечь только искры из неведенья природы;
Лишь жизнь имела некое сознание – не разум,
510. Лишь некое сознание могло всё осязать – но не душа.
Лишь некий жар был явлен от сиянья Жизни, а также
Радость некая от бытия, и некие восторги чувств.
Это был импульс Силы, наполовину лишь сознательной, дух некий,
Который расползаясь по земле, в сгущенья пены жизни погрузился,
515. В «я» смутное, цеплявшееся слепо за образы явлений.
За всем этим стоял, ища сосуд, в котором следует держать
Сырое раннее вино из винограда Бога -
Пролитое на грязь земли небесное Блаженство,
Которое пьянит в оцепенении застывший разум, душу,
520. Пьянящее вино экстаза, темное, незрелое
И слабое ещё, ещё не перелитое в сосуд духовный, -
Стоял неясный обитатель сокрытой сердцевины мира,
Желание немое и воля божества грядущего.
- Свой лик теперь творение третье открыло.
525. Была отлита матрица телесная для разума первичного.
Яркая вспышка света воспламенила Силу Мира приглушенную;
Она Идеей зримой наделила мир ведомый,
Вооружив акт силы динамичным местом мысли:
Теперь деянья Времени отслеживало существо разумное.
530. Тернистая людская эволюция в своем стремлении снизу
Призвала к скрытому вмешательству с небес;
Если б не это, слепой и несознательный, великий Универсум
Не смог бы никогда раскрыть свой скрытый разум
И даже с шорами заставить в человеке заработать
535. Интеллект, который изобрел космическую эту схему.
Сначала в этом всё увидел Ашвапати движение неясной силы разума,
Сокрытое внутри Материи и бессловесной жизни.
Волною слабой она втекала в поток безбрежной жизни,
Вздываясь и дрейфуя по воле ветра, как облака небесные,
540. По морю этому в мерцающих дрожащих струях,
Освобождаясь в брызгах чувств и волнах ощущений.

- А в самой середине не ощущающего жизни мира
Теснящиеся волны и выплески сознания стремились, группируясь,
Кружась в водоворотах, пройти сквозь узенький пролив,
545. С собою в этот переполненный проход переживание принося.
Это течение пробивалось в просвет вверх из омута глубокого
Начала своего, что за порогом подсознания скрывается,
Чтобы достичь какого-то высокого сознания, пока что неизвестного.
В нём не было ни мыслящего «я», ни цели ясной,
550. А были лишь неясные искания и некое спонтанное давление.
На зыбкую поверхность только поднимались
Удары острые и крайности желанья и воспрятья некие,
Метания страстей и всплески всех эмоций,
И диалог случайный плоти с плотью,
555. И страстное шептание сердца с сердцем бессловесным,
Намеки знания мыслью, лишенной формы,
Желанья подсознательного всплески иль тяга голода.
Всё это было неясным проблеском на пенном гребне:
Он возникал вокруг дрейфующего призрачного «я»
560. В потоке несознательном во Времени – в потоке Силы.
Затем пришло давленье Всемогущего, всевидящего суть,
Которое собрало всё в туманную кружащуюся массу,
Скользкую вокруг единственной ярчайшей точки -
Вокруг связующего центра в сознательном пространстве,
565. Фигуры целостного внутреннего Света.
Свет этот озарил влечение полусознательного половодья
И даже дал иллюзию стабильности,
Как если б море могло сойти за почву твердую.
То Всемогущество внимательное, странное свой навязало взгляд.
570. Оно придало форму и границы этому потоку,
А вдоль течения создало низкий узкий берег и вдоль него
Сеть натянуло, чтобы поймать и проявить духа бесформенность.
Оно же смоделировало разум жизни зверя, птицы,
Ответную реакцию рептилии и рыбы
575. И примитивный образ мыслей человека.
Конечное движение Бесконечья проявилось
В полете по своему пути через широкие просторы Времени;
В Незнании маршировало знание,
И этим утверждало в материальной форме душу разделенную.
580. Оно оставило в запасе её право быть бессмертной,
И также выстроило вал защитный против осады смерти,
И крюк забросило, чтоб вечность ухватить.
В Пространстве появилось существо разумное.
Мир упорядоченный в поле зрения ворвался, в котором
585. Это существо владело местом, ограниченным для действий,
Наблюдений и прогулок, отчетливым, но явно скудным.
Родилась личность – инструмент Природы -
И ограниченный, внедренный в тело интеллект,
Согласный приковать к границам узким свой поиск;
590. Он – этот интеллект - мышление привязал к тому, что видел,
Препятствуя рисковым приключениям Незримого
И похождениям души сквозь неизведанные бесконечья.
Рассудок рефлекторный - зеркало характера Природы -

- Жизнь озарил, чтоб узнавать и закреплять свои познания,
595. Осознавать опасную недолговечность собственную,
Неубедительную цель пути такого и пользу
От рискованного случая людского жизненного срока
В начертанных границах человеческой судьбы.
Познание и небольшая радость вознаградили
600. То небольшое существо, увязанное в некое сгущение и целиком
Зависимое от окружающей среды, как некий бугорок её,
Тот небольшой извив, отрезанный от Космоса безмерного,
Тот небольшой отрезок жизни во Времени безбрежном.
Мысль в нём была, чтоб строить планы и воля, чтобы прилагать усилия,
605. Но ради мелких целей и в узком поле действий,
Растрачивая труд неизмеримый на преходящие деяния.
Оно себя считало творением из грязи
И не просило ни высокой цели, ни благоприятного закона;
Оно не обладало взором внутренним и зорким взглядом в небеса.
610. Как отстающий школьник за шаткой партой логики,
Знакомый лишь с теорией своих заблудших чувств,
Оно воспринимало видимость за лик божественный,
Движенье солнц – за некие случайные огни,
Полоску звездной сини – за небеса;
615. Отдельные аспекты бытия прикидывались его всецелой истиной.
Существовала связь активного словесного обмена -
Рынок обыденных решений, мыслей:
Жизнь прекращалась рано, невольник тела – разум -
Казался бриллиантовым венцом деяния Природы, при этом
620. Крошечные эго воспринимали мир как средство кратковременного
Насыщения желаний скоротечных и вожделений низких, а в переходе,
Завершающемся смертью, лишь видели начало и окончанье жизни,
Словно безвыходный тупик был признаком творения,
Как будто бы как раз для этого душа возжаждала рождения
625. В стране чудесной мира самотворного,
Среди возможностей бескрайнего вселенского Пространства.
Это создание в своем всепоглощающем стремлении к выживанию
Себя сковало мыслями ничтожными без широты какой-либо
И нуждами телесными, восторгами, мученьями;
630. Этот огонь, произрастающий на смерти выгорающего тела,
Рос только потому, что делал своей собственностью всё, схваченное им:
Это создание сбирало и возрастало, но никому себя не отдавало.
Оно лишь уповало на величие в своей берлоге,
На удовольствии, победу в малых границах силы,
635. Завоевание жилого места для себя, своей родни,
Как некое животное, границы возводящее для места своего кормления.
Оно не знало в своем жилище о Бессмертии;
Оно не обладало более глубоким и великим мотивом для жития.
Оно было могущественным только в своих границах;
640. Внимательное, чтобы для зримой пользы видеть истину,
Всё знание его являлось инструментом тела;
Увлечшееся мелкими делами тюремного жилища своего,
Оно вращалось вокруг одних и тех же дел,
В одной и той же сфере интересов и желаний,
645. Но мыслило себя хозяином своей темницы.

- Не для познания его создали, но, главным образом, для действия -
Мысль в нём была вершиной или верхним краем его канавы жизни:
Оно осознавало образ только мира внешнего и видело
Лишь только «я» поверхностное, большего не зная.
650. Из медленного путанного мятущегося поиска «я» истинного
Ум прорастал к непревзойденной точной ясности; тянулся он
К любому проблеску, что изнутри невежества инертного лучился.
И в руководстве ограниченном такого узкого мышления,
Привязанного к повседневности земной, обычной,
655. Пристегнутого к миру замкнутому и ему привычному,
Средь множества сюжетов жизни побудительных,
Её актеров разных и обилья масок
Жизнь эта была игрой однообразной, монотонной.
Там не было ни взглядов глубочайших в будущее духа,
660. Ни скорого пришествия блаженства неизвестного,
Ни золотых глубин освобождения обширного.
Всё в этом царстве узком похоже было на наши человеческие дни,
Но установленные в вечности не изменяемыми навсегда:
Движение мгновения любого обречено было тянуться сквозь века.
665. Существование как мост перекрывало бессознательные бездны,
Как полуосвещенное строение, затянутое легкой дымкой,
Что восставало перед взором из Очертанья пустоты
И выдавалось в пустоту Души.
Неяркий свет родился в темноте великой,
670. Не знала Жизнь, куда она идет и своего источника, откуда появилась.
Вокруг ещё всё оставалось во мгле неведенья.

Конец Песни четвертой

Песнь пятая БОЖЕСТВА НИЗШЕЙ ЖИЗНИ

- Застывшая и ограниченная сила в неизменяемых и косных формах -
Таким предстало царство низшей жизни пред взором Ашвапати,
Таким пред ним предстал несчастный перекресток в вечности.
Тот уголок существовал на самом крае сферы Мысли,
5. Был защищен он скорлупой Неведенья.
Затем, познать надеясь тайну мира этого,
Окинул Ашвапати взором эту скудную обочину,
Чтоб сквозь прозрачную поверхность той неясности увидеть
Силу, которая мир этот направляла, и Мысль, которая его создала,
10. Навязывая малость Бесконечью самому,
Чтобы увидеть дух, который правит этой малостью,
Божественный закон, что предоставил ей право быть
И требовать себе Природу и Время, как свою потребность в этом.
Он погрузил свой взор в скопленье пелены,
15. Которая покрыла этот плохо освещенный узкий материк,
Повсюду окруженный облаками и морями полного неведенья,
И охраняла его от Истины и Света, и сущностного «Я».
Как если бы прожектор грудь слепую Ночи насквозь пронзил
И проявил как-будто в Пустоте открывшиеся глазу

20. И хижины людские, и деревья, и самих людей,
Так скрытое на том материке из-под своих покровов проступило
И в ярко-белой вспышке виденья пред ним предстало.
Чудные, хлопотливые, лишённые покоя людские массы
Кишели там неясными и незамеченными тысячами.
25. Под пеленою тайны, окутывающей сцену мира,
Низшие божества деяний Времени на низших планах,
Трудившиеся вдалеке от надзирающего глаза Неба,
Плели интриги втайне от творений, которыми они играли,
И маленькие заговоры в своем мелком королевстве,
30. Попутно развлекаясь измышленьями, несбытными надеждами,
Недолгими и острыми шагами и не главными путями,
Валянием души продажной в темноте и пыли
И раболепием, бесчестием холуйствующей жизни.
Пугливая и пестрая толпа привиделась ему -
35. Неразбериха странная магических мастеровых,
Формующих пластичную ткань жизни,
Проказливый волшебный род, какой-то вид стихийный.
Свечением этим непривычно ярким пораженные,
В тенях возникли, как будто были тем местам присущи,
40. С кривыми лапами и лицами звериными резными чертенята
И сказочники-лешие, иссохшие как гоблины и ростом с маленькую фею,
И джины беспристрастные, но низкие, бездушные,
И потерявшие удел небесный падшие существа,
И божества заблудшие, пойманные пылью Времени -
45. Невежды заплутавшие, опасные, владеющие силой,
Полуживотные с полубожественным настроем и обличем.
Из этой серости, из шума трудно различимого
Доносятся нашептыванья их, сила невнятная приходит,
Гулкая мысль иль слово в уме осознается,
50. Согласие сердца притягивает жало влечения их -
Так все они в Природе этой низшей свою работу делают
И наполняют силы и творения тревогой смутной.
Из зерен радостей своих они растят страдания плоды,
Дыханьем заблуждений гасят скудный свет сознания
55. И оборачивают истины поверхностные к ложным целям.
Эмоции их побуждают, а страсти направляют и ведут
Сквозь грязь, трясину или прямо в пропасть;
Или прокладывают курс они кнутом сильнейшей жажды вожделий,
Пока дорогами окольными, что в никуда ведут, трясется
60. Жизни колесница, из этого неведенья не находя пути.
Шутить с добром и злом – таков закон у них;
И предрекая неудачу или бессмысленный успех,
Они решения свои нарочно искажают или плутуют с их мериллами,
Познание превращают они в отраву, а добродетель - в образец тупой;
65. Желанья цепи бесконечные они несут сквозь внешнее подобие
Случайности счастливой или плачевной вовсе
К неотвратимой катастрофе.
Всё устанавливается там под их влиянием.
Не только в этом их владычество и роль:
70. Везде, где жизни существуют без руководства и без души их разум,
И в каждом смертном теле всё определяет только эго,

- Везде, где нет ни света, ни любви, ни широты душевной,
Эти кривые костюмеры примеривают к телу только свой костюм.
Их царство утверждается во всех полусознательных мирах.
75. Божки эти там подгоняют сердца людские,
Природы нашей сумерки – их место потаённое:
Здесь ослепленное простое сердце также повинуется
Замаскированным внушениям чьего-то скрытого Ума,
Который освещает наше знание светом обманчивым
80. И восстает меж Истиной спасительной и нами.
Он разговаривает с нами голосами Ночи,
И наши жизни ослепленные влекутся в тьму гораздо большую,
А наши поиски губительным надеждам предаются.
Построена структура незримых мыслей,
85. И Силой неразумной воспользовался разум.
Учитель наш и наша нянька – не одна Земля:
Здесь вход имеется для сил определенных всех миров.
На своих собственных полях они чтут колесо закона
И ценят безопасность укоренившегося вида;
90. На выброшенной из их сферы, где изменений нет, Земле
Закон их действует, но форму свою жесткую теряет.
Их влили в хаос того творения,
Где всё просит порядка, но Случаем приводится в движение;
Они – пусть иноземцы - должны учиться следовать дорогами земными,
95. Пришельцы или антиподы – они должны объединиться:
Они работают, сражаются и соглашаются совместно действовать с трудом.
Одни объединяются, но разделяются другие - всё повторяется сначала,
Но никогда не сможем мы ни правильно осознать, ни жить,
Пока все не найдут свою гармонию, им богом данную.
100. Неясная дорога нашей жизни наматывает петли,
А поиск беспокойный нашего ума всегда испрашивает света,
Пока они свою разгадку не познают в своем источнике,
В свете Предвечного и его доме безграничном,
В блаженстве Вечного - единственного и единого.
105. Но Свет всевышний от нас сейчас - на дальнем горизонте,
И жизнь сознательная наша еще послушна Несознания законам;
К невежественным целям и слепым желаниям
Сомнительная сила двигает сердца людские,
И все победы нашего ума венчает лишь весьма потертая корона.
110. Меняющийся медленно порядок как тормоз сдерживает волю.
Судьба такая суждена для нас, пока душа свободу не получит.
Тогда могучая Рука вернет обратно свод ума небесный,
И все деяния конечного впитают Бесконечье,
И вся Природа вступит в вечный Свет.
115. Только тогда сон низшей жизни завершится.
- От самого начала загадочного мира этого,
Который кажется громадной и бесчувственной машиной
И полем медленного разворачивания духа в сущем,
В этом кружащемся жилком пространстве без внешних стен,
120. В котором Бог бесстрастно повсеместно пребывает,
Как будто неизвестным самому себе и нам невидимым,
В каком-то чуде тайны неосознанной, -

- До сей поры всё здесь Его, и действие, и воля есть Его.
В кружении этом и расширении сквозь пустоту без края и конца
125. Дух стал Материей, и в этом расширении покоится он
Неким спящим телом неодушевленным или без сознания.
Феномен общий форм, обычным глазом видимых,
Поддерживаемый Пустоты безмолвием,
Стал очевидным вечному Сознанию,
130. И он ему казался внешним и лишенным чувств живых.
Там не присутствовало ничего ни зримого, ни осязаемого;
Лишь чудодейственное Подсознание -
Тонкий искусный чародей осуществлял свою задачу.
Изобретая средства достижения волшебных результатов
135. И управляя непостижимым механизмом этого творения,
И проставляя автоматически хранящие молчанье знаки мудрости,
Используя рутинную бездумную Идею,
Он делал ту работу, что обозначал рассудок Бога,
Иль волю исполнял неведомого Вседержителя.
140. Безмолвное сознание скрыто было в лоне Природы,
Не было чувств, чтоб ощутить Блаженство, в котором плыли те миры.
Существование было инертною субстанцией, ведомой Силой.
Вначале было только эфирное Пространство,
И сотрясали его раз за разом гигантские пульсации,
145. И это стало неким первым непостижимым шагом.
Поддержанный Дыханьем высочайшим изначальноным,
Мистический акт расширения и сжатия
Создал в пространстве этом касание и трение,
Внёс в пустоту абстрактную соударение с объятием:
150. Вселенной расширяющейся Праотец,
Силу распада в некоей матке изливая,
Без изменения оставил сумму бесконечную.
В домашнем очаге Пространства Огонь незримый загорелся,
Который в нём, миры рассеивая искрами, как некто сеет семена,
155. Сияющий строй звезд вовлек в кружение вихревое.
Безмерный океан электризующей Энергии,
Сформировавший без всяких форм странные частицы-волны,
Организуя танцем их трехмерное строение,
Закрыв на отдых в атоме своё могущество;
160. Были придуманы иль сфабрикованы тела и видимые образы;
Свет испускал искру фотона, приоткрывающую мир,
И выявлял при вспышке этой в представленной детальности
Космос проявленного сущего.
Так создан был мир этот невозможный и реальный -
165. Явное чудо или убедительный спектакль.
Или таким он кажется нахальному уму субъекта,
Который выставляет свою мысль арбитром истины,
И видение личное своё – бесспорным фактом,
А мира объективности свидетелями -
170. Своё ошибочное чувство и ловкость мозга своего.
На самом деле ему придется решать реальную загадку жизни
В неясном свете, усваивая Истину при помощи проб и ошибок,
И постепенно отделять лик от его ложного покрова.
Иль веру потеряв и в чувство, и в рассудок,

175. И в знание своё, как зримый образец невежества,
Он здесь увидит в том, что странно скроено,
Непрошенную шутку вводящей в заблужденье Силы,
Иносказание Майи и её могущество.
Движение широчайшее и вечное, которое содержится
180. В непостижимом, постоянном изменении, не остановленного
Даже на секунду хода того, что Временем зовем мы,
И вечно повторяющие ритм периодический
Те самые изменчивые циклы, которые стереотип потоку создают,
И те стационарные объекты, кружащиеся в танце,
185. Которые не что иное, как Энергии повторные спирали,
Пускаемые в космос духом в раздумья погруженной Пустоты, -
Всё это ожидало жизни, чувств и Разума, восставшего из сна.
Мечтатель, застывший в позе камня, привстал немного.
Когда же эта скрупулезная работа была закончена, а Случай
190. Вынудили следовать законам, установленным и неизменным,
Сцена была готова для игры Природы с сознанием людей.
Затем зашевелился сонный недвижимый молчаливый Дух,
И Сила скрытая безмолвно, не спеша наружу выбралась.
Мечта о жизни пробудилась в сердце Материи,
195. И воля жизни вытряхнула из неё пыль Несознания.
Никем не занятое Время было потревожено причудой жизни -
Такой недолгой, эфемерной в лишенной содержания вечности,
И чрезвычайно малой в мертвом этом Бесконечье.
Тончайшее дыхание тотчас же оживило Материи создания мертвые;
200. Установившийся ритм мира преобразился в зов сознательный;
Сила змеиная влила себя в бесчувственную Силу.
Живые острова усеяли Пространство, лишенное доселе жизни,
И в воздухе бесформенном сформировались зачатки жизни.
Здесь зародилась Жизнь, которая без рассуждений чтит закон Материи,
205. Не ведая о движущих мотивах своих шагов;
Всегда лишенная покоя, при этом та же самая всегда,
Она всё время повторяла тот парадокс, который и привел к её рождению:
Её неугомонные изменчивые постоянства
Вновь повторялись в потоке Времени,
210. А целеустремленные движения в неразумных формах
Приоткрывали вспучивание Воли, заключенной в них.
Бодрствование и сон лежали, заключив друг друга в тесные объятия;
И удовольствие, и боль предстали неумелыми и еле различимыми,
Трепещущими первым слабым трепетом Души вселенской.
215. Сила той жизни, которая ни крикнуть, ни пошевелиться не могла,
Всё ж прорывалась в красоту, глубокое блаженство отмечая:
Неясная чувствительность,
Биенье сердца несознательного мира
Затронули его оцепененье сонное, и там зашевелились
220. Вибрации невнятные и смутные, блуждающие ритмы,
И темнота, спадающая с неких тайных глаз.
Взросло младенческое самоощущение и родилось рождение.
Богиня пробудилась, но её члены были ещё объаты дрёмой;
Её дом отказался открыть свои всё ещё запечатанные двери.
225. Неощутимые для наших глаз, что видят только
Действие и форму, но, уж, никак не Бога, который в них заключен, -

- Богиня-Жизнь упрятала в пульсации развития и силы своей оккультной
Сознание с немymi приглушенными ударами живого чувства,
Ум угнетенный, который не знал еще и мысли,
230. Инертный дух, который только мог тогда и быть.
Сначала Она ни голоса не подавала, ни смела двигаться:
Заряженная силой мира и инстинктом жизни,
Она цеплялась за землю безопасную своими лишь корнями,
Молча дрожала от потоков ветра и солнечных лучей,
235. Вытягивала пальцы-усики желания своих ветвей;
Энергия, стремящаяся к солнцу, к свету в ней, не ощущала ещё
Того объятия, что дало ей возможность дышать и жить;
И увлеченная всем этим, она мечтала лишь о красоте и колорите мира.
Но, вот, Безмерность, очарованная миром, направила свой взгляд вперед:
240. Взволнованная, энергичная и жаждущая она наощупь искала разум;
Затем неспешно затрепетало чувство, и выглянула мысль;
Она заставила упорно не желающую матрицу взрастить осознание.
Волшебная работа сотворила сознательную форму;
Её в транс приводящие вибрации задали ритм живому отклику,
245. А просветленные волнения тотчас же разбудили мозг и нервную систему
И пробудили в самой Материи отождествление с духом,
А в теле зажгли любви сердечной чудо
И взгляд души свидетельской.
При этом, принуждаемые высшей Волей, могли раскрыться
250. Кусочки небольшие глубокой побудительной причины становления,
Живые и отчетливые проблески «я» скрытого
И семена неясные, и сила внешних форм, направленная
На пробуждение от несознательного обморока мира сущего.
Животные создания кричали, ползали
255. И бегали, летали между землей и небом,
Преследовались смертью, надеясь выжить,
И рады были даже краткому дыханию.
Затем из изначального животного был отлит человек.
Чтобы поднять тональность жизни, пришел ум размышляющий,
260. Остро отточенное средство труда неясной, двойственной Природы,
Рассудок, интеллект – полусвидетель и полумашина.
Этот на самом деле мнимый движитель круга Её трудов,
Которого послали служить мотивом и запоминать Её течение,
Накладывать закон ума на Её силы переменчивые,
265. Эта пружина главная искусной инженерии
Стремилась просвещать и делать утонченным владельца своего
И поднимать к виденью Силы, пребывающей внутри него,
Незрелую способность к действиям в них поглощенного механика:
Глаза свои он поднял, и отразил свет Неба его Лик истинный.
270. На мир Она смотрела, который создала, и изумлялась
Трудами, сделанными во сне Её мистическом:
Великий, но бездушный этот автомат, похоже, охватило удивление;
Она промедлила, чтобы понять саму себя и свою цель,
Ведь, размышляя, она училась следовать сознательному правилу,
275. Мера предвиденья вела Её ритмичные шаги;
Мысль ограничила Её инстинкты рамками воли
И осветила идеей верной Её слепое побуждение.
К массе своих влечений, своих деяний рефлекторных,

- К течению их неспешному, которым заправляет Несознание,
280. К мистерии бездумных и прилежных своих шагов
Она прибавила благопристойный образ «я» -
Живой предмет слепого поклонения духу;
Её структурными законами увязаны все действия физического мира;
Из материальных клеток Она создала мыслящее тело,
285. А из ведомой силы сознательное существо отлила.
Быть тем, чем не была она ещё – вот, что зажгло Её надежду.
Она мечту свою нацелила на нечто высшее – Неведомое Ей;
На землю низошло дыхание высочайшего Единого.
Раскрытие направило свой взор к лежащим выше сферам,
290. И на земле, где смерть имеет силу, раскрашенные тени прорисовали
Фигуры мимолётные, принадлежащие бессмертью;
При этом приходила могла вспышка ярчайшая небесная:
Тогда души луч озаряющий на тело и на сердце падал
И прикасался видимым обликом света совершенного
295. Того, из чего созданы все наши мечты земные.
И появилась людская хрупкая любовь, чьи крылья эго скоротечные,
Такие как у мотылька, поднять не в силах душу серафима,
Пришло поверхностное обаяние, живущее недолго,
Гасимое скупым дыханием Времени;
300. Пришел восторг, который ненадолго позабыл о смерти, -
Гость редкий, быстро уходящий, который сделал так,
Что всё вокруг всем кажется прекрасным всего лишь час,
Пришли надежды, которые увяли вскоре до серых будней,
И страсти, что в пепел превращаются за время вспышки,
305. Своим недолговечным пламенем разжечь пытаюсь простую землю.
Творение незначительное, малое - людское существо,
К которому пришла и подняла которого неведомая Сила, -
Трудились на своем маленьком клочке земли,
Чтоб жить и наслаждаться, и страдать, и умереть.
310. Дух некий, который не исчезнет вместе с телом и дыханием,
Был там, как Непроявленного тень,
Стоял он позади той малой личной формы,
Но не претендовал еще на это воплощение земное.
Живет Свидетель в человеке – неосязаемый, неизвестный и могучий,
315. Который соглашается на долгий, медленно идущий труд Природы,
Который наблюдает за работой своего Неведенья,
И ореола Славы этого Свидетеля ничто не выявляет.
Та Мудрость, что направляет этот мир мистический,
Безмолвие, что слушает крик Жизни этой, - всё это Он,
320. Он – тот, кто видит, как течет спешащая толпа мгновений
К величию безмолвному мгновенью отдаленного.

- Этот гигантский мир неясным образом вращается
В тени задумчивого Несознания;
Он ключ скрывает к смыслам внутренним, упущенным,
325. В сердцах наших он запирает голос, который мы не можем слышать.
Таинственный труд духа, некий точный механизм,
Использовать который мы не знаем как,
Искусство некое, изобретательность без смысла -
Эта подробная, детально оркестрованная жизнь

330. Играет беспрестанно свои симфонии, лишённые мотива.
Ум учится и ничего не знает, спиной обращаясь к истине;
Поверхностным мышлением он изучает внешние законы,
Исследует этапы Жизни и наблюдает за процессами Природы,
Не понимая, почему она творит, и для чего мы живём на свете;
335. Он отмечает постоянную заботу её праведного инструмента
И допустимую запутанность деталей тонких,
И план изобретательный и смелый духа, искусного при этом,
В огромной несерьёзной массе её бесчисленных работ.
Он добавляет целенаправленные образы к бесцельному её итогу
340. И в кучу громоздит и этажи, и рвущиеся вверх крыши
На тесно расположенных фундаментах, выстроенных ею, -
Воображаемые цитадели, воздвигнутые в воздухе мифическом -
Или сооружает лестницу мечты к загадочной луне:
Творенья временные эти целят и попадают в небо.
345. Так создается схема предположений мира
На некоей сплошь туманной основе сомнений разума
Или мучительно воссоздается какое-то отрывочное целое.
Непроницаем и таинственно невразумителен
Тот план глубокий, в котором мы - всего лишь часть;
350. Его гармонии для взгляда нашего – неблагозвучия,
Поскольку мы не знаем темы, которой они служат.
Работа сил космических непостижима для людей.
Мы видим только лишь кайму волны глубокой и широкой;
Все наши инструменты не обладают нужным ярким светом,
355. И наша воля не настроена согласно Воле вечной,
И взгляд нашего сердца слишком пристрастен и слеп.
Не могущий понять и разделить с Природой такт мистический
И не умеющий прочувствовать ни сущность мира сущего, ни его импульс,
Рассудок наш не может прозондировать могучесть моря жизни
360. И лишь подсчитывает волны и изучает его пену;
Не знает он, откуда эти волны возникают и куда уходят,
Не видит он, куда несется этот будоражащий поток:
Старается он лишь направить в русло его силы,
Надеясь повернуть течение к нужной цели человека,
365. Но средства все его приходят из хранилищ Несознания.
Здесь действуют незримо неясные гигантские вселенские энергии,
А наша доля – только небольшие струйки и ручейки.
Наш ум живет вдали от подлинного Света,
Хватаясь только за мелкие фрагменты Истины,
370. В укромном малом уголке неизмеримой бесконечности,
Где наши жизни – лишь небольшие бухты силы океанской.
Движения сознательные наши идут из запечатанных источников
И отношений не ведут с туманными местами этими;
Взаимопонимание не связывает наши дружеские стороны;
375. Поступки наши плывут из тайников, которыми наш ум пренебрегает.
Наши серьёзные глубины не знают о самих себе,
Ведь, даже наше тело - мистическая мастерская;
Как корни наших земных растений скрываются от взглядов под землей,
Так точно же лежат невидимыми корни наших ума и тела.
380. Наши пружины тайные сокрыты тщательно внутри нас и под нами;
Есть силы за стеной невидимой, что наши души двигают вперед.

- В подземных тайных сферах духа власть действует,
Нисколько не заботясь о том, что означают её дела;
Писцы и контролеры неразумные той самой власти
385. Являются причиной разных наших мыслей и разных наших чувств.
Пещерные создания Ума полусознательного, обученные плохо,
Вялые и с заиканием на каждом слове – истолкователи все эти
Осознают свою лишь только узкую задачу и заняты
Лишь только записью задачи этой в наших клетках, упрятанных
390. В тех тайниках, что за порогом нашего сознания находятся
Среди оккультных темных механизмов; задача эта -
Ухватить ту тайную морзянку, чей ритм размеренный
Передает послания вселенской Силы.
Во внутренне ухо жизни проникает шепот,
395. И эхо раздаётся из темных подсознательных пещер;
Речь скачет, мысль дрожит, сердце трепещет, воля
Отвечает, и зову подчиняются и плоть, и нервы.
Все эти связи тесные и тонкие осуществляют наши жизни;
Всё это – дело нашей Силы.
400. Ум жизни это мыслящая кукла:
Его набор – работа сил стихийных, которые совсем не знают
Ни своего рождения, ни смерти, ни оснований этого всего,
Не видят даже мельком необъятной цели, которой они служат.
В той низшей жизни человека, тупой и серой,
405. Наполненной мучительными, мелкими, постыдными делами
Сознательную Долли гонят сотнями дорог,
И чувствует она не руки, что её ведут, но лишь одни пинки.
Ибо никто за этим не в состоянии видеть замаскированную трупку,
Для которой наши фигуры «я» - ведомые марионетки,
410. Наши деяния – невольные движения под их контролем,
А наша страстная борьба – лишь сцена некоего их представления.
Не знающие сами о собственном источнике оккультной силы,
Они всё же играют свою роль в этом огромном целом.
Агенты темноты, которые копируют свет Истины,
415. И духи темные, которые мир сущий побуждают тоже втемную, -
Они против желанья своего служат могущественной Силе.
Орудия Ананке¹², организующие частный Случай,
Превратные каналы Воли колоссальной, орудия Неведомого,
Который пользуется нами, как своими инструментами,
420. Фигуры, силой наделенные из царства низшего Природы
Для действий, которые своими собственными видят смертные -
Они приносят нам Судьбы несвязность
Или сплетают роковой исход небрежного каприза Времени
И жизнь людей кидают из огня в полымя
425. В игре неискренней и неуместной.
Их вещество бунтует против высшей истины;
Их воля ничком ложится лишь перед силою Титана.
Их власть чрезмерна для всех людских сердец,
Все изменения природы нашей прошли под их влиянием.
430. Малосущественные архитекторы выстроенных низших жизней

---

¹² Ананке - в древнегреческой мифологии божество необходимости, неизбежности, персонификация рока, судьбы и предопределённости свыше.

- И инженеры интереса и желания -
Они из грубой приземленности и мутной нервной дрожи,
И из сырых реакций материальных нервов
Выстраивают наши суматошные структуры самоволия
435. И плохо освещенные жилища нашей мысли
Или фабричными постройками и рыночными лавками от эго
Обносят, окружают, обступают прекрасный храм души.
Художники-временщики талантов малозначимых
Они рисуют своими красками сию комедию
440. Иль затевают тривиальную трагедию из наших дней:
Организуют действие, к нему примешивают обстоятельства,
На это всё фантазию костюма настроений надевают.
Эти неумные подсказчики несведущего сердца человека,
Наставники его сбивающейся с толку речи и воли,
445. Инициаторы и гнева мелкого, и ненависти, и вождельний,
И мыслей переменчивых, и всплеска эмоциональных приступов,
Эти поверхностные иллюзионисты со всеми своими масками
И оформители убранства подмостков тусклых,
И быстрые рабочие на сцене этой театральной пьесы -
450. Всё своё время заняты они лишь плохо освещенным местом.
Мы не способны сами выстроить свою судьбу,
Лишь как актеры разговариваем и исполняем наши роли,
Пока спектакль не закончится, и мы не уйдем со сцены
В Пространство тоньше этого и Время светлее нынешнего.
455. Так, вот, и навязывают нам закон свой карликовый
И ограничивают накинутой уздой движение человека к небесам,
Затем эту прогулку малопродуктивную заканчивают смертью.
- Такой жизнь повседневная является созданию эфемерному.
Пока властитель человека - лишь животные инстинкты,
460. И низшая природа заслоняет его душу,
Пока взгляд разума его направлен лишь во внешние владения
И служит только удовольствиям и интересам приземленным,
Ничтожность повседневных дел преследует его.
С тех самых пор, когда сознание родилось на земле,
465. Жизнь неизменна в насекомом, обезьяне, человеке,
Её материя – всё та же, её маршрут не изменился.
Хоть намерения и новы, и подробности богаче стали,
И появились мысль и не простые новые заботы,
И шаг за шагом жизнь примеривает лик светлее и светлее,
470. Всё ж в человеке интрига эта - и бедна, и мелочна.
Согласие его тупое длит долго состояние падшее;
Его успехи мелкие влекут всего лишь к ошибкам его души,
А маленькие радости его лишь только оттеняют частые напасти:
Лишения и тяжкий труд – высокая цена, которую он платит
475. За право жить, и смерть – последняя оплата за это всё.
Инерция, что погружает человека в несознание,
И сон, который смерть копирует, - вот, его отдых.
Еле заметное сверкание его силы творческой
Дает ему толчок к трудам недолговечным,
480. Которые, однако, длятся всего лишь дольше одного дыхания творца.
Он иногда мечтает о празднествах богов

- И видит дефиле телодвижений Дионисия -
То львиное величие могло бы его душу растерзать,
Если б его слабеющие члены и сердце робкое мгновенно охватило
485. Сладчайшее и радость приносящее могучее безумство:
Обычные забавы стимулируют и тратят попусту
Энергию, которая дается человеку, чтобы расти и возвышаться.
Так на ничтожные дела он тратит свои часы короткие.
Товарищество краткое с огромной цепью разногласий,
490. Любовь недолгая и ненависть, и ревность,
Прикосновение дружбы в толпах безразличных
Рисуют способ действий сердца на слабой карте его жизни.
Ведь, если что-то в нём великое и просыпается, то это всё -
Тон слишком приземленный, чтоб проявить зенит блаженства
495. И чтоб увековечить его мысли эфемерное парение:
Искусства луч сверкающий – лишь развлечение для глаз,
А обаяние музыки – лишь трепет, что терзает нервы.
Средь изнуренного труда и хаоса его забот,
Придавленный работой своих толпой бегущих мыслей,
500. Прикладывает он иногда ко лбу больному своему могучие
И молчаливые Природы руки, чтоб умиротворить боль жизни.
Её безмолвие его спасает от пытки его собственного «я»;
В Её спокойной красоте – его чистейшее блаженство.
Жизнь новая восходит, пред ним широкие возможности открыты;
505. Дыхание Духа движет им, но вскоре оно уходит:
Могущественного гостя не может его сила удержать.
Всё блекнет, сводится до принятых обычаев, рутинных дел
Или приводит к возбуждению, которое приносит радостный восторг:
Тогда все дни его окрашены оттенками борьбы кровавой,
510. Пятном позорным красным вожделения и ярким блеском страсти;
Сражения, убийства – его семейная игра.
Он не находит времени, чтоб взор вовнутрь устремить,
Чтобы найти своё потерянное «я» и свою душу неживую.
Он кружится накоротке вокруг своей оси;
515. Парить не может он, его удел - ползти своей дорогой длинной,
А если в нетерпении на трудном утомительном пути во Времени
Проявит он великую поспешность на медленной дороге своей Судьбы,
Его трепещущее сердце вскоре сильно ослабеет, устанет и померкнет;
Или он будет вечно брести неторопливо и цели не достигнет никогда.
520. Совсем немногие лишь могут всё-таки подняться к высшей жизни.
Всё на земле настроено на низкий уровень и низкий тон сознания.
Познание человека здесь пребывает в доме самого Неведенья;
Ни разу его сила даже и не приближалась к Всемогущему,
Экстаз небесный редко посещает род людской.
525. Блаженство, которое спит в мире сущем, стараясь пробудиться,
В нём начинается с восторга небольшого его жизни:
Скупая эта милость божья – его опора стойкая;
Она снижает тяжесть его многих затруднений
И примиряет его с миром маленьким своим.
530. Он удовлетворен своим характером обычным средним;
Надежды будущие, старые свои круженья мысли
И интересы, и желания привычные и старые
Он превратил в густой разграничительный забор,

- Который защищает его маленькую жизнь от некого Незримого;
535. Родство же собственного существа с великим Бесконечьем
Он запер от себя в «я» собственном, сокрытом глубоко внутри,
Отгородившись от величия и силы сокрытого неведомого Бога.
Его людское существо сформировали, чтоб играть обыденную роль
В некой короткой драме на маловажной сцене;
540. На узком ограниченном клочке земли поставил он свою палатку жизни
Под взором пристальным Простора звездного обширного.
Он – тот венец всего, что было сделано доселе:
Поэтому тяжелый труд творения является оправданным;
Таков итог существования мира и состояние последнее Природы!
545. И если б это было всё, и больше ничего ему не предназначено бы было,
И то, что представляется сейчас, было бы тем целым, которым быть должно,
И это была б не часть дороги, которая лежит пред нами, - дороги
По которой мы идем из вещества Материи к «Я» вечному,
К Причине мира сущего и к Свету, сотворившему миры,
550. То можно было бы уму несовершенному людскому легко истолковать
Существование наше лишь случайностью во Времени,
Иллюзией, феноменом, какой-то аномалией, причудой,
Каким-то парадоксом Мысли боготворческой,
Которая течет меж нереальных противоположностей,
555. С Её стремлением познать и ощущать у Силы неодоушевленной,
С Материей, рискующей истолковать себя Умом,
И с Несознанием, которое, совсем невероятно, порождает душу.
Всё временами выглядит каким-то нереальным, отдаленным:
Мы, кажется, живем в фантазии своих же мыслей, составленной
560. Из ощущений от рассказа путешественника странного
Или же выхваченной из картины включенного на запись мозга -
Случайной обстоятельности или вымысла во сне космическом.
Как некая сомнамбула, гуляющая в лунном свете,
Шагает образ эго сквозь невежественный сон,
565. Отсчитывая призрачного Времени мгновенья.
В ракурсе ложном созерцая следствия и их причины
И доверяя ложной перспективе пространства мирового,
Дрейфует непрестанно он от сцены к сцене,
Куда, в какой неведомый, невероятный край идти не зная.
570. Всё видится как сон здесь или лишь в сомненьях существует,
Но кто сновидец тот, и из какого места он рассматривает это,
Пока что неизвестно или определяется лишь только смутно.
Или же весь мир реален, но сами мы ничтожно малы -
Нам явно не достает могущества на нашей сцене.
575. Кривая жизни слабая пересекает завихрение гигантское
Орбиты космоса, лишенного души, и в чреве этой массы тел,
Рассеянных в пространстве и кружащихся без остановки,
На маленьком случайном небесном шарике проглядывает разум
И задает себе вопрос, что он есть сам и что есть сущее вокруг.
580. И с точки зрения его, взирающего с той земли -
Во взоре странно сформированном куске слепой Материи -
Набросок точечный такого маленького «я» тотчас же
Принимает образ сознательной основы мирского бытия.
Таким явление наше представляется внизу в неясной полутьме.
585. И эта полутьма - знак бесконечности Материи,

- Это – таинственная суть, которая предъявлена
Науке-великанше - мерилу поля своего, ибо она
Рассматривает пристально обзоров своих тайных запись и
Математически анализирует свой необъятный внешний мир;
590. Для Разума, очерченного кругом чувства,
Или на трудной для понимания, обширной Бирже Мыслей
Наука – биржевой делец глубокими и тонкими идеями,
Абстракции на месте на пустом – её валюта,
Но мы не знаем, какие ценности реальные являются её основой.
595. Только религия в этом банкротстве знаний
Сердцам нашим дарует свои туманные богатства
Или подписывает ничем не обеспеченные чеки на жизнь загробную:
Там наша бедность получит своё отмщение.
Отбросив жизнь никчемную, уходят души наши
600. В пустую неизвестность или берут с собою
В вечность свой паспорт, выписанный Смертью.

- Однако, всё это было лишь условным построением:
Попыткой ранней и первым экспериментом,
Самораскрытием неполным разума,
605. Явленьем ложным, изображенным чувством ограниченным.
Это была игрушка для развлечения земли младенческой;
Но знание не завершается в этих поверхностных могуществах,
Которые живут на острие Невежества
И не рискуют смотреть в опасные глубины
610. Иль вглядываться ввысь, оценивая Неизвестность.
Есть видение изнутри, которое поверхностного глубже,
И, если мы отбросим ничтожные ограничения ума,
То виденье великое нас встретит на вершинах
Во взоре с просветленной полнотой божественного духа.
615. Вот, наконец, в нас пробуждается Душа-свидетель,
Что вглядывается в истины незримые и изучает то Неведомое нам;
Затем всё обретает новый чудесный лик:
Трепещет мир со светом Бога в своём ядре,
В глубинном сердце Времени живут и развиваются намеренья высокие,
620. Границы жизни распадаются, соединяясь с бесконечностью.
Этот широкий сбивчивый, но всё же жесткий путь
Становится Богов полиритмией впечатляющей,
Игрой, божественной работой, неоднозначной и неясной.
Наши желания это эксперименты скоротечные,
625. Что созданы непостижимой и бессловесной Силой,
Тестирующей выпуски свои из Ночи несознания
На встрече с просветленным «я» блаженства Истины.
В реальном Сущем она проглядывает через проявленную форму;
Она не уставая трудится и в наших смертных разуме и чувстве;
630. Среди образов Неведения и в символических картинках,
Что начертали мысль и слово;
Она разыскивает истину, к которой эти образы стремят;
Она источник Света ищет с лампой виденья;
Она старается найти Делателя всех трудов,
635. Найти Водителя - неосязаемое «Я» внутри,
Небесное неведомое «Я», которое и есть та наша цель.

- Не всё является уроком слепой Природы:
С высот за нами наблюдают Мудрость, Слово,
Свидетель, что санкционирует Её труды и волю,
640. Незримый Глаз в обширности невидимой;
Здесь проявляется Влияние от Света свыше,
Здесь есть и мысли отдаленные, и запечатанные вечности;
Мистический мотив здесь подгоняет звезды, солнца.
На переходе этом от Силы несознательной, глухой
645. К сознанию бьющемуся и дышанью преходящему
Мощь Сверхъестественного обслуживает Время.
Мир этот - не такой, каким его мы видим, и не такой, как думаем,
И жизни наши – таинство серьезнее, чем мы себе воображаем,
И разум наш – участник жизненного продвиженья к Богу,
650. И наши души нам вручил Всевышний.
По узким улочкам космического поля,
Испрашивая скудную подачку из рук Фортуны
И облачившись в бедные одежды, гуляет там Единый.
Даже в театре божьем этих жизней маленьких,
655. За действием определенным благоухает сладость тайная,
Живет порыв божественности незаметной.
Мистическая страсть из родников Творца
Течет сквозь защищенные пространства человеческой души;
Сила-помощница поддерживает землю, пребывающую в муках,
660. Крепит невидимую близость, радость скрытую.
Внутри мира страдания присутствует сердечное блаженство,
Несильные вибрации оттенков радости
И шепот приглушенный счастья сокровенного,
И ликование в глубинах сна.
665. Младенец, вскормленный на тайной груди Природы,
Младенец, весело резвящийся в магических лесах,
Играющий восторженно на флейте потоков духа,
Ждет часа, когда же мы откликнемся на зов его.
И в одеянии телесном этой жизни живет
670. Душа, которая есть искра Бога, и иногда
Сквозь маску эту низкую она наружу прорывается
И огонь зажигает, который делает полубожественными нас.
В наших телесных клетках есть Сила тайная,
Что зрит невидимое, строит планы вечные,
675. Мельчайшие частички наши потребности глубокие содержат;
Туда прийти Предвестники златые тоже могут:
Прорезан путь в покрытой тиной стене людского «я»;
Через ворота низкие, склонивши головы свои,
Проходят чередою ангелы экстаза бескорыстного,
680. И, поселившись у мечты во внутреннем святилище,
Живут там эти созидатели божественного образа.
Здесь есть и сострадание, и огненное жертвоприношение,
Здесь вспышки яркие сочувствия и нежности
Бросает свет небесный из сердца алтаря уединенного.
685. Работа сделана в безмолвиях глубоких;
Чувства духовного триумф и изумление,
В пространстве вечности улыбка красоты,
Преобразующая в радость опыт мира,

- Собою заполняют тайну недостижимых глубин;
690. Спит вечность, убаюканная Времени биеньем в нас.
В той сердцевине запечатанной магической, в ядре благоприятном,
Стоит недвижно за внешней формой смерти
Вечная Сущность и внутри готовит
Материю небесного блаженства,
695. Феномена божественного царство.
В скептический и невежественный разум наш предвиденье приходит -
Освобождения некое бескрайнего предвиденье; и наша воля
К нему вздымает неторопливые, формирующие будущее руки.
Частица наша каждая желает Абсолюта своего.
700. Желают наши мысли Свет предвечный охватить,
Из всемогущей Силы наша сила истекает,
И с той поры, как божие Блаженство мира создало,
А вечная Краса о форме вопрошает,
Хоть здесь всё сделано из праха бытия,
705. Наши сердца охвачены обманными пустыми образами,
А наши подлинные чувства блаженства слепо ищут.
Наша ошибка Реальность умерщвляет, чтобы форсировать
Здесь её новое рождение и рождение божественного тела,
И принуждает к воплощению в форме человеческой,
710. И жизнь вдыхает в члены эти, чтоб каждый мог коснуться и обнять их,
Чтоб Знание спасло, освободило древнее Неведенье,
А свет освободительный Его – весь космос бессознательный.
Когда «Я» то великое к нам низойдет, чтобы как море
Наполнить смыслом образ нашей быстротечности,
715. Всё будет обязательно охвачено восторгом и изменено:
В экстаза волнах невообразимых закружатся
И звуки смеха, и разум наш, и жизнь, и чувства в свете совсем не том,
Что освещает день человека – ограниченный, тяжелый;
Все ткани тела ощутят трепет божественный,
720. Все его клетки испытают преображение яркое.
И эта тень души – людское это существо, рожденное во Времени,
Эта живая низкорослая фигура духа, погруженного во тьму,
Восстанет из дел своих, окутанных мечтами мелкими.
С его личины эго и с образа его обличья
725. Будет удалена их смертная карикатура -
При переделке в бога глиняного тролля,
Воссоздан будет в образе он Гостя вечного.
Гость этот будет притянут к груди чистейшей Силы,
И, пламенея от прикосновенья райского
730. В огне сладчайшей духовной благодати,
В багряной страсти измененья бесконечного,
Он будет пробуждаться и в экстазе содрогаться, и трепетать.
Как если б полностью стирая чары уродства,
Тусклой Пучины поработанье отвергая,
735. От черной магии вселенской Ночи освобожденный,
Он, наконец, узнал бы, кто в нём внутри невидимым живет,
И, покоренный чудом в сердце, переполненном любовью,
Колени преклонив перед сидящем на престоле Божеством,
Всё осознал бы, дрожа от красоты, восторга и любви.
740. Но прежде мы должны добиться восхождения духа из этой пропасти,

- В которой началось природы нашей восхождение.
Душа наша должна безоговорочно возвыситься над формой,
Взобравшись на вершины, которые лежат вне рамок полусна ума;
Наши сердца наполнить нужно небесной силой,
745. Животное должно внезапно быть поражено сокрытым богом в нас.
Затем без колебаний раздувая жертвы огненный язык
И призывая светлой полусферы мощь, необходимо
Полностью отбросить позорное пятно рожденья смертного,
Сделать из пропасти дорогу для нисхождения небесного,
750. Глубины наши познакомить с Лучом божественным
И темноту в той пропасти рассеять мистическим Огнем.

- Рискуя снова оказаться в тумане нового рождения,
Передвигаясь сквозь мглу опасную, чреватую неясной смутой,
Дорогу наносил на карту Ашвапати сквозь астральный хаос,
755. Сквозь череду лиц серых искусителей-богов,
Колеблющихся призраков шептанием без умолку вопрошаемый
И колдовством речистой силы их осаждаемый без перерыва.
Он по земле передвигался, в провалы попадая ненароком,
Свершая путешествие к неуловимой цели с полной силой,
760. Как тот, кто шествует полями странными без видимого руководства
И не заботиться о том, на что надеяться ему, и где он пребывает.
За ним остался след - как исчезающая линия
Из точек, что мерцают в рассеянной безмерности;
Бесплотный шорох сопровождал его
765. Той темноты израненной, что жалобы диктует против света.
Огромные препятствия лежащей недвижимо сути этой темноты,
И наблюдаемая тупость умножали, пока он шел,
Враждебное скопление взирающих на это мертвых глаз;
Тьма эта мерцала тускло, как угасающий фонарь.
770. Вокруг свидетеля затихшее фантомное сияние
Наполнило обманчивыми призрачными образами
Очерченную смутно, бездонную и темную пещеру Несознания.
И только пламя его духа было как солнца свет.

Конец Песни пятой